

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Том 21
Выпуск 1

Издается с 1961 года

ISSN 0202–2397

Том 21

Выпуск 1

Главный редактор: канд. филол. наук, доц. О. С. Ермакова (СПбГУ, Россия)
Редакционная коллегия: д-р филол. наук, проф. А. М. Вунен (Университетский колледж Осло и Акерсхуса, Норвегия); д-р филол. наук, проф. Н. Ю. Гвоздецкая (РГУ, Россия); ст. науч. сотр., д-р физ. наук Т. де Грааф (Фризская академия, Нидерланды); ст. преп. Ю. М. Григорьева (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. А. Ю. Дароци (Реформатский университет им. Кароли Гаспара, Венгрия); д-р филол. наук Э. С. Йенсен (Комитет по датскому языку, Дания); канд. филол. наук, доц. Е. В. Краснова (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. Ю. К. Кузьменко (Институт лингвистических исследований РАН, Россия); канд. филол. наук, доц. А. Н. Ливанова (СПбГУ, Россия); канд. филол. наук, доц. П. А. Лисовская (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. И. М. Михайлова (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. Е. Р. Сквайрс (МГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. Е. М. Чекалина (МГУ, Россия)

Vol. 21

Issue 1

Editor-in-chief

Assoc. Prof. O. S. Ermakova (St. Petersburg State University)

Editorial Board

Prof. A. M. Vonen, Doctor of Science (Philology) (Oslo and Akershus University College of Applied Sciences, Norway); Prof. N. Y. Gvosdeckaya, Doctor of Science (Philology) (Russian State University for the Humanities); Senior Research Associate T. de Graaf, PhD in Physics (Frisian Academy, Netherlands); Sen. Lecturer J. Grigoryeva (St. Petersburg State University); Prof. A. J. Daróczy, Doctor of Science (Philology) (Károli Gáspár University of the Reformed Church, Hungary); E. S. Jensen, Doctor of Science (Philology) (Danish language committee, Denmark); Assoc. Prof. E. V. Krasnova, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Prof. Y. K. Kuzmenko, Doctor of Science (Philology) (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Assoc. Prof. A. N. Livanova, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Assoc. Prof. P. A. Lisovskaya, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Prof. I. M. Michajlova, Doctor of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Prof. C. Squires (Ekaterina Skuayrs), Doctor of Science (Philology) (Lomonosov Moscow State University); Prof. E. M. Chekalina, Doctor of Science (Philology) (Lomonosov Moscow State University)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Alyoshin A., Ivanov E.</i> Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling	5
<i>Benko V., Gurova E., Khokhlova M., Krasnova E.</i> Corpus analysis of the co-occurrence of the concept <i>hygge</i>	24
<i>Nikulicheva D.</i> The three-term model of communication and the system of Danish deictic pronouns	39
<i>Popova O.</i> The influence of Latin on somatisms in the Norwegian language	58

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

<i>Tereshko E., Vellinga R. S.</i> Ways of transmitting modal meanings in Dutch-Russian translation: The case of the modal particle <i>maar</i>	73
---	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Dmitrieva M.</i> Verbal and musical texts: Interaction of semiotic codes.....	96
<i>Коровин А. В.</i> Тема экзистенциального одиночества у С. Киркегора и Ф. Достоевского.....	107
<i>Морозов А. Д.</i> Специфика сюжета в травелогe «Мой сын на галере» Я. Валленберга.....	129
<i>Surkov V.</i> The power of time in lyrical poetry by Per Atterbom and Viktor Rydberg.....	141

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

<i>Светозарова Н. Д.</i> Кристиан Моргенштерн и Генрик Ибсен (эпизод из истории художественного перевода).....	152
<i>Statkevich V.</i> Tekeningen van Pieter Quast in de collectie van de Hermitage	162
<i>Taratonkina I.</i> Alexander Kuchin (1888–1913?) and his <i>Small Russian-Norwegian dictionary</i>	181

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Alyoshin A., Ivanov E.</i> Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling	5
<i>Benko V., Gurova E., Khokhlova M., Krasnova E.</i> Corpus analysis of the co-occurrence of the concept <i>hygge</i>	24
<i>Nikulicheva D.</i> The three-term model of communication and the system of Danish deictic pronouns	39
<i>Popova O.</i> The influence of Latin on somatisms in the Norwegian language	58

TRANSLATION STUDY

<i>Tereshko E., Vellinga R. S.</i> Ways of transmitting modal meanings in Dutch-Russian translation: The case of the modal particle <i>maar</i>	73
---	----

LITERATURE STUDY

<i>Dmitrieva M.</i> Verbal and musical texts: Interaction of semiotic codes.....	96
<i>Korovin A. V.</i> The theme of existential loneliness in Søren Kierkegaard's and Fyodor Dostoevsky's works.....	107
<i>Morozov A. D.</i> Plot features of the travelogue <i>My Son on the Galley</i> by J. Wallenberg	129
<i>Surkov V.</i> The power of time in lyrical poetry by Per Atterbom and Viktor Rydberg.....	141

CULTURE AND CULTURAL RELATIONS

<i>Svetozarova N.</i> Christian Morgenstern and Henrik Ibsen (an episode in the history of literary translation)	152
<i>Statkevich V.</i> Pieter Quast's drawings in the collection of the State Hermitage Museum.....	162
<i>Taratonkina I.</i> Alexander Kuchin (1888–1913?) and his <i>Small Russian-Norwegian dictionary</i>	181

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

UDC 811.113+811.161.1

Aleksey Alyoshin

Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications

Evgeny Ivanov

Mogilev State A. Kuleshov University, Republic of Belarus

SWEDISH PARALLELS OF BELARUSIAN PROVERBS: STRUCTURAL-SEMANTIC MODELING

For citation: Alyoshin A., Ivanov E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 5–23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

The article is devoted to the identification and differentiation of Swedish parallels of the most common Belarusian proverbs according to the nature of interlingual correlation. The goal involves the use of interlingual structural-semantic modeling of proverbs to identify complete proverbial analogues in different languages, identical structural models of proverbs, identical proverbial images and concepts. The material for the study was 320 Swedish proverbs, which are interlingual correlates of Belarusian proverbs. Proverbs-analogues in the Swedish and Belarusian languages are differentiated according to the nature of the interlingual community into two typologically significant groups: universal proverbs and international proverbs. Interlingual correlates of Swedish and Belarusian proverbs, which have the same structural models, are differentiated into several typologically significant groups depending on the nature of the variability of the lexical composition, due to the difference in the conceptual and figurative plan of proverbs. As a result of the study, the authors come to the conclusion that in the Swedish language there are a significant number of proverbs that are full or partial correspondences of the most commonly used Belarusian proverbs. A comparative analysis based on the structural-semantic modeling of proverbs made it possible to differentiate Swedish and Belarusian proverbial parallels into three typologically significant groups of units: similar proverbs, proverbs with identical structural models,

proverbs with identical images and concepts. Swedish proverbs containing images and concepts identical to Belarusian proverbs are characterized by partial ethnocultural marking of their content, as well as the absence of a strict connection between the correlation in the content of proverbs in different languages and the presence of identical images and concepts in proverbs. The absence of such a connection indicates the typological similarity of the figurative-conceptual spaces of the Swedish and Belarusian proverbial pictures of the world, in which manifestations of interlingual community and national specificity are deeply mutually determined.

Keywords: paremiology, proverb, interlingual analogue, structural model, image, concept, Swedish language, Belarusian language.

1. INTRODUCTION

The study of the general and specific in the proverbs of various languages has always attracted the attention of linguists, and has recently become one of the promising areas of paremiology as a part of modern linguistics [Lomakina, 2015; Bredis, Lomakina, 2020; Ivanov, Lomakina, 2021]. The most urgent problem of comparing proverbs is to identify their typologically common characteristics in different languages of the world, which will allow more accurate verification of their ethnocultural and linguocultural specificity.

The latest research shows that the correct translation of proverbs directly depends on how well proverbial correspondences and inconsistencies in different languages are studied [Bredis, Ivanov 2022b], the adequacy of defining their national and cultural specificity [Ivanov, Lomakina, Petrushevskaya, 2021], completeness and validity of the reconstruction of the national picture of the world, represented in proverbs [Bredis, Ivanov, 2021], the depth and accuracy of the lexicographic description of proverbs in bilingual dictionaries [Bredis et al., 2021; Bredis, Ivanov, 2022a] also depends on it.

Swedish proverbs have been insufficiently studied in terms of their comparison with proverbial units of other languages in general and in Slavic languages. Against the background of Russian, various categories of Swedish paremias have been studied, and proverbs with the comparative semantics of individual thematic groups have been analyzed most fully at the moment [Alyoshin, 2021; Zinovieva, Alyoshin, 2021; Zinovieva, Alyoshin, 2022a, b]. A few works are devoted to comparing Swedish proverbs with proverbs in other languages [Alyoshin, 2014; Zinovieva, Alyoshin, 2022c], the principles of their lexicographic description against a foreign background [Alyoshin, Zinovieva, 2015]. Swedish

proverbs are presented in the well-known multilingual dictionary “European Proverbs in 55 Languages” [Paczolay, 1997], where the proverbs fund of the Belarusian language is described along with the Slavic languages. However, Swedish proverbs have never been compared directly with Belarusian proverbs.

In turn, Belarusian proverbs are also not yet sufficiently studied both in comparative and typological terms in relation to various languages of the world. The main attention is paid to the differentiation of the general and specific in the proverbs of the Belarusian and Slavic languages, as well as a number of major European languages [Petrushevskaya, 2021]. A few studies are devoted to comparing the proverbial funds of the Belarusian language and languages of other language families [Petrushevskaya, 2020; Petrushevskaya, 2022a, b]. To date, the most developed applied aspect of the comparative study of Belarusian proverbs in the framework of bilingual paremiography [ABPS; BNPS; KABM; PBPS; RBPS; RBSP-1; RBSP-2], as well as a linguistic and regional description of the proverbial fund of the Belarusian language [SBPP]. The principles of lexicographic description of proverbs in Belarusian and other European languages are being developed [Ivanov, Feldman, 2007; Ivanov, Ruiz-Zorrilla Crusate, 2021], including the Swedish language [Alyoshyn, Ivanov, 2022], which is due to the active demand for its study as the main or second foreign language at the universities of modern Belarus.

The purpose of the study is to identify and differentiate the Swedish parallels of the most common Belarusian proverbs by the nature of interlingual correlation.

The goal involves the use of interlingual structural-semantic modeling of proverbs to identify complete proverbial analogues in different languages, identical structural models of proverbs, identical proverbial images and concepts. This set of typologically significant properties of proverbs was identified when comparing the proverbial funds of genetically and areally distant languages [Ivanov, Lomakina, Nelyubova, 2021] and successfully tested when comparing the proverbial funds of the Belarusian and Vepsian languages [Petrushevskaya, 2022a], Belarusian and Tuvan languages [Petrushevskaya, 2022b].

The material for the study was 320 Swedish proverbs, which are interlingual correlates of Belarusian proverbs. Swedish proverbs were selected using frontal sampling from the following sources: P. Holm,

Ordspråk och talesätt med forklaringar (P. Holm, Proverbs and sayings with explanations [Holm, 1971]); P. Holm, *3530 ordspråk och talesätt* (P. Holm, 3530 proverbs and sayings [Holm, 1984]); F. Ström, *Svenska ordspråk* (F. Ström, Swedish proverbs [Ström, 1929]). The paremiological minimum and the main paremiological fund were chosen as the sources of Belarusian proverbs [Kotova, 2000, p. 273–284; Ivanov, 2002, p. 5–19, 41–84], which include the most commonly used proverbs of the Belarusian language.

2. SIMILAR PROVERBS

It is expedient to refer to interlingual proverbial analogues such units that in different languages are as close as possible in terms of lexical and grammatical organization and conceptual and figurative plan. Such units can be the result of both mutual borrowing and borrowing from a common source for the two given languages. In both cases, the very presence of borrowed proverbs-analogues in different languages can be considered as evidence not only of the commonality of national proverbial funds, but also of the closeness of the traditional worldviews of these peoples. In the case of the presence of similar units in the proverbial funds of languages that are as far as possible in their origin and distribution area, such units can be considered as universals, due to the nature of perception of reality that is fundamentally common for speakers of different cultures and the way of its linguistic expression in a generalized form. At the same time, in different languages, universal proverbs can be realized in different national variants, which are mainly due to the replacement of one lexical component and/or the addition of one new structural part [Paczolay, 1997]. Similar proverbs represent the most obvious and calculable characteristic of typological proximity vs remoteness of proverbial funds of these languages.

Proverbs-analogues in the Swedish and Belarusian languages are differentiated according to the nature of the interlingual community into two typologically significant groups of units: universal proverbs and international proverbs.

Thus, the Swedish proverb *Ingen rök utan eld* ‘There is no smoke without fire’ and its analogue in the Belarusian language *Дыму без агню не бывае* (*Не бывае агню без дыму*) ‘There is no smoke without fire (There is no fire without smoke)’ or *Дзе дым, там і полымя* ‘Where there is

smoke, there is fire’ on the grounds that similar proverbs are recorded in 54 genetically and areally remote languages, including most European different language families and groups, as well as in Arabic, Persian, Chinese, Japanese, Sanskrit, etc., and have a structural-semantic model common to all languages “(There is) no smoke without (some) fire or If there is (no) smoke, there is (no) fire (v1); There is no fire without (some) smoke or If there is (no) fire, there is (no) smoke (v2)” [Paczolay, 1997, p.33–37]. Universal proverbs-analogues in Swedish and Belarusian are the following: *Äpplet faller inte långt från trädet* ‘The apple falls not far from the tree’ — *Яблыка ад яблыні далёка не падае* ‘The apple does not fall far from the tree’ [Paczolay, 1997, p.259–262]; *En svala gör ingen sommar* ‘One swallow doesn’t make summer’ — *Адна ластаўка вясны не робіць* ‘One swallow doesn’t make spring’ [Paczolay, 1997, p.49–53]; *I nöden prövas vännen* ‘A friend is known in trouble’ — *Сябры пазнаюцца ў бядзе* ‘Friends are known in trouble’ [Paczolay, 1997, p.159–164]; *Krukan går så länge efter vatten, tills hon går sönder* ‘The pot fetches water until it breaks’ — *Да пары збан ваду носіць, вушка адарвецца — збан наб’ецца* ‘For the time being, the jug carries water, the handle will come off and the jug will break’ [Paczolay, 1997, p.287–291]; *Man skall icke se given häst i munnen* ‘Don’t look a gift horse in the mouth’ — *Дараванаму каню ў зубы не глядзяць* ‘Don’t look a gift horse in the mouth’ [Paczolay, 1997, p.54–58]; *Som man sår, får man skörda* ‘As you sow, so shall you reap’ — *Што пасееш, тое і пажнеш* ‘As you sow, so shall you reap’ [Paczolay, 1997, p.38–43]; *Väl börjat är hälften vunnet* ‘Well started — half won’ — *Добры пачатак — палова справы* ‘A good start is half done’ [Paczolay, 1997, p.228–232], etc.

The Swedish proverb *Tala om vargen, så kommer han* ‘Talk about the wolf, he will come’ and its Belarusian counterpart *Пра воўка памоўка, а ён і сам тут* ‘There is a conversation about the wolf, and he is here himself’ are international, since identical proverbs are found in genetically and/or areally close European languages, e. g.:

- Lithuanian: *Vilką mini, vilkas čia* ‘Name the wolf, and the wolf is here’;
- German: *Wenn man den Wolf nennt, so kommt er gerennt* ‘When you call the wolf, he will come running’;
- Polish: *O wilku mowa, a wilk tu* ‘There is a conversation about the wolf, and the wolf is here’;

- Russian: *Помяни волка, а волк тут* ‘Remember the wolf, and the wolf is here’;
- Ukrainian: *О вовку помовка, а вовк і єсть* ‘There is a conversation about the wolf, and the wolf is here’.

Compare also: in Spanish *Háblate del lobo, y veréis su pelleja* ‘Talk about the wolf and see his skin’ and English *Speak of the wolf and see his tail*, etc. [Petrushevskaya, 2020, p. 106].

International proverbs-analogues in the Swedish and Belarusian languages are the following: *Allt är lagom* ‘Everything in moderation’ — *Усё добра, што ў меры* ‘Everything is good in moderation’ [Petrushevskaya, 2020, p. 280]; *Allting har sin tid* ‘Everything has its time’ — *На ўсё свая пара* ‘Everything has its time’ [Petrushevskaya, 2020, p. 283]; *Av skadan blir man vis* ‘The damage makes you wise’ — *На памылках вучымся* ‘Mistakes make wise’ [Petrushevskaya, 2020, p. 213]; *Borta bra men hemma bäst* ‘Away is good, but at home it’s best’ — *У гасцях добра, а дома лепей* ‘Away is good, but at home it’s better’ [Petrushevskaya, 2020, p. 276]; *Hungern är den bästa kryddan* ‘Hunger is the best spice’ — *Голад — найлепшы кухар* ‘Hunger is the best cook’ [Petrushevskaya, 2020, p. 141–142]; *Skall (vill) ägget lära hönan värpa* ‘Will an egg teach a hen to lay’ — *Яйка курыцы не вучыць* ‘An egg doesn’t teach a chicken’ [Petrushevskaya, 2020, p. 195]; *Verket prisar mästaren* ‘The deed glorifies the master’ — *Справа майстра баіцца* ‘The deed is afraid of the master’ [Petrushevskaya, 2020, p. 152].

Many universal and international analogues of Swedish and Belarusian proverbs have national and culturally marked variants. Thus, the universal Swedish proverb *En svala gör ingen sommar* ‘One swallow does not make summer’ has analogues in Belarusian *Першая ластаўка (першы шпак) вясны не робіць* ‘The first swallow (the first starling) doesn’t make spring’ and *Гракі цяпла не прыносяць* ‘Rooks don’t bring warmth’ [Petrushevskaya, 2020, p. 20–22], in which, along with the components of *ластаўка* ‘swallow’ and *шпак* ‘starling’ common in similar proverbs of many languages, the component *грак* ‘rook’ is used, which is unique (nationally specific) and is not fixed in the structural-semantic model of this universal proverb common to all languages, cf. “One swallow/starling/cuckoo does not make/bring a spring/summer” [Paczolay, 1997, p. 49]. The international proverb “about an evil creature that cannot be named” has similar variants in Swedish and Belarusian languages: *Tala om trollen, så är de i farstun* ‘Talk about trolls, and they are

in the hallway’ — *Пра воўка памоўка, а воўк у хатку* ‘You talk about the wolf, and the wolf comes into the house’, however, in the Swedish proverb, instead of the pan-European component, the wolf appears as a troll — a mythical creature, legends about which originated in Ancient Scandinavia and which is one of the national symbols in modern Sweden (in the Swedish traditional picture of the world, trolls, despite the external ugliness, are considered capable of reincarnating and taking on a human form, and at the same time they own enormous wealth).

The national and cultural marking of similar proverbs in the Swedish and Belarusian languages is a natural reflection of the traditional picture of the world of the Swedish and Belarusian peoples. However, if for universal proverbs-analogues the reflection of national culture in them has an ontological character, then the appearance of ethnocultural markers in international proverbs is primarily due to the axiological factor that determines the ethnolinguocultural assimilation of proverbial borrowings.

3. IDENTICAL STRUCTURAL MODELS OF PROVERBS

The structural (or structural-semantic) model of a proverb should be understood as “an empirically verified ideal sample of the form and content of this proverb, which is invariant for all variant and optional forms of its lexical-semantic composition and grammatical organization, as well as all variants of its general meaning” [Ivanov, Lomakina, Petrushevskaya, 2021, p. 1015]. Such an understanding of the proverbial model allows us to extend it both to interlingual variants of the same proverb and to correlative proverbs in different languages. The latest research has shown that “proverbs that are identical in terms of the structural-semantic model in different languages are either analogues with minimal interlingual differences in the form and content of national proverbial variants, or correlates with a significant increase in such differences” [Petrushevskaya, 2022a, p. 500].

Analogous proverbs differ from correlated proverbs in that the former have the same or as close as possible both form and content (i. e. similar proverbs in different languages can be considered as national variants of one proverb — international or universal), and the latter form and the content is fundamentally different, even if the difference consists in one lexical component with the same structural model (correlative proverbs in different languages cannot be considered as national

variants of the same proverb, these are proverbs in different languages that are different in their figurative and conceptual plan).

The presence of identical structural models of proverbs in different languages is a significant typological indicator in cross-language comparison, since if the proportion of similar proverbs in a given pair of languages can be used as an indicator of proximity vs remoteness of national proverbial funds, the number of common proverbial models characterizes the typological similarity vs remoteness of the structural-semantic organization of proverbs in these languages.

Interlingual correlates of Swedish and Belarusian proverbs, which have the same structural models, are differentiated into several typologically significant groups depending on the nature of the variability of the lexical composition, due to the difference in the conceptual and figurative plan of proverbs. In total, four groups of proverbs identical in terms of the structural model can be distinguished, which correlate with each other according to the degree of increasing interlingual differences in the composition of lexical components (and, accordingly, in a number of proverbial concepts and images) in the Swedish and Belarusian languages.

1. The difference in one lexical component, which is dominant in the conceptual and figurative terms of proverbs, determines their content, which is different in each of the languages, determines the interlingual divergence of proverbs that are as close as possible in their lexical composition, their relationship as correlates, and not as analogues, e. g.: *Den som spar han har* 'Who saves, he has' — *Хто дбае, той і мае* 'Whoever works, he has'; *Tiggarröd är dyrt bröd* 'Beggars' bread is an expensive bread' — *Жабрачы хлеб — сабачы* 'Beggars' bread is a dog's (bread)'.

2. The difference in the paired lexical components of a proverb, represented in many cases by proverbial binomials — “combinations of components that make up the semantic core of paremiological units that are quite stable and frequent in the paremiological space”, which in proverbs “can be considered as one of the ways of encoding and storing conceptual information” [Seliverstova, 2009, p.183], e. g.: *Till stor rumpa skall stora byxor* 'On the big ass go big trousers' — *Вялікаму каню — вялікі хамут* 'To the big horse goes a big collar'; *Åt de rika ger man, från de fattiga tar man* 'They give to the rich and take away from the poor' — *Дзе людзі бяднеюць, там пань багацеюць* 'Where common people are getting poorer, gentlemen are getting richer'.

3. The difference in most lexical components when one lexical component of the proverb coincides (as a rule, the main, central in its conceptual and figurative plan), e. g.: *Arga katter får rivet skinn* 'Evil cats tear the skin' — *Збродлівай кошцы хвост уцінаюць* 'The naughty cat's tail is truncated'; *En man gör ingen marknad* 'One man won't make a fair' — *Адным калом плота не падапрэш* 'One stake doesn't support a fence'; *Hunger är ett vasst svärd* 'Hunger is a sharp sword' — *Голад — найлепшы кухар* 'Hunger is the best cook'.

4. The difference in the entire composition of the lexical components of proverbs (with the exception of auxiliary lexemes, which are a necessary component of the structural model common to proverbs in both languages), e. g.: *Det är för sent att läsa Fader vår, när fan stigit in genom dörren* 'It's too late to read Our Father when the devil came in the door' — *Не да пацераў, калі хата гарыць* 'No time to pray when the house is already on fire'.

As you can see, Swedish proverbs, which are identical in terms of the structural model with proverbs of the Belarusian language, are characterized by a rather high degree of interlingual discrepancies in the composition of lexical components and, accordingly, in terms of the concepts and images they express. However, the Swedish correlates of Belarusian proverbs are almost not ethnoculturally marked, which looks unexpected against the background of a rather high level of linguocultural and ethnocultural markedness of the structurally identical correlates of Belarusian proverbs from other genetically and areally remote languages — Vepsian and Tuvan [Petrushevskaya, 2022a, b]. In turn, the Belarusian correlates of Swedish proverbs with the same structural model are also characterized by an almost complete absence of national-culturally marked components. All recorded differences in lexical components and the concepts and images they express in Swedish and Belarusian proverbs with an identical structural model are characterized by ethnocultural neutrality (they do not carry any national-cultural specific information, therefore they do not mark the culture of the people in whose proverbs they are used). So, respectively, in Swedish — “save”, “expensive”, “ass”, “trousers”, “rich”, “poor”, “evil”, “tear”, “skin (cat)”, “man”, “fair”, “sharp”, “sword”, “song”, “bird”, “devil”, “door”, in Belarusian — “work”, “dog”, “horse”, “collar”, “commoner”, “master”, “naughty”, “truncate”, “tail (cat)”, “stake”, “fence”, “best”, “cook”, “nobleman”, “boots”, “house”, “burn”. All these lexical components themselves

can be used (and are used) in the proverbs of each of the languages. The ethnolinguistically neutral nature of the conceptual and figurative content and lexical composition of Swedish and Belarusian proverbs identical in terms of the structural model can be considered typologically significant for this pair of languages.

4. IDENTICAL IMAGES AND CONCEPTS IN CORRELATIVE PROVERBS

Proverbial images and concepts in the interlingual comparison of proverbs are considered either as components of a proverbial structural-semantic model, or as elements of the proverb content plan [Ivanov, Lomakina, Petrushevskaya, 2021, p. 1016]. The proverbial images and concepts have typological significance when they are considered only in interlingual proverbial correlates (proverbs of different languages correlated in terms of content). Thus, the image of a “man-doer” is found in the Swedish proverb *Människan skapar själv sitt öde* ‘A person creates his own destiny’ and in the Belarusian proverb *Чалавека вочы водзяць* ‘A person is guided by his eyes’, however, these proverbs, despite the apparent closeness of their content, have fundamentally different meaning, since the Swedish proverb speaks of an independent person who is free to choose any path in life that he wishes, and the Belarusian proverb speaks of a dependent person who, when choosing certain decisions, actions, deeds, is limited by personal sensory experience in perception of reality. In turn, the image of an “evil person” is used in the Swedish proverb *En elak människas är sju gånger värre än satan själv* ‘An evil person is seven times worse than Satan himself’ and in the Belarusian proverb *Добры чалавек пабаіцца і ківа, а благі не баіцца і кія* ‘A kind person is afraid of a nod, and an evil person is not afraid of a stick’, while both of these proverbs are interlingual correlates, since they report the same thing — the negative qualities of an “evil person”. The coincidence of images in proverbs of different content is the result of a random choice and cannot serve as a basis for interlingual comparison, while the coincidence of images in meaningfully correlating proverbs (including proverbs with an identical structural model) cannot be random, it represents selectivity national proverbial pictures of the world in the reflection of objective reality, therefore, it can be used as a significant parameter in the typological description of proverbs in different languages. Identical images and concepts are also characteristic of analogous proverbs

(international and universal), but they do not have independent typological significance in them, they are only one of the indicators (along with an identical structural model) of the actual similarity of proverbs in different languages.

There are proverbs in the Swedish language that contain images that are identical to the images in meaningfully correlative Belarusian proverbs. At the same time, most of the images are complex (have a superword expression) or combined (more often paired from among the proverbial binomials in both languages):

- “bad joke”, e. g.: *Månget skämt slutar illa* ‘Many jokes end badly’ — *Дурныя жарты плачу варты* ‘Bad jokes end with crying’;
- “rich man and poor man”, e. g.: *När olyckan räcker den rike till knät, går den till halsen på den fattige* ‘When misfortune reaches the knees of the rich, it goes to the neck of the poor’ — *Багатаму шкода карабля, а беднаму — кашаля* ‘The rich feel sorry for the ship, and the poor for the wallet’;
- “hostess — master”, e. g.: *Kvinnan kan i förklädet bära ut mer ur huset, än tannen köra in med en hästavagn* ‘A woman can carry more out of the house in an apron than a man can bring in a wagon’ — *Калі хата без гаспадыні — вузлы гараць, а без мужыка (без гаспадара) — увесь дом* ‘If the house is without a mistress, the corners are on fire, and without a peasant (without a master) the whole house’;
- “cowardly hare”, e. g.: *Haren är rädd för sin egen skugga* ‘The hare is afraid of its own shadow’ — *Баязліваму і заяц — воўк* ‘To the coward even the hare is a wolf’;
- “someone has money”, e. g.: *Hellre en karl utan pengar, än pengar utan karl* ‘Better a man without money than money without a man gold’ — *Грошы ёсць — грошай няма, мы самі золата* ‘Is there money, is there no money, we ourselves are gold’;
- “lack of water”, e. g.: *Man vet bäst vad vatten är värt, när brunnen är tom* ‘The best way to find out the cost of water is when the well is empty’ — *З пустога цэбра вады не набярэш* ‘You can’t get water from an empty bucket of water’;
- “beautiful words”, e. g.: *Man fångar fisk med krok och folk med fagra ord* ‘They catch fish with a hook, and people with beautiful words’ — *Дарагое не віно, а прыгожае слаўцо* ‘It’s not wine that is expensive, but a beautiful word’;
- “native land”, e. g.: *Eget land är blåbär, andras är blåbucar* ‘Native country is blueberries, and someone else’s is bilberries’ — *Дзе воўк радзіўся, там і куст яму міл* ‘Where a wolf was born, there a bush is dear to him’, etc.

There are also quite a few proverbs in the Swedish language that contain concepts that are identical to the concepts in meaningfully correlative Belarusian proverbs. Moreover, most of the concepts are paired (mostly proverbial binomials in both languages):

- “to eat — to work”, e. g.: *Han äter så han svettas och arbetar så han fryser* ‘He eats, so that he sweats, but he works, so that he freezes’ — *Еш хочь расперажыся, але і працаваць не ляніся* ‘Eat, at least a belt shoot, but don’t be lazy to work’;
- “laziness — poverty”, e. g.: *Lättja lönas med armod* ‘Laziness is paid for by poverty’ — *Ад ляноты чакай бядоты* ‘Expect poverty from laziness’;
- “to see — to hear”, e. g.: *Sett är bättre än hört* ‘What is seen is better than what is heard’ — *Дай, Божа, чутае бачыць* ‘Give, God, what I have heard to see’;
- “sow — reap”, e. g.: *Den som sår ogräs kan inte skörda vete* ‘He who sows weeds cannot reap wheat’ — *Што насееш, тое и пажнеш* ‘What you sow, you will reap’;
- “to speak — to lie”, cf.: *Han ljuger ofta som mycket talar* ‘He often lies who speaks a lot’ — *Гавары, ды не ўсё дагары* ‘Speak, but not all lie’;
- “hunger”, e. g.: *Hungern är den bästa kryddan* ‘Hunger is the best spice’ — *Голад не дзядзіна (з’ясі і крадзена)* ‘Hunger is not uncle’s wife, (you will eat stolen food too)’;
- “weeping”, e. g.: *Efter skratt och flin kommer gråt och grin* ‘After laughter and smirks come weeping and angry grimaces’ — *Дурныя жарты плач варты* ‘Bad jokes end with crying’, etc.

Some Swedish proverbs, which contain images and concepts identical to Belarusian proverbs, are ethnoculturally determined, express ideas about reality that are specific to a given pair of languages. Thus, the Swedish proverbs *Man vet bäst vad vatten är värt, när brunnen är tom* ‘The best way to find out the cost of water is when the well is empty’ and *Lättja lönas med armod* ‘Laziness is paid for by poverty’ are axiologically marked (the measure of the value of proverbial images and concepts is their value), which is not in the correlative Belarusian proverbs, which are axiologically neutral, e. g.: *З пустога цэбра вады не набярэш* ‘You can’t draw water from an empty bucket’; *Ад ляноты чакай бядоты* ‘Expect poverty from laziness’. The Swedish proverb *Han äter så han svettas och arbetar så han fryser* ‘He eats so that he sweats, but works so that he freezes’ has an ironic tone in contrast to its Belarusian counterpart, which is characterized by direct didacticism: *Ад ляноты чакай бядоты* ‘Expect poverty from laziness’.

The presence of identical images and concepts in correlative proverbs of different languages can be considered as an indicator of typological similarities vs differences not only in terms of the content of units of national proverbial funds, but also in the structure of proverbial pictures of the world of these peoples. So, in the Swedish language, those proverbial images and concepts that are identical to Belarusian proverbial images and concepts are realized in many cases not only in correlative in content, but also in proverbs that are distant in meaning in comparison with the Belarusian language, which indicates the relationship and interaction typologically general and nationally specific both in the figurative space and in the conceptual sphere of the Swedish proverbial picture of the world. So, in many Swedish and Belarusian proverbs that are distant in content and structure (non-correlative) one can find identical images (“water”, “eye”, “head”, “horse”, “blood”, “man”, etc.) and identical concepts (“time”, “food”, “unhappiness”, “truth”, “work”, etc.). It is important that the lists of identical images and concepts in proverbs will be specific for the Swedish and Belarusian languages, as well as for each pair of languages, which has already been established when comparing the proverbial funds of Belarusian and Veps [Petrushevskaya, 2022a], Belarusian and Tuvan [Petrushevskaya, 2022b]. Comparison of images and concepts in non-correlative proverbs requires a separate study, which will allow us to establish the degree of proximity/remoteness of the figurative-conceptual space of the Swedish and Belarusian traditional (proverb) pictures of the world.

5. RESULTS

The study shows that in the Swedish language there is a noticeable number of proverbs that are full or partial correspondences of the most commonly used Belarusian proverbs. A comparative analysis based on the structural-semantic modeling of proverbs made it possible to differentiate Swedish and Belarusian proverbial parallels into three typologically significant groups of units: similar proverbs, proverbs with identical structural models, proverbs with identical images and concepts. Similar proverbs of the Swedish and Belarusian languages are divided into two groups of units according to the nature of the interlingual community against the background of other languages into universal proverbs and international proverbs. Universal proverbs are determined neither by the genetic commonality of languages, nor by language contacts,

therefore they represent similarities/differences in the Swedish and Belarusian proverbial pictures of the world. International proverbs are the result of foreign borrowings, therefore they point to coincidences/differences in the composition of the proverbial funds of the Swedish and Belarusian languages. The proportion of proverbs-analogues does not exceed 15 % of the total number of recorded Swedish parallels of Belarusian proverbs, which indicates a low, but quite noticeable typological proximity of Swedish and Belarusian proverbial funds and proverbial pictures of the world.

Swedish proverbs, identical in structural models to Belarusian proverbs, are differentiated into four groups of units according to the degree of increase in interlingual discrepancies in the composition of lexical components (and the images and concepts they express): 1) difference in one lexical component; 2) difference in two (paired) lexical components; 3) difference in most lexical components, except for one (central in figurative-conceptual terms); 4) difference in all lexical components. An important typological characteristic of Swedish and Belarusian proverbs with an identical structural model is that their lexical differences are not due to the ethnocultural specifics of national proverbial pictures of the world.

Swedish proverbs containing images and concepts identical to Belarusian proverbs are characterized by partial ethnocultural marking of their content, as well as the absence of a strict connection between the correlation in the content of proverbs in different languages and the presence of identical images and concepts in proverbs. The absence of such a connection indicates the typological similarity of the figurative-conceptual spaces of the Swedish and Belarusian proverbial pictures of the world, in which manifestations of interlingual community and national specificity are deeply mutually determined.

The nearest prospect for further research in this area is the fixation and analysis of the Belarusian parallels of Swedish proverbs, the development of principles and methods of the proverbial typology of the Swedish and Belarusian languages, the concept of a bilingual dictionary of Swedish and Belarusian proverbs with linguoculturological commentary.

The results of the study can be used in lecture courses on phraseology and paremiology of the Swedish and Belarusian languages, in lexicographic descriptions of Swedish and Belarusian proverbs, as well as in teaching Swedish and Belarusian as foreign languages.

REFERENCES

- Alyoshin A. S. Paremiyas verbalizing the concept of “love” in Swedish, German, English and Russian (linguoculturological aspect). *Paremiology in discourse*. Moscow: URSS Publ., 2014. P.155–191. (In Russian)
- Alyoshin A. S. Proverbs with a comparative component bättre/лучше in Swedish and Russian (a linguacultural aspect). *Cognitive Studies of Language*, 2 (45), 2021. P.310–319. (In Russian)
- Alyoshin A. S., Ivanov Ya. Ya. Materials of the Belarusian-Swedish dictionary of proverbs. *Proceedings of BSTU. Series 4: Print and media technologies*, 1 (255), 2022. P.86–95. (In Belarusian)
- Alyoshin A. S., Zinovieva E. I. Paremiyas in a foreign language audience: lexicographical aspect (based on Russian and Swedish units). *Bulletin of the Center for International Education of Moscow State M. V. Lomonosov University*, 4, 2015. P.62–68. (In Russian)
- Bredis M. A., Ivanov E. E. Linguistic and cultural commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, 26, 2022a. P.5–30. <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1> (In Russian)
- Bredis M. A., Ivanov E. E. Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages). *New Research of Tuva*, 1, 2022b. P.17–36. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2> (In Russian)
- Bredis M. A., Ivanov E. E. Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, 11 (4), 2021. P.607–615. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615> (In Russian)
- Bredis M. A., Ivanov E. E., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu., Kuzhuget Sh. Yu. A lexicographical description of Tuvan proverbs: principles, structure and ethno-linguoculturological commentary as compared to European paremies. *New research of Tuva*, 4, 2021. P.143–160. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11> (In Russian)
- Bredis M. A., Lomakina O. V. (eds). *Paremiology without borders*. Moscow: RUDN University Publ., 2020. 244 p. (In Russian)
- Holm P. *3530 ordsprak och talesatt*. Stockholm: Bonnier fakta, 1984. 260 s.
- Holm P. *Ordsprak och talesatt med forklaringar*. Stockholm: Albert Bonniers forlag, 1971. 385 s.
- Ivanov E. *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS Publ., 2002. 136 p.
- Ivanov E., Feldman V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages). *Acta Germano-Slavica*, 1, 2007. P.85–97. (In Russian)
- Ivanov E. E., Lomakina O. V. (eds). *Paremiology at the crossroads of languages and cultures*. Moscow: RUDN University Publ., 2021. 246 p. (In Russian)

- Ivanov E. E., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu. Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, 3, 2021. P.220–233. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17> (In Russian)
- Ivanov E. E., Lomakina O. V., Petrushevskaya Yu. A. National specificity of the proverbial fund (basic concepts and procedure for determining). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12 (4), 2021. P.993–1032. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035> (In Russian)
- Ivanov E. E., Ruiz-Zorrilla Crusate M. Principles and structure of the Spanish-Belarusian paremiological dictionary. *Proceedings of BSTU. Series 4: Print and media technologies*, 2, 2021. P.104–111. (In Russian)
- Kotova M. Yu. *Russian-Slavic dictionary of proverbs (with English equivalents)*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2000. 360 p. (In Russian)
- Lomakina O. V. (ed.). *Paremiology in discourse*. Moscow: URSS Publ.; Lenand Publ., 2015. 294 p. (In Russian)
- Paczolay G. *European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese*. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 527 p.
- Petrushevskaya Yu. A. Belarusian parallels of Vepsian proverbs: in search of a typologically general and ethno-specific. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3 (50), 2022a. P.497–505. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505> (In Russian)
- Petrushevskaya Yu. A. *Linguistic specificity and national distinctiveness of Belarusian proverbs*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2021. 220 p. (In Belarusian)
- Petrushevskaya Yu. A. Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity). *New Research of Tuva*, 3, 2022b. P.241–263. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16> (In Russian)
- Petrushevskaya Yu. A. *Universal and international campaigners in the paramilitary warehouses of the Belarusian language*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2020. 312 p. (In Belarusian)
- Seliverstova E. I. The experience of identifying the proverbial binomial and the problem of variance. *Russian language in scientific coverage*, 1 (17), 2009. P.182–200. (In Russian)
- Ström F. *Svenska ordsprak*. Stockholm: Bokforlaget Prisma, 1929. 396 s.
- Zinovieva E. I., Alyoshin A. S. Family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *New Research of Tuva*, 1, 2022c. P.131–145. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9> (In Russian)
- Zinovieva E. I., Alyoshin A. S. Proverbs about love with comparative semantics in Russian and Swedish languages in the aspect of linguoculturology. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2 (115), 2022b. P.31–37. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2022.115.2.005> (In Russian)
- Zinovieva E. I., Alyoshin A. S. Verbalizing the Conceptual Opposition of “Us vs Them” in Proverbs: Comparative Paremias in Swedish and Russian. *Sci-*

ence *Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 21 (5), 2022a. P.73–82. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.7> (In Russian)

Zinovieva E. I., Alyoshin A. S. Woman, girl and wife in Swedish and Russian comparative paremias. *Scandinavian Philology*, 19 (2), 2021. P.219–235.

LIST OF ABBREVIATIONS

ABPS — Ivanov E. E. *English-Belarusian dictionary of proverbs*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2009. 240 p. (In Belarusian)

BNPS — Ivanov E. E., Ramanava N. K. *Belarusian-German paremiological dictionary*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2006. 108 p. (In Belarusian)

KABM — Ivanov E. E. *Winged aphorisms in the Belarusian language: from the famous literary and folkloric crypts of the VIII–XX century*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2011. 164 p. (In Belarusian)

PBPS — Ivanova S. F., Ivanov E. E. *Polish-Belarusian dictionary of proverbs*. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2007. 192 p. (In Belarusian)

RBPS — Ivanov E. E., Mokienko V. M. *Russian-Belarusian Paremiological Dictionary*. Moscow: Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2007. 242 p. (In Russian)

RBSP-1 — Ivanov E. E. *Russian-Belarusian dictionary of proverbs: in 2 parts. Part 1*. Mogilev: Brama Publ., 2001. 144 p. (In Russian)

RBSP-2 — Ivanov E. E. *Russian-Belarusian dictionary of proverbs: in 2 parts. Part 2*. Mogilev: Brama Publ., 2001. 164 p. (In Russian)

SBPP — Ivanova S. F., Ivanov E. E. *Dictionary of Belarusian proverbs and winged expressions*. Minsk: BFS Publ., 1997. 262 p. (In Belarusian)

Алексей Алёшин

*Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича*

Евгений Иванов

*Могилёвский государственный университет
им. А. А. Кулешова, Республика Беларусь*

ШВЕДСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Для цитирования: *Alyoshin A., Ivanov E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 1. С. 5–23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>*

Статья посвящена выявлению и дифференциации шведских параллелей наиболее употребительных белорусских пословиц по характеру межъязыковой корреляции. Поставленная цель предполагает использование межъязыкового

структурно-семантического моделирования пословиц для выявления в разных языках полных пословичных аналогов, тождественных структурных моделей пословиц, идентичных пословичных образов и концептов. Материалом для исследования послужили 320 шведских пословиц, которые являются межъязыковыми коррелятами пословиц белорусского языка. Пословицы-аналоги в шведском и белорусском языках дифференцируются по характеру межъязыковой общности на две типологически значимые группы: универсальные и интернациональные пословицы. Межъязыковые корреляты шведских и белорусских пословиц, имеющих одинаковые структурные модели, дифференцируются на несколько типологически значимых групп в зависимости от характера вариативности лексического состава, обусловленной различием в понятийно-образном плане пословиц. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что в шведском языке существует заметное количество пословиц, которые являются полными или частичными соответствиями наиболее употребительных белорусских пословиц. Сопоставительный анализ, основанный на структурно-семантическом моделировании пословиц, позволил дифференцировать шведские и белорусские пословичные параллели на три типологически значимые группы единиц: аналогичные пословицы, пословицы с тождественными структурными моделями, пословицы с идентичными образами и концептами. Пословицы шведского языка, содержащие идентичные белорусским пословицам образы и концепты, характеризуются частичной этнокультурной маркированностью своего содержания, а также отсутствием строгой связи между корреляцией пословиц разных языков по содержанию и наличием в них идентичных образов и концептов. Отсутствие такой связи указывает на типологическое сходство образно-концептуальных пространств шведской и белорусской пословичных картин мира, в которых глубоко взаимно детерминированы проявления межъязыковой общности и национальной специфичности.

Ключевые слова: паремиялогия, пословица, межъязыковой аналог, структурная модель, образ, концепт, шведский язык, белорусский язык.

Alexey Alyoshin

PhD in Philology, Associate Professor,
Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications,
22, pr. Bolshevikov, St. Petersburg, 193232, Russian Federation
E-mail: кафедра24@mail.ru

Алёшин Алексей Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича,
Российская Федерация, 193232, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22
E-mail: кафедра24@mail.ru

Evgeny Ivanov

Dr. Sci. in Philology, Professor,
Mogilev State A. Kuleshov University,
1, ul. Kosmonavtov, Mogilev, 212022, Republic of Belarus
E-mail: ivanov-mgu@mail.ru; ivanov_ee@msu.by

Иванов Евгений Евгеньевич

доктор филологических наук, профессор,
Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
Республика Беларусь, 212022, Могилёв, ул. Космонавтов, 1
E-mail: ivanov-mgu@mail.ru; ivanov_ee@msu.by

Received: December 27, 2022

Accepted: January 14, 2023

UDC 811.113.4 + 81'33

Vladimír Benko

Ludovit Stur Institute of Linguistics, Slovak Republic

Elena Gurova

St. Petersburg State University

Maria Khokhlova

St. Petersburg State University

Elena Krasnova

Independent Researcher, Republic of Bulgaria

CORPUS ANALYSIS OF THE CO-OCCURRENCE OF THE CONCEPT *HYGGE*

For citation: Benko V., Gurova E., Khokhlova M., Krasnova E. Corpus analysis of the co-occurrence of the concept *hygge*. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 24–38. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.102>

The notion that a language worldview is shaped by a system of key concepts as well as ideas and motifs linking them, which are expressed in the meaning of individual lexemes and phrases, has informed a number of studies of culturally specific words and even entire semantic fields. Comparison of different language worldviews has revealed many differences, which at first sight seem insignificant but may hinder successful communication. The concept of *hygge* occupies a special place in the Danish language worldview and has become somewhat of a Danish hallmark. Our study uses corpus data to analyse six co-occurrence patterns of words representing the concept *hygge*, which allows us to explicate the implicit meaning components of the lexemes in question and to identify the most frequent patterns. The material used was the Danish Gigaword Corpus (DAGW), which includes texts collected from the Internet. The corpus covers the Danish language in all its diversity: a variety of genres and types of texts are represented in the corpus (law, social media, subtitles, debates, conversation notes, encyclopaedia articles, fiction, news, etc.). The high frequency of the words representing the concept *hygge* in the corpus texts once again confirms the importance of this concept for Danish culture. The combinational properties of all the models studied show a striking uniformity: all collocations are characterized by positive connotations

and can be categorized into a small set of thematic groups (place, time, atmosphere, hobbies, spending time together and communicating). The above co-occurrence analysis allows us to identify the following set of characteristics of the concept *hygge*: a feeling of peace, tranquillity and security, enjoyment and good mood that comes from being engaged in active pursuits, presence of close, familiar people, a familiar, well-known place, a shared time together.

Keywords: Danish, corpus analysis, *hygge*, language worldview, co-occurrence.

1. INTRODUCTION

The notion that a language worldview is shaped by a system of key concepts as well as ideas and motifs linking them, which are expressed in the meaning of individual lexemes and phrases, has informed a number of studies of culturally specific words and even entire semantic fields [Karasik et al., 2005; Karasik, 2010; Gladkova, 2010]. Comparison of different language worldviews has revealed many differences, which at first sight seem insignificant but may hinder successful communication, since the conceptions that form a world view are often implicitly contained in the meaning of a word [Wierzbicka, 1997]. Understanding the national specificity of the language worldview when studying a foreign language is also complicated by the fact that culturally specific words do not lend themselves well to translation: their corresponding translation equivalents either are absent at all or differ significantly from the original foreign words in terms of the set of meaning components [Zalizniak, Levontina, Shmelev, 2012].

2. HYGGE AS A KEY WORD IN DANISH CULTURE

The concept of *hygge* occupies a special place in the Danish language worldview and has become somewhat of a Danish hallmark and even a brand [Hygge: The Danish art of cosiness]. According to R. Jenkins, *hygge* is ranked eleventh among the concepts that young Danes associate with Denmark and Danish identity (28%) [Jenkins, 2014, s. 200]. As far as translation possibilities are concerned, *hygge* certainly behaves as most culturally specific words do. Anyone attempting to translate into Russian (or other languages) words representing the concept *hygge*, in particular the noun *hygge*, the verbs *hygge* and *hygge sig*, and the adjective *hyggelig* and the adverb *hyggeligt*, will encounter difficulties: like any other culturally specific words they are difficult or impossible to translate into other languages.

The *hygge* phenomenon is usually discussed in works by sociologists and anthropologists dealing with the characteristics of Danish culture and society [Hansen, 1980; Schwartz, 1985; Linnet, 2011; Jenkins, 2014; Andersen, 2022]. No small part in the popularisation of *hygge* has been the publication of a number of popular science books around the world, in which the authors try to explain why the Danes are one of the happiest nations in the world and give advice on how to find happiness in life through the ability to enjoy the little things and live in the present [Wiking, 2016; Russell, 2016; Thomsen Brits, 2017; Tourell Söderberg, 2017]. In Russian Scandinavian studies, the concept of *hygge* has been examined as a culturally specific word [Krasnova, 2016], as well as a component in the compound words *hyggeracisme* and *hyggesexisme*, which present significant difficulties for translation due to the culturally specific semantics of their both components [Avakova, 2020]. Of particular note is the work of C. Levisen, in which *hygge* is analysed in terms of semantics and ethnopragmatics [Levisen, 2012, p.80–114]. According to Levisen, “*hygge* is not unique on the level of individual semantic components” [Levisen, 2012, p. 113], since analogous components can be found in similar concepts in other languages (cf. German *Gemütlichkeit*, Dutch *gezelligheid*, Norwegian *kos*, Canadian English *hominess*). However, “taken in its entirety, the *hygge* construal is Danish-specific, it reflects Danish values and has scope over a wide range of social phenomena, including communicative style and interpretations of symbols” [Levisen, 2012, p. 113].

3. CO-OCCURRENCE OF THE CONCEPT *HYGGE*

Our study uses corpus data to analyse the co-occurrence of words representing the concept *hygge*, which allows us to explicate the implicit meaning components of the lexemes in question and to identify the most frequent patterns. It is difficult to overestimate the importance of testing the proposed hypotheses about the co-occurrence of particular linguistic units using corpora of texts. In the last decade, so-called gigacorpora have become available; they number several billion words and allow for a detailed analysis of the distribution of lexemes.

Co-occurrence of a word is an external manifestation of its underlying associative contours [Cherneiko, 1997, p.324], so analysing habitual

frequent word combinations, unconsciously used by speakers, permits making manifest certain semantic components of the word meaning. In this study, co-occurrence in the Danish language is treated broadly: not only as co-occurrence of the words in question with other parts of speech, but also as a combination of two words in the same nomination when a compound word is created.

The material used was the Danish Gigaword Corpus [DAGW], which includes texts collected from the Internet [Derczynski et al., 2021]. Its total volume amounts to around 1 billion words. Its sources include texts from the European Parliament, OPUS, Wikipedia and others. The corpus is representative and covers the Danish language in all its diversity: a variety of genres and types of texts are represented in the corpus (law, social media, subtitles, debates, conversation notes, encyclopedia articles, fiction, religion, news, etc.).

On the basis of the material studied, the following co-occurrence patterns were identified:

- adjective + noun *hygge*;
- compound words with the first component *hygge*;
- compound words with the second component *hygge*;
- adjective *hyggelig* + noun;
- paired combinations *hygge* + noun (joined by the conjunction *og* ‘and’);
- paired combinations *hyggelig* + adjective (joined by the conjunction *og* ‘and’).

Due to the large size of the corpus, we have limited ourselves to those examples in which *hygge* and *hyggelig* co-occur with other lexemes in direct contact, i. e. we have not considered possible word combinations where they are not directly in contact, such as *ægte dansk hygge* ‘authentic Danish hygge’. To assess the significance of word co-occurrences, a statistical apparatus has traditionally been used [Khokhlova, 2018; Khokhlova, Benko, 2020]. Association measures make it possible to identify word combinations that are typically reproduced in speech, although they may not be classified as frequent collocations. Therefore, following [Levisen, 2012], we additionally applied the statistical metric MI [Evert, 2005], which can show the unique nature of word combinations, i. e. when their constituent words occur with each other more often than with any other words.

3.1. Adj + *hygge*

The attributes used most frequently with the noun *hygge* are the adjectives *hjemlig* and (its obsolete variant) *hjemmelig* ‘home’ (132 occurrences, 0.11 ipm¹), *god* ‘good’ (79 occurrences, 0.07 ipm) and *dansk* ‘Danish’ (36 occurrences, 0.03 ipm), which confirms the findings of C. Levisen [Levisen, 2012, p. 90]. As in C. Levisen’s work, the MI metric identifies the obsolete adjective *hjemmelig* as one of the most frequent collocations for this model (MI: 13.93, the overwhelming number of examples with *hjemmelig* occur exactly in combinations with *hygge*), additionally identifying also *intim* ‘intimate’ (MI: 14.18) and *drikbar* ‘fit for drinking’ (MI: 12.64). The adjective *hjemlig* has a wider range of co-occurrences, but it also demonstrates a fairly high MI value (10.76). This also confirms M. Wiking’s findings that “only 27 % of Danes associate *hjemlig* with travel and going out” [Wiking, 2016, p. 35], and 31 % of Danes believe that *hygge* is only found in Denmark [Wiking, 2016, p. 31].

These are followed by the adjectives *dejlig* ‘beautiful’, *social* ‘social’, *almindelig* ‘common’, *fælles* ‘common’, *rolig* ‘calm’, *gensidig* ‘mutual’. The above co-occurrence models indicate that *hygge* is associated with a habitual, familiar place (*hjemlig*), characterised by positive connotations (*god*, *dejlig*, *rolig*) and associated with cultural attitudes and social interactions that are customary in Danish society (*dansk*, *social*, *fælles*, *gensidig*).

3.2. First part + *hygge*

A more nuanced picture is demonstrated by compound words which have as their first component an attributive element and as their second component the word *hygge*. The most frequent in the sample was the compound word *julehygge* (its first component means ‘Christmas’) with 724 occurrences (0.60 ipm), which is not an unexpected result. According to M. Wiking’s data, among the concepts that Danes associate with *hygge*, Christmas ranks fourth after hot drinks, candles and the fireplace [Wiking, 2016, p. 86]. The second and fourth most frequent compound words are those with the first component denoting a place in which *hygge* can be experienced — *sofahygge* (the first component is ‘sofa’, 212 occurrences, 0.18 ipm) and *hjemmehygge* (the first component is ‘home’,

¹ Here and below the frequency of occurrences is given in units of ipm.

80 occurrences, 0.07 ipm). In third place is the compound word *familihygge* (the first component is ‘family’, 182 entries, 0.15 ipm), which is also hardly coincidental, since *hygge* implies communication or joint activities with close, familiar people [Levisen, 2012, p. 91–92; Krasnova, 2016, p. 546]. Analysis of the twenty most frequent compound words with a second component *hygge* makes it possible to identify three thematic groups, depending on their first component:

- nouns denoting a place where *hygge* can be experienced (*sofa* ‘sofa’, *hjem* ‘house’, *have* ‘garden’, *køkken* ‘kitchen’);
- nouns denoting people with whom you can experience *hygge* (*familie* ‘family’, *tøs* ‘girl’, *veninde* ‘friend’);
- nouns denoting a time period when *hygge* can be experienced (*aften* ‘evening’, *vinter* ‘winter’, *sommer* ‘summer’, *efterår* ‘autumn’, *morgen* ‘morning’, *søndag* ‘Sunday’, *fredag* ‘Friday’, *eftermiddag* ‘afternoon’).

Interestingly, according to the data cited by C. Levisen (based on two google.dk searches in February 2008 and September 2010), for the “day of the week + *hygge*” model, the compound noun *fredagshygge* (its first component means ‘Friday’) leads by a large margin [Levisen, 2012, p. 89]. In our sample, the composites *søndagshygge* (its first component means ‘Sunday’, 34 occurrences, 0.03 ipm) and *fredagshygge* (31 occurrences, 0.03 ipm) are found to be equally frequent.

The rather high frequency of the compound words *hestehygge* (its first component means ‘horse’, 43 occurrences, 0.04 ipm) and *staldhygge* (its first component means ‘stable’, 34 occurrences, 0.03 ipm) seems to be related to the popularity of recreational horse riding in Denmark. According to the Great Danish Encyclopaedia, there were 70,500 members in 400 clubs in 2016 and, together with unregistered amateurs, the number of Danes who enjoy horseback riding is more than 100,000 [Hestesport]. Furthermore, according to M. Wiking, pets are ranked sixteenth among the twenty concepts that Danes associate with *hygge* [Wiking, 2016, p. 86].

In this study, *læsehygge* was found to be in the last twentieth place among the twenty most frequent compound words with a second component *hygge*. Its only first component in the verb form (‘to read’, 17 occurrences, 0.01 ipm) characterises one of the activities contributing to the *hygge* atmosphere. According to M. Wiking, books are ranked tenth among *hygge*-related associations [Wiking, 2016, p. 86].

3.3. *Hyggelig* + Noun

The most frequent co-occurrences of the adjective *hyggelig* with a noun are nouns denoting a time period: *dag* ‘day’ (1312 occurrences, 1.10 ipm), *aften* ‘evening’ (926 occurrences, 0.77 ipm) and place: *sted* ‘place’ (756 occurrences, 0.63 ipm). Among the twenty most frequent nouns that co-occur with the adjective *hyggelig*, the following thematic groups can be identified:

- nouns denoting a time period (*dag* ‘day’, *aften* ‘evening’, *weekend* ‘weekend’, *time* ‘hour’, *stund* ‘moment’, *eftermiddag* ‘afternoon’);
- nouns denoting a place (*sted* ‘place’, *by* ‘town’, *stald* ‘stable’, *restaurant* ‘restaurant’);
- environment, atmosphere (*stemning* ‘mood’, *atmosfære* ‘atmosphere’, *omgivelse* ‘surroundings, environment’);
- spending time together (*tur* ‘walk, trip’, *middag* ‘dinner’);
- conversation, communication (*snak* ‘conversation’, *samvær* ‘communication’, *tråd* ‘thread, forum discussion thread’);
- an object that evokes or contributes to *hygge* (*ting* ‘thing’, *billede* ‘photograph’).

In accordance with MI, the following significant collocations were identified: *langturssamvær* ‘communication during a long trip’ (MI: 14.47, all examples with this noun in the corpus are for the co-occurrences with *hyggelig*), *haveforum* ‘gardening festival’ (MI: 14.15), *juletorv* ‘Christmas fair’ (MI: 14.09), *læsehjørne* ‘reading corner’ (MI: 13.94), *generationsdag* ‘meeting day with the older generation’ (MI: 13.92), *funpark* ‘fun park’ (MI: 13.66), *infoaften* ‘(literally) information evening, i. e. open house’ (MI: 12.97), *picnictur* ‘picnic trip’ (MI: 12.88), *maleworkshop* ‘drawing workshop’ (MI: 12.88), *afslutningstur* ‘trip before the end of the school year or boarding school’ (MI: 12.66), *spisekrog* ‘kitchen corner’ (MI: 12.41), *træsommerhus* ‘wooden summer house’ (MI: 11.97), *hjemmeaften* ‘evening at home’ (MI: 11.95). The above nouns denote place, time, socialising and spending time together, thus belonging to the thematic groups that have been identified above; so MI also confirms the existence of the above-described co-occurrence preferences. The analysis suggests that *hygge* for Danes is something tangible, existing in time and space and filled with a pleasant atmosphere and joint activities with other people, which confirms C. Levisen’s observation that *hygge* is a concept of “people in places” [Levisen, 2012, p. 91].

3.4. Hygge + second part

The group of compound nouns with the first component *hygge* mainly corresponds to combinations of the adjective *hyggelig* with a noun: *hyggelig snak* = *hyggesnak* (the second component is ‘conversation’) (1047 occurrences, 0.87 ipm), *hyggelig stund* = *hyggestund* (the second component is ‘moment’) (463 occurrences, 0.39 ipm). However, in some cases there is an extension of the meaning of the whole compound word: *hyggeonkel* is no longer *hyggelig onkel* ‘nice uncle’, but ‘(an elderly) person with whom it is pleasant to spend time’, *hyggepianist* is a pianist in a bar or restaurant, that is, the compound words refer to people who contribute to *hygge*. Interestingly, in the Danish dictionary [Ordbog over det danske sprog], which reflects the state of the language from 1700 to the mid-20th century, *hyggeonkel* has the meaning ‘a person who entertains customers in a restaurant’, which reflects an extension of the meaning of this compound noun.

Of particular note is the compound noun *hyggehest* (its second component means ‘horse’), which has the highest frequency (1598 occurrences, 1.33 ipm) and denotes a recreational riding horse, not a horse for equestrian sport. The nouns similarly formed are *hyggeridning* (its second component means ‘riding’), *hyggerytter* (its second component means ‘rider’) and a number of others. The analysis of the twenty most frequent compound nouns with the first component *hygge* allows four thematic groups of second components to be identified:

- nouns denoting activities characteristic of *hygge* (*snak* ‘conversation’, *tur* ‘walk, ride’);
- nouns denoting a period of time (*stund* ‘moment’, *aften* ‘evening’, *dag* ‘day’, *tid* ‘time’);
- nouns belonging to the semantic field ‘riding’ (*hest* ‘horse’, *ridning* ‘riding’, *pony* ‘pony’, *dressur* ‘training’, *spring* ‘jump’);
- nouns denoting a pet or a small child, with the meaning ‘cute, cuddly’ (‘sweetie’): *hyggehund* (the second component means ‘dog’), *hyggetroll* (the second component means ‘troll’, figuratively ‘nice, charming person’), *hyggedyr* (the second component means ‘animal’), *hyggefis* (the second component means ‘tomfoolery’). Interestingly, the presence of this group of nouns indirectly confirms C. Levisen’s observation that *hygge* is associated with the physical sensation of warmth [Levisen, 2012, p. 93], as all of these nouns were used in contexts characterized by the desire for tactile contact and affection.

3.5. Hygge og noun

Hygge is often used in paired combinations, with the second component clarifying the meaning of the concept *hygge*, creating a kind of synonymic extension of the meaning, making it more transparent. The most frequent paired nouns are *afslapning* ‘relaxation’ (57 occurrences, 0.05 ipm) and *samvær* ‘communication’ (36 occurrences, 0.03 ipm). The thematic groups of words that have been identified in such paired combinations are generally the same as the thematic groups identified for the model “*hyggelig* + noun” and the models for compound nouns:

- spending time together (*gaver* ‘gifts’, *mad* ‘food’);
- conversation, communication (*samvær* ‘communication’, *fællesskab* ‘togetherness’, *snak* ‘conversation’, *selskab* ‘community’);
- atmosphere (*afslapning* ‘relaxation’, *stemning* ‘mood’, *ro* ‘calm’, *glæde* ‘joy’, *kærlighed* ‘love’, *varme* ‘warmth’);
- hobbies, interests (*ridning* ‘riding’, *træning* ‘practicing’, *dressur* ‘training’, *skovturhest* ‘a horse for riding in the woods’, *striik* ‘knitting’).

In addition, the nouns *leg* ‘game’, *sjov* ‘fun’ and *fest* ‘holiday, party’ have high frequency of occurrence. Thus, these paired combinations make manifest the important meaning components of the concept *hygge*, which were not identified at the previous stages of the analysis: play and fun.

In accordance with MI, the following nouns were identified as belonging to the model in question: *plasken* ‘splashing (in water)’ (MI: 16.62), *hjemlighed* ‘homeliness’ (14.70), *samværd* ‘communication’ (MI: 13.26), *afslapning* ‘relaxation’ (MI: 13.07), *velsmag* ‘pleasant taste’ (MI: 12.64), *julefred* ‘Christmas calm’ (MI: 12.50), *nus* ‘affection’ (MI: 11.62), *trækture* ‘horse riding accompanied by an instructor’ (MI: 11.60), *spas* ‘joke’ (MI: 11.36), *skovturshest* ‘horse for riding in the woods’ (MI: 10.83), *skovtur* ‘walk in the woods’ (MI: 10.81), *intimitet* ‘intimacy, closeness’ (MI: 10.72), *afveksling* ‘variety’ (MI: 10.67), *turridning* ‘horse riding trip’ (MI: 10.64). The nouns identified in accordance with MI can also be categorised into the above-mentioned groups, which confirms the co-occurrence preferences for the model in question.

3.6. Hyggelig og adj

The pairing of the adjective *hyggelig* with other adjectives also helps to clarify the nuances of the meaning of the concept *hygge*. The most frequent adjective in this model is a homonym of the noun *sjov* ‘cheerful’

(242 occurrences, 0.20 ipm). Other adjectives also have positive connotations and can be categorized into the following groups:

- adjectives with a general positive evaluation (*god* 'good', *dejlig* 'lovely', *rar* 'pleasant', *fin* 'lovely', *sød* 'nice', *fed* 'cool');
- adjectives with the meaning of being protected and at peace (*afslappet* 'not feeling tense, at ease', *rolig* 'calm', *tryk* 'safe, secure, reliable', *hjemlig* 'home-like');
- adjectives describing an object by its appearance or character (*flot* 'beautiful, luxurious', *smuk* 'beautiful', *charmerende* 'charming');
- adjectives that describe a special atmosphere (*romantisk* 'romantic').

The top twenty most frequent adjectives in this model also include *varm* 'warm' and *lækker* 'tasty'. Thus the main themes for this model are fun, security, peace, warmth, excitement, aesthetic and taste pleasure.

These conclusions are also supported by the collocations with positive connotations which have been identified by means of the MI measure: *stemningsfuld* 'full of sentiment' (MI: 12.65), *stemningsfyldt* 'atmospheric' (MI: 12.62), *lærerig* 'instructive' (MI: 12.59), *veltilrettelagt* 'well-organised' (MI: 12.02), *hjertervarm* 'cordial' (MI: 11.87), *familievenlig* 'family-friendly' (MI: 11.10), *indbydende* 'attractive, appetising' (MI: 11.07), *fredfyldt* 'peaceful' (MI: 10.76), *idyllisk* 'idyllic' (MI: 10.75), *livsbekræftende* 'life-affirming' (MI: 10.74), *familieær* 'family-friendly' (MI: 10.69), *forføjelig* 'cheerful' (MI: 10.61), *hjemlig* 'home-like' (MI: 10.54), *selskabelig* 'sociable' (MI: 10.51), *forventningsfuld* 'full of expectations' (MI: 10.50), *rustik* 'rural' (MI: 10.38), *uforglemmelig* 'unforgettable' (MI: 10.32).

4. CONCLUSIONS

The high frequency of the words representing the concept *hygge* in the corpus texts once again confirms the importance of this concept for Danish culture. The combinational properties of all the six models studied show a striking uniformity: all collocations are characterised by positive connotations and can be categorized into a small set of thematic groups (place, time, atmosphere, hobbies, spending time together and communicating). The above co-occurrence analysis allows us to identify the following set of characteristics of the concept *hygge*:

- 1) a feeling of peace, tranquillity and security;
- 2) enjoyment and good mood that comes from being engaged in active pursuits;

- 3) presence of close, familiar people;
- 4) a familiar, well-known place;
- 5) a shared time together, which primarily involves socialising, but also sharing meals, playing games, walking, travelling, etc.

The first two characteristics are fundamental — there is no *hygge* atmosphere if there is disharmony, arguments, tension or haste. The presence of familiar people and interaction with them is an important part of the concept, although *hygge* can also be experienced alone, reading books or knitting, or in the company of a pet. A familiar, well-known place is also important, however, a feeling of ‘home’ can also arise in a new place while travelling or walking, the main thing is to feel relaxed and enjoy socialising, hobbies or other active pursuits at that particular moment in time.

REFERENCES

- Andersen E. M. "Since I am Danish...": National identitet brugt til at skabe tilknytning til fænomenet 'hygge' i vlogs på YouTube. *Nydanske Sprogstudier*, 61, 2022. S. 40–72. <https://doi.org/10.7146/nys.v1i61.132243>
- Avakova Yu. The dark side of Danish *hygge*: Neologisms hyggeracisme и hygge-sesisme, their meaning and translation options. *Scandinavian Philology*, 18 (1), 2020. P. 5–20. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2020.101>
- Cherneiko L. O. *Linguistic and philosophic analysis of abstract nouns*. Moscow: Moscow University Press, 1997. 320 p. (In Russian)
- Derczynski L., Ciosici M. R. et al. The Danish Gigaword Corpus. *Proceedings of the 23rd Nordic Conference on Computational Linguistics (NoDaLiDa 2021)*. P. 413–421. Available at: <https://aclanthology.org/2021.nodalida-main.46> (accessed: 03.01.2023).
- Evert S. *The statistics of Word Co-Occurrences: Word Pairs and Collocations*. PhD thesis. Stuttgart: Institut für maschinelle Sprachverarbeitung Universität Stuttgart, 2005. Available at: <http://elib.uni-stuttgart.de/opus/volltexte/2005/2371/pdf/Evert2005phd.pdf> (accessed: 03.01.2023).
- Gladkova A. N. *Russian cultural semantics: Emotions, values, attitudes*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2010. 304 p. (In Russian)
- Hansen J. F. *We are a Little Land: Cultural assumptions in Danish everyday life*. New York: Arno Press, 1980. 229 p.
- Jenkins R. *At være dansk — identitet i hverdagslivet*. København: Museum Tusulanums Forlag, Københavns Universitet, 2014. 372 s.
- Karasik V. I., Prokhvacheva O. G., Zubkova Ya. V., Grabarova Ye. V. *Another mentality*. Moscow: Gnozis Publ., 2005. 352 p. (In Russian)
- Karasik V. I. *Linguistic crystallization of meaning*. Moscow: Gnozis Publ., 2010. 351 p. (In Russian)

- Khokhlova M. Similarity between the Association Measures: a Case Study of Noun Phrases. *Proceedings of the Twelfth Workshop on Recent Advances in Slavonic Natural Languages Processing*, RASLAN 2018. Ed. by Horák A., Rychlý P., Rambousek A. Brno: Tribun EU, 2018. P.21–27.
- Khokhlova M., Benko V. Size of corpora and collocations: the case of Russian. *Slovenščina 2.0*, 8 (2), 2020. P.58–77.
- Krasnova E. V. The concept *hygge* as a fragment of the Danish language world-view. *Skandinavskie chteniia 2014 goda. Etnograficheskie i kulturno-istoricheskie aspekty*. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Publ., 2016. P.541–548.
- Levisen C. *Cultural Semantics and Social Cognition: A Case Study on the Danish Universe of Meaning*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2012. 334 p.
- Linnet J. T. Money can't buy me *hygge*: Danish middle-class consumption, egalitarianism and the sanctity of inner space. *Social Analysis: Journal of Cultural and Social Practice*, 55 (2), 2011, S. 21–44.
- Russel H. *The Year of Living Danishly: Uncovering the Secrets of the World's Happiest Country*. London: Icon Books, 2016. 368 p.
- Schwartz J. M. Letter to a Danish Historian. *Den Jyske Historiker*, 33, 1985. S. 123–124.
- Thomsen Brits L. *The Book of Hygge: The Danish Art of Contentment, Comfort, and Connection*. New York: Plume, 2017. 192 p.
- Tourell Söderberg M. *Hygge: The Danish Art of Happiness*. London: Pinguin Michael Joseph, 2017. 224 p.
- Wierzbicka A. *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: Oxford University Press, 1997. 328 p.
- Wiking M. *The Little Book of Hygge: The Danish Way to Live Well*. London: Penguin Life, 2016. 288 p.
- Zalizniak A., Levontina I., Shmelev A. *Constants and variables of the Russian language picture of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2012. 696 p. (In Russian)

INTERNET SOURCES

- DAGW: *Danish Gigaword Corpus*. Available at: <https://www.sketchengine.eu/danish-gigaword-corpus> (accessed: 05.11.2022).
- Hestesport. *Den store danske*. Available at: <https://denstoredanske.lex.dk/hestesport> (accessed: 05.01.2023).
- Hygge: The Danish art of cosiness. Get to know the Danish culture and lifestyle. *VisitDenmark*. Available at: <https://www.visitdenmark.com/denmark/things-to-do/danish-culture> (accessed: 03.01.2023).
- Ordbog over det danske Sprog*. Available at: <https://ordnet.dk/ods> (accessed: 05.01.2023).

Владимир Бенко

*Институт языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук,
Словацкая Республика*

Елена Гурова

Санкт-Петербургский государственный университет

Мария Хохлова

Санкт-Петербургский государственный университет

Елена Краснова

Независимый исследователь, Республика Болгария

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ СОЧЕТАЕМОСТИ КОНЦЕПТА *HYGGE*

Для цитирования: *Benko V., Gurova E., Khokhlova M., Krasnova E. Corpus analysis of the co-occurrence of the concept *hygge* // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып 1. С. 24–38. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.102>*

Представление о том, что языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их идей и мотивов, эксплицируемых в значении отдельных лексем и выражений, легло в основу целого ряда исследований культурно-специфичных слов и даже целых семантических полей. Сопоставление различных языковых картин выявило множество отличий, которые на первый взгляд кажутся несущественными, но могут препятствовать успешной коммуникации. В датской языковой картине мира особое место занимает понятие *hygge*, ставшее своего рода визитной карточкой Дании. В настоящем исследовании на материале корпусных данных анализируются шесть моделей сочетаемости, представляющих концепт *hygge*, что позволяет эксплицировать неявные компоненты значения изучаемых лексем и определить наиболее частотные модели. В качестве материала использовался корпус датского языка Danish Gigaword Corpus (DAGW), который включает в себя тексты, собранные из Интернета. Корпус охватывает датский язык во всем его многообразии, в нем представлены разнообразные жанры и типы текстов (юриспруденция, социальные медиа, субтитры, дебаты, записи разговоров, статьи из энциклопедий, художественная литература, новости и др.). Высокая частотность слов, представляющих концепт *hygge*, в текстах корпуса еще раз подтверждает значимость данного понятия для датской культуры. Сочетаемостные свойства исследуемых моделей обнаруживают поразительное единообразие: все коллокации характеризуются положительной окраской и могут быть отнесены к небольшому набору тематических групп (место, время, атмосфера, хобби, совместное времяпрепровождение и общение). Проведенный анализ позволил представить следующий набор признаков концепта *hygge*: ощущение безмятежности, спокойствия и защищенности; удовольствие и хорошее настроение, получаемые от активной деятельности; присутствие близких, знакомых людей; привычное, хорошо знакомое место; совместное времяпрепровождение.

Ключевые слова: датский язык, корпусный анализ, *hygge*, языковая картина мира, сочетаемость.

Vladimír Benko

PhD, Research Fellow,
Ludovít Štur Institute of Linguistics,
26, Panská, Bratislava, 811 01, Slovak Republic
E-mail: vladimir.benko@juls.savba.sk

Бенко Владимир

PhD, научный сотрудник,
Институт языкознания им. Л. Штура
Словацкой академии наук,
Словацкая Республика, 811 01, Братислава, Панска ул., 26
E-mail: vladimir.benko@juls.savba.sk

Elena Gurova

PhD in Philology, Associate Professor,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: e.gurova@spbu.ru

Гурова Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: e.gurova@spbu.ru

Maria Khokhlova

PhD in Philology, Associate Professor,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: m.khokhlova@spbu.ru

Хохлова Мария Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 8249, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: m.khokhlova@spbu.ru

Elena Krasnova

PhD in Philology, Associate Professor,
Independent Researcher,
11, Str. Mihail Gerdzhikov, vil. Gulyovtza, community Nessebar,
Burgas Province, 8249, Republic of Bulgaria
E-mail: ekrasnova@gmail.com

Краснова Елена Всеволодовна

кандидат филологических наук, доцент,
независимый исследователь,
Республика Болгария, 8249, Бургасская обл., община Несебр,
с. Гюлёвца, ул. Михаила Герджикова, 11
E-mail: ekrasnova@gmail.com

Received: December 21, 2022

Accepted: January 10, 2023

UDC 811.113.4

Dina Nikulicheva

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University*

THE THREE-TERM MODEL OF COMMUNICATION AND THE SYSTEM OF DANISH DEICTIC PRONOUNS

For citation: Nikulicheva D. The three-term model of communication and the system of Danish deictic pronouns. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 39–57. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.103>

The article focuses on the system of deictic pronouns in Danish. It is argued that in addition to binary oppositions expressing the objective (nearest vs distant) location of objects in the physical space relative to the speaker, like *this* vs *that* — *denne* vs *den*, a three-term opposition develops in modern Danish. This allows to specify the subjective interaction between the three participants in the communicative act: the speaker (1st person), the listener (2nd person) and the objects of the surrounding world (3rd person). The system of secondary demonstrative pronouns — *deictic binomials* — is investigated. “Deictic binomial” is used as a term for an analytical combination of a simple deictic pronoun and a spatial adverb. Four possible combinations of such binomials are considered. The Danish Corpus (KorpusDK) analysis made it possible to assert that combinations of proximal deixis indicators — such as *denne her* ‘this here’ — are subjective markers of 1st person signaling that the deictic object enters into the speaker’s personal space. Combinations of indicators of distal and proximal deixis (such as *den her* ‘that here’) are “cohortatives” — subjective markers of the 2nd person, signaling the common perception of shared attitude to the deictic object by the speaker and its addressee. Combinations of analytical indicators of distal deixis (such as *den der* ‘that there’) — shift the negatively evaluated object outside the personal space of the speaker and the space of communication, which corresponds to the communicative function of the 3rd person. The search in the Danish Corpus for the fourth type of combinations, that is, combinations of proximal and distal deixis (such as *denne der* ‘this there’) gives practically no results. This confirms the conclusion that the paradigm for expressing the speakers subjective attitude to the object of deixis in modern Danish is represented by three categories that correspond to three “spatial areas” — the speaker’s personal space (1st person), the common communication space shared with the addressee

(2nd person), an external space into which the speaker subjectively removes the disapproved or alienated objects of deixis (3rd person).

Keywords: Danish language, three-term model of communication, deictic pronouns, pronominal binomials, personal space of the speaker, common communication space, subjectively alienated space.

1. INTRODUCTION

Since Karl Bühler's *Organonmodell* [Bühler, 1934] the three-term model of a communicative situation, presupposing three obligatory participants in any communicative situation — the referred state of affairs (3rd person), the speaker (1st person), and the hearer (2nd person), — has been the basis of any theory of language and communication. That three-term model corresponds to the three main language functions (the representative, the expressive, and the appeal functions) and to their three semiotic correlates, as in Piers's triad: icon, symbol, index, or in Durst-Andersen's triad: model, symptom, signal. According to Per Durst-Andersen, the three-term model of communication presupposes three possible supertypes of languages, where “grammar is either a model of a situation, a symptom of a speaker's experience of a situation or a signal to a hearer to look for the situation behind the information given” [Durst-Andersen, 2011, p. X]. Danish, as well as English, belongs to the hearer-oriented languages. “In hearer-oriented languages the sentence is designed to be a means for transmitting the information to the hearer by the speaker. This means that there must be the important distinction between old and new information. The determinant category is tense or more specifically the difference between the imperfect / simple past (e. g. Dan. *sagde* / Eng. *said*) and the perfect / present perfect (e. g. Dan. *har sagt* / Eng. *has said*). The article system is anchored in the notion of familiarity (e. g. Dan. *bogen* / Eng. *the book*) vs unfamiliarity (e. g. Dan. *en bog* / Eng. *a book*) and thus functions as the nominal equivalent to tense” [Durst-Andersen, 2011, p. 207]. The researcher calls such focus “the basic voice of language”. Along with the “notion of basic voice which is linked to the automatic output structure of a grammar” he introduces the notion of the secondary voice “which depends on the speaker and his speech intentions” [Durst-Andersen, 2011, p. 236]. While the first one is the *objective* (public) voice, the second is the *subjective* (private) voice of a language [Durst-Andersen, 2011, p. 260]. The general idea is that “the Danish speaker has to show the hearer whether

or not his old or new pieces of information presented to him are *objectively or subjectively founded*” [Durst-Andersen, 2011, p. 252].

P. Durst-Andersen illustrated this distinction with various Danish examples.

1. Choice between verbal forms:

Jeg tror at der vil være mange i køen ‘I think there will be many in the line’ / *Jeg tror at der ville være mange i køen* ‘I think there would be many in the line’ [Durst-Andersen, 2011, p. 253].

2. Choice between two different types of relative pronouns:

Der er ingen der / som kan forstå hvad du siger ‘There is no one who can understand what you are saying / what you say.’ If the speaker uses *der* he talks about concrete situations in which the hearers talk was unintelligible. If he uses *som*, he assigns the hearer the quality of being unintelligible [Durst-Andersen, 2011, p. 254].

3. Choice between different modal particles and between different modal verbs:

1a. *Han er nok taget til London.*

1b. *Han må være taget til London (Jeg så hans billet).*
‘He has (must be) gone to London (I saw his ticket).’

2a. *Han er vel taget til London.*

2b. *Han kan være taget til London (Han plejer at gøre det).*
‘He has (can be) gone to London (he often does that).’

3a. *Han er vist taget til London.*

3b. *Han skal være taget til London.*
‘He has (should be) gone to London (hear-say)’ [Durst-Andersen, 2011, p. 255].

The last three groups of examples are especially important for our research because they show that the Danish language uses special system of functional words to distinguish between epistemic responsibility for the utterance between the 1st person, 2nd person and 3rd person. Durst-Andersen calls them for “three *subvoices* within the subjective voice” [Durst-Andersen, 2011, p. 256].

The hierarchical organization of the subjective modality system in Danish was described by E. Krylova. She analyzes in detail the Danish particles expressing “the attitude of the speaker to the reliability of the statement (1st person)”, the particles expressing “the speaker’s offer of his assessment of this or that object, counting on its acceptance by the listener (2nd person)” and the particles, “referring the listener to a spe-

cific but unexpected situation for the speaker (3rd person)” [Krylova, 2021, p. 380–381].

The novelty of our research lies in applying the three-term model of the communicative situation to the functional-semantic description of Danish deictic pronouns. Such an approach has never been previously applied to this category of words, and its application, as we will show in the article, has a wide explanatory and systematizing potential.

2. TWO-TERM AND THREE-TERM PRONOMINAL DEIXIS

A typical function of the pronominal deixis in various languages is to position the object within the space of the communicative situation: closer to the speaker (Eng. *this*, Rus. *этом*) or in the more distant space (Eng. *that*, Rus. *том*). Quite often languages employ a three-term gradation. Consider, for example, Spanish, where exist the demonstrative adjectives *este* (this — next to the speaker), *ese* (this — next to the listener), *aquel* (that — far from everyone) [Matveev, 2011, p. 42], or Turkish, where three deictic pronouns make up the opposition: *bu* (the location of an object within the “space of the speaker” and in his field of vision), *şu* (the location of the object outside the “space of the speaker” but in relative proximity) and *o* (the location of the object outside the “space of the speaker”, relatively far from the speaker or in the “space of the interlocutor”) [Napolnova, 2022, p. 14].

3. SIMPLE AND COMPOUND DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN DANISH

Typically, in Danish demonstrative pronouns are described as binary oppositions of proximal and distal deixis, for example, E. Hansen and L. Heltoft write that “using demonstrative pronouns, the speaker signals that the objects he is talking about are in the physical space around the interlocutors. *Denne* marks a relatively small distance between the speaker and the object, *den* marks a relatively large distance according to the subjective assessment of the speaker: *vil du låne mig denne bog?* ‘will you lend me this book?’, *vil du låne mig den bog?* ‘will you lend me that book?’” [Hansen, Heltoft, 2011, s. 562].

Using the terminology of P. Durst-Andersen [Durst-Andersen, 2011], we can say that the Danish deictic pronouns *denne* vs *den* point to the location of objects in the “real world” and not in the “imagined

world”. Note that the subjectivity of the speaker’s assessment of distance (“talerens subjektive skøn”) is not absolute, but depends on the location of the object. In this regard, the example cited by E. Hansen and L. Heltoft is indicative: *vil du række mig den bog*, if a contrasting example is impossible **vil du række mig denne bog* ‘hold out (pass on) that book to me’ [Hansen, Heltoft, 2011, s. 562]. The sentence **vil du række mig denne bog* is inadmissible because the Danish pronoun *denne* implies objective reach (physical location within the outstretched arm), and the verb *række* ‘to pass’, ‘hold’ implies that the object is out of reach, which creates the effect of cognitive dissonance.

Along with simple single-word pronouns in modern Danish, there are also compound deictic pronouns formed by a combination of two components. These are analytical combinations of proximal deixis pronouns (*denne, dette, disse*) or distal deixis pronouns (*den, det, de*) with adverbs of proximal (*her*) or distal (*der*) spatial localization, for example, *denne her, de der*, etc. We will call them *deictic binomials*.

The authors of “Grammatik over det danske sprog” consider compound demonstrative pronouns to be colloquial synonyms for single-word pronouns: “I talesproget har *den* synonymerne *dender* og *denneder*, og *denne* synonymerne *denher* og *denneher*” ‘In colloquial speech, *den* is synonymous with *dender* and *denneder*, and *denne* is synonymous with *denher* and *denneher*’ [Hansen, Heltoft, 2011, s. 564].

4. OPEN OR CLOSED SPELLING?

It should be noted that by proposing a “closed” (merged to form a single word) spelling of the normatively separate combinations *den her, denne her*, etc., the authors of “Grammatik over det danske sprog” violate the normative Danish spelling. They write that “*Denher, dennneher*, etc. are merged in spelling here (contrary to the instructions of the Danish spelling dictionary) to show that this is one word, and not a pronoun + adverb” [Hansen, Heltoft, 2011, s. 564]. Such a spelling innovation seems to be not entirely justified since it violates the general tendency of the Danish grammatical system to express the “subjective voice of the language” by forming analytical combinations of functional words — which was the subject of the introductory part of our article.

According to the Corpus of Modern Danish [KorpusDK], the spelling of closed and open deictic binomials statistically confirms our point

of view, demonstrating that their closed spelling is a rarity. So, for example, regarding the open vs closed spelling of the *den her / denher* binomial, the Corpus provides the following numbers: common gender: *den her* — 1,806 occurrences, *denher* — 5 occurrences; neuter gender: *det her* — 7,004 occurrences, *dether* — 19 occurrences; plural: *de her* — 1,510 occurrences, *deher* — 0 occurrences. Therefore, it is the analytic deictic binomials that should be considered the normative members of the deictic oppositions under study.

In this article, we propose to consider two-word deictic pronouns not as synonyms for the corresponding one-word demonstrative pronouns of proximal and distal deixis, but as *separate elements of a subjective deictic paradigm*. Later it will be shown that these two-component combinations differ from their one-word counterparts in pragmatic semantics, that is, they provide additional information for the addressee about speaker's attitude to the indicated object.

The **research methodology** included the following four steps:

1) analyzing the four possible combinatorial variants of Danish deictic binomials;

2) verifying the frequency and semantics of contexts for each of the combinatorial models according to the Corpus of the modern Danish language;

3) clarifying invariant meanings for each of the four combinatorial models;

4) combining these invariant meanings within a single paradigm.

The four potential combinations of proximal and distal indicators in deictic binomials are represented by the following models.

1. **PROXpron_PROXloc** — binomials combining two indicators of proximal deixis, formed according to the “*this here*” type — *denne her, dette her, disse her*.
2. **DISTpron_PROXloc** — binomials combining indicators of distal and proximal deixis, formed according to the “*that here*” type — *den her, det her, de her*.
3. **PROXpron_DISTloc** — binomials combining indicators of distal and proximal deixis, formed according to the “*this there*” type — *denne der/ dette der/ disse der*.
4. **DISTpron_DISTloc** — binomials combining two indicators of distal deixis, formed according to the “*that there*” type — *den der, det der, de der*.

Let us now look at the functioning of each of the four above mentioned models in the Danish Corpus.

PROXpron_PROXloc

Statistics: *denne her* — 1,291 occurrences, *dette her* — 664 occurrences, *disse her* — 60 occurrences; *denneher* — 56 occurrences, *detteher* — 20 occurrences, *disseher* — 2 occurrences.

Statistical frequency is given with unresolved homonymy. A detailed verification shows that sample groups may include some random examples. For *PROXpron_PROXloc* model, this may be the proper adverbial meaning of the adverb *her*:

Nærmer man sig en storby, bliver de spredte bebyggelser stadig tættere, gårde, parcelhuse, rækkehuse, forstæder — indtil massive bygningsmasser rejser sig i vejret... Intet af dette her. Efter de indledende spredte bebyggelser så man så godt som intet opretstående. Her var krigens spor mærkbare. 'As you get closer to a big city, the scattered settlements become ever closer, farms, detached houses, terraced houses, suburbs — until massive building masses rise into the air... None of **this** here. After the initial scattered settlements, you could see almost nothing standing. **Here** the traces of the war were noticeable.'

Proper proximal deictic binomials are used in several **types of contexts**.

1. Negative assessment of the deictic object by the speaker:

Jeg skal ikke gøre mange bemærkninger til denne udvalgsbetænkning, den er enstemmig, og det er et godt område at komme i gang i... Jeg har siddet og studeret denne her enstemmige udvalgsbetænkning, og jo mere jeg har studeret den, jo mere er jeg kommet i tvivl om, hvad vi overhovedet skal med den. 'I will not make many comments on this committee report, it is unanimous, and it is a good area to start... I have sat and studied **this (here)** unanimous committee report, and the more I have studied it, the more I doubted what we should do with it at all.'

The example is interesting because in one context the speaker first simply points to the object of discussion (*denne udvalgsbetænkning* 'this committee report'), and then evaluates it (*denne her enstemmige udvalgsbetænkning* 'this (here) unanimous committee report').

2. Negative assessment of the anaphoric situation where the speaker seems hurt:

"Og så kan man jo tvivle på, hvilke chancer jeg har i den forsamling. HK har intet gjort for mig i denne her sag. Det skulle lige være den konservative folke-

tingsgruppe, der havde fyret mig på den måde. Så havde HK kørt alle kanonerne i stilling”, siger Yrsa Jørgensen. “And then you can doubt what chances I have in this assembly. The Confederation of Trade and Office Employees has done nothing for me in **this (here)** case. If the conservative parliamentary group had fired me in that way, then the union would have all the guns blazing”, says Yrsa Jørgensen.

High frequency of the proximal deictic binominals *dette her, denne her, disse her* is typical for the speeches of politicians expressing their emotional involvement to topical problems and situations.

The expressive evaluative lexemes are typical for the contexts where proximal deictic binomials occur. Consider, for example, *horrible synspunkter* ‘horrible views’, *alvorlig afvisning* ‘serious refutations’, *flabet svar* ‘brazen reply’, *rystende* ‘shocking’, *for galt* ‘too much’, *frækhed* ‘impudence’ in the following examples:

Vi hørte her en klar støtte til Le Pen, en klar støtte til de højrekræfter, der er, en støtte til, at det, der fremover skal styre, hvis han får noget at skulle have sagt, hvis Dansk Folkeparti, som vi må gå ud fra står bag disse her horrible synspunkter, får noget at skulle have sagt, skal være race og religion. Det skal afgøre, om man kan få dansk statsborgerskab. Det, som er rystende, er, at vi ikke får en alvorlig afvisning fra regeringen af den slags synspunkter. ‘We heard here a clear support for Le Pen, a clear support for the right-wing forces, a support for race and religion that determine who can get Danish citizenship, if he has something to say, if the Danish People’s Party, which, we must admit, stands behind **these (here) horrible views**, has something to say. What is **appalling** is that we do not get a **serious rejection** from the government of such views.’

3. Positive approximation.

Deictic binominals of this model are also used for perceptually moving closer and making bigger a positively evaluated anaphoric situation or a positively evaluated object:

Jes Lunde kalder det glædeligt, at Venstre støtter hans forslag. “Det er en nyorientering fra deres side. For dette her forslag om en tilmeldingskupon har jo været til afstemning tidligere i folketingsssalen — i 1990 — vor de stemte imod det”, siger han. ‘Jes Lunde calls it gratifying that Venstre supports his proposal. “It is a reorientation on their part. Because **this (here) proposal** for a registration coupon has been put to a vote earlier in the parliament — in 1990 — where they voted against it”, he says.’

“Jeg synes det er mere spændende med de biler, der har været et almindeligt syn på landevejene. Tag nu den her”, siger Peter Nielsen og peger på en bronzemetal

Citroën GS stationcar. “Den var meget udbredt i Danmark for 20 år siden. I dag er der næsten ingen tilbage. De rustede simpelthen op. Men **dette her** eksemplar fandt vi i Rouen i Normandiet”. “I think it’s more exciting with the cars that have been a common sight on the roads. Now take **this one**”, says Peter Nielsen, pointing to a bronze metal Citroën GS station wagon. “It was very common in Denmark 20 years ago. Today there are almost none left. They simply rusted to dust. But we found **this here** copy in Rouen in Normandy”.

First, the speaker draws attention of the interlocutor to the car closest to them, using the deictic binominal *den her*. Then the reference to the object changes to the binominal *denne her*, which testifies to the subjective attitude of the speaker to the object. The speaker is clearly admiring this rare and well-preserved bronze-colored vintage car brought from Normandy.

5. EVALUATIVE AMBIVALENCE OF CLOSED BINOMIALS OF PROXIMAL DEIXIS

The analysis of Corpus-based examples shows that closed (one-word) spelling is more common for binomials of proximal deixis than for other types of deictic binomials. This may indicate their tendency to lexicalization as a kind of evaluative adjectives:

*Jeg sidder med en mandlig bekendt på Operacafeen i Stockholm... vi får jo fiske-suppe... og jeg kommer til at bide i **denneher** halve hummer. Og knæk så ryger det halve af min ene fortand!.. det var så forfærdeligt.* ‘I’m sitting with a male acquaintance at the Opera cafe in Stockholm... we’re having fish soup... and I’m going to bite into **this (here)** half lobster. Crack and half of my front tooth breaks!.. It was so horrible.’

The combination of historical presence, nominal sentences, exclamations, evaluative lexemes and sensory predicates is a typical context for using binomials of proximal deixis.

Det er *dog* for *galt*! Har man nogensinde kendt *mage til frækhed*. Her arbejder jeg i 20 år morgen, middag og aften på **denneher** computer og fodrer den med input og så kommer den med **detteher**. **Detteher** flabede svar. ‘It’s *too wrong*! Have you ever known *such audacity*. Here I work for 20 years morning, noon and night on **this (here)** computer and feed it with input and then it comes up with **this (here)**. **This (here)** flabby answer.’

Of special interest is the use of the affirmative particle *dog* in the last example. According to the research of E. Krylova, this particle is

“a 1st person affirmative”, because it “helps the speaker to present as a reliable the situation, not assumed by him being reliable earlier” [Krylova, 2021, p. 376].

Like analytical binomials, merged binomials can express both speaker’s negative and positive assessment. Thus, the positive assessment of the deictic object is typical for advertising texts:

Jeg har aldrig brudt mig om stegt sild, men disseher små nyfangede basser er noget andet. Havsmag, nærmest sødlige og slet ingen sildefims. Feriemad. ‘I’ve never cared for fried herring, but these (here) little freshly caught bass are something else. Tastes of the sea, almost sweet and no herring flavor at all. Holiday food.’

Here we see the same semantic variant of positive approximation as in the previous example about a retro car (*dette her* eksemplar = *this here* copy).

DISTpron_PROXloc

Statistics: *den her* — 1,806 occurrences, *det her* — 7,004 occurrences, *de her* — 1,510 occurrences; *denher* — 5 occurrences, *dether* — 19 occurrences, *deher* — 0 occurrences.

This type of deictic binomials is the most polysemantic due to the combination of opposite spatial meanings. The main functional types, as used in colloquial speech and in narrative, will be illustrated below. It will be shown that, despite their apparent heterogeneity, it is possible to derive a common pragmasemantic invariant of their meaning: the speaker and other participants in communication having a common focus on the deictic object. We propose to call this type of meaning a *cohortative deixis*.

The cases of the joint use of *den her* and *den der* must be excluded from our analysis since they present a contrast between *objective distance* from the speaker to the two compared objects.

A typical context of such contrast is a communicative situation where the speaker chooses one of two objects at different distances. A test offered to four Danish native speakers showed that, regardless of which of the two objects the speaker chooses (that means regardless the subjective focus), the spatially closer object is always designated as *den her*, and the more distant object as *den der*: *Jeg tager den her (kjole), men ikke den der* ‘I’ll take this dress, but not that one’ or *Jeg tager den der*

(kjole), men ikke **den her** ‘I’ll take that dress, but not this one’. Whereas it is impossible to use one-word deictic “synonyms” in such examples: *Jeg tager **denne** (kjole), men ikke **den**; *Jeg tager **den** (kjole), men ikke **denne**.

It is an altogether different matter when there is only one object in a communicative situation. Below we will focus on such examples.

6. REFERENCE TO A SINGLE OBJECT OR A SITUATION IN DIRECT SPEECH

It is noteworthy that the binomials *den her*, *det her*, *de her* are especially widely used in the speeches of politicians:

*Når der kommer flere børn og ældre, så skal pengene følge med. Og det gør de nu. Det gør de under **den her** regering.* ‘When there are more children and old people, more money should be allocated. And this is what happens. This is what happens under **this** (*den her*) government’.

This is a quote from the New Year’s speech by the Prime Minister Mette Frederiksen, who heads the current social democratic government of Denmark. Instead of various possible ways to convey the message: *den socialdemokratiske regering* ‘social democratic government’, *vores regering* ‘our government’, *den nuværende regering*, ‘current government’ — the prime minister chooses the deictic pronoun *den her*.

On the one hand, such complex pronominal deixis represents the object in a detached way (*den*), which creates the effect of impartiality (in contrast to the definitions, like *vores* or *den socialdemokratiske regering*), and, on the other hand, brings the object of speech closer to the audience (*her*), which creates a cohortative effect of common perception of the situation by the speaker and his audience.

Politicians like to talk about *det her land* ‘this country’, *det her samfund* ‘this society’, *det her handleksforløb* ‘this development’, *de her penge* ‘this money’, etc., implying that the audience shares with the speaker not only the background knowledge about the referent, but also its assessment. Therefore, such contexts also frequently include evaluative predicates:

I en opsplitningssituation og årlige besparelser i form af synergieffekter på 75 mio. kr. skal kursen ligge på 150. “Men det ligger og *balancerer på en knivsæg*. Falder **det her** *opkøbsscirkus* til jorden eller fortsætter det. Det er afgørende”, siger Mogens Kristensen, analysechef i Sydbank. ‘In a split-up situation and annual savings in the form of synergy effects of DKK 75 million, the

exchange rate must be DKK 150. “But it is balancing on a knife’s edge. Will this acquisition circus collapse to the ground or will it continue. That is essential”, says Mogens Kristensen, head of analysis section at Sydbank.

In order to compare the pragmatic semantics of *det her* binomials with the deictic binomials of *dette her* type considered above, let us turn to the contexts where they both occur.

- ***det/den her vs dette/denne her***

The semantic difference is obvious in cases of co-occurrence of *det her* and *dette her* in one utterance:

“Som ansvarlig politiker *kan jeg ikke sidde dette her overhørig*. Jeg vil tage kontakt til industriministeren og stille ministeren en række spørgsmål for at finde ud af, hvad vi kan gøre ved *det her*”, siger den konservative Flemming Hansen til B. T. Flemming Hansen *finder det uacceptabelt*, at der stadig hersker usikkerhed omkring Dankortets sikkerhedssystemer, efter at politiet nu har opgivet efterforskningen af 20 uforklarlige Dankort-sager. “As a responsible politician, I *can’t sit by and listen to this (here)*. I will contact the Minister of Industry and ask the Minister a number of questions to find out what we can do about *that (here)*”, says the conservative Flemming Hansen in an interview to B. T. Flemming Hansen finds it unacceptable that there is still uncertainty surrounding Dankort’s security systems, after the police have now abandoned the investigation into 20 inexplicable Dankort cases’.

The politician Flemming Hansen considers the current state of affairs with the security of bank cards unacceptable (*finder det uacceptabelt*). He marks his emotional involvement in the situation using an approximating deixis: *jeg kan ikke sidde dette her overhørig*. When it comes to discussing the current situation with the minister of industry, the politician points to it using a more objectifying cohortative deixis, making it clear that both the minister and the audience are familiar with the situation.

- ***den her, det her, de her in narrative***

In contrast to direct speech, the use of the analytical binomial *det her* in the author’s narrative has a slightly different communicative function. It creates an impression of visual approximation to the addressee of the described situation. The addressee in the narrative is the reader. The speaker is the author of the narrative. By using *det her* in relation to a temporally distant situation (*det*) brings it closer to the reader, offers a “close-up” view of the described situation, as if it were “here” (*her*).

“Hvad vil der ske på Børsen i morgen?” spurgte en ung, kvindelig free-lancer og holdt en anden mikrofon frem. Omkring hende lød forarget hvisken og grynten fra de mere erfarne kolleger, hvoraf flere allerede havde undret sig over hendes tilstedeværelse. *Dether* var en højtidelig, historisk stund. Man snakker *vel* ikke travløb under en begravelse, hvis man er professionel. “What will happen on the Stock Exchange tomorrow?” asked a young, female freelancer, holding out another microphone. Around her there were indignant whispers and grunts from the more experienced colleagues, several of whom had already wondered about her presence. *This* (*dether*) was a solemn, historic moment. You probably don’t talk on the go during a funeral if you’re a professional.

By using *det her*, the narrator brings the past situation closer to the reader. Unlike the examples with *dette her*, where the speaker expresses his own emotional assessment, here the text conveys indignation of the attending characters, as if the author and the reader overhear their inner speech: *Man snakker vel ikke travløb under en begravelse, hvis man er professionel*. It is significant that the modal particle *vel* is used here. According to E. Krylova, this particle is an operator of evaluation, which the addressee is supposed to share with the author of the statement.

The use of *det her* or *dether* in a narrative about past events can also serve as a signal that the addressee should vividly imagine the described situation, based on knowledge shared with the addressee:

Som sædvanlig greb den roligt fremadskridende rytme ham og lagde sit mønster hen over hans tanker. Sådan skulle man kunne skrive. Begyndelsen måtte være enkel nok. Anråbelsen først, oh, gudinde. Og spørgsmålet om årsagen. Hvorfor forlade det skønne Attika og de fagre piger, samtalen i søjlegangen omkring Agora, druerne og filosoferne? Nåh, *jo*, der var *dether* med arveretten til kongedømmet og onkels luskede lokkemad med det gyldne skind. ‘As usual, the steadily progressing rhythm seized him and laid its pattern across his thoughts. That’s how you should be able to write. The beginning had to be simple enough. The invocation first, oh, goddess. And the question about the reason. Why leave beautiful Attica and the beautiful girls, the conversation in the colonnade around the Agora, the grapes and the philosophers? Well, yes, there was *this* (*dether*) birth right to the kingdom and uncle’s sneaky bait with the golden skin.’

It is significant that this statement includes the modal particle *jo*, which, according to the study of E. Krylova, is an “epistemic affirmative of the 2nd person”, used “when the speaker tries to confirm the authenticity of his statement by the presence of knowledge common to both communicants” [Krylova, 2021, p. 376].

As we can see, narratives about the past events preserve the general invariant meaning: the speaker and the addressee share common view of an object (or situation), which indicates that these deictic binomials are oriented to the 2nd person.

Thus, the invariant meaning of contextual variants with deictic binomials of the *den her* type is cohortativity — the common perception of the deictic object shared by the speaker and the addressee or the audience, which allows us to consider them as deictic binomials focused on the 2nd person.

PROXpron_DISTloc

Statistics (with unresolved homonymy): *denne der* — 74 occurrences, *dette der* — 106 occurrences, *disse der* — 44 occurrences; *denmeder* — 0 occurrences, *detteder* — 0 occurrences, *disse der* — 0 occurrences.

The complete absence of one-word deictic binomials in the Corpus is noteworthy. although “Grammatik over det danske sprog” provides two examples with no comments from the authors: **Denmeder** *telefon er defekt* ‘This telephone is broken’ and **Detteder** *skal du bare lade ligge til senere* ‘Save it for later’ [Hansen, Heltoft, 2011, s. 564].

As for open compound spelling, all Corpus examples are the cases of unresolved homonymy. In such examples, *der* is a relative pronoun introducing dependent clauses. Usual examples are cleft sentences that typically put a particular constituent into focus.

Since the Danish punctuation norm is unstable, the comma before *der* in complex sentences may be omitted. Compare:

Den mest vigtige af de negative sider, er spørgsmålet om, hvornår en person er hjernedød. Det er dette, der optager mange af kritikerne. ‘The most important of the negative aspects is the question of when a person is brain dead. **This** is **what** concerns many of the critics’

and:

Han var som en vulkan der sprudede både ild og røg. Det var dette der gav hans overordentlige intelligens dens slagkraft. ‘He was like a volcano erupting with both fire and smoke. It was **this that** gave his extraordinary intelligence its striking power.’

In the entire Corpus, we managed to find only one example of an undoubtedly deictic binomial of the *PROXpron_DISTloc* model:

— *Sig mig engang, piger, betjenten lænede sig ind over det tunge gammeldags skrivebord, da Mulle havde talt færdig, — hvordan fik I penge til at købe mad på denne der Burger-restaurant. Og så vidt jeg ved er neglelak og øh... hygiejnebind også ret kostbart. Og I har lige fortalt, at I brugte jeres sidste penge på pladsbilletter til Esbjerg?* — Tell me, girls, — the officer leaned over the heavy old-fashioned desk when Mulle had finished speaking, — how did you get money to buy food at **this** (*denne der*) Burger restaurant. And as far as I know, nail polish and uh... sanitary napkins are pretty expensive too. And you just told me that you spent your last money on tickets to Esbjerg?

Judging by the context, this is a case of subjective approximation (actualization) by the speaker of an object that is not physically present in the communicative situation. The introduction into the space of actual communication of an object remote in space and/or time can be compared with the semantics of the Danish evidential perfect. Compare the reconstruction of the past situation from indirect evidence in the example provided by P. Durst-Andersen: *Tyven er gået ind ad kældervinduet og har brudt døren op til stueetagen* ‘The thief entered through the basement window and broke open the door to the ground floor’ [Durst-Andersen, 2000, s. 141]. However, the fact that *denne der* is registered in the Corpus only once hardly characterizes the deictic model *PROXpron_DISTloc* as productive.

DISTpron_DISTloc

Statistics (with unresolved homonymy): *den der* — 18,152 occurrences, *det der* — 12,702 occurrences, *de der* — 12,018 occurrences; *dender* — 1 occurrence, *detder* — 2 occurrences, *deder* — 3 occurrences.

The homonymy of *der* as a spatial adverb and *der* as a relative pronoun complicates the count. Typical examples of unresolved homonymy are cleft sentences and relative clauses:

Det er det, der ofte sker i nyhedsoplæsningen. ‘This is what often happens in the news programs.’

For den, der som Jens Jørgensen tolker citatet på den rigtige måde, er indrømmelsen ikke til at tage fejl af. ‘For those who, like Jens Jørgensen, interpret quotes accurately, the admission is misleading.’

However, the Corpus abounds in true deictic binomials of the *DISTpron_DISTloc* model:

Pepsi kikkede hen imod en busk, “jeg syntes jeg hørte et eller andet”. Jazz tog en lommelygte og gik derhen, “her er ikke...”. De kunne høre et bump. “bare rolig jeg faldt bare over en gren eller sådan no” Daniel gik derhen, “sådan no- hvad? Åh gud”. De andre så derhen, “hvad er det?” Jazz vendte sig for at brække sig og Daniel gik hen til de andre, “øh Poul, hvordan skal jeg sige *det her... det der* var Ulrik”. “hvad mener du med Ulrik?” Julie brød ind, “hvad mener du med *var*”? Poul så ned i jorden, “så fik skoven én til”. ‘Pepsi looked towards a bush, “I thought I heard something”. Jazz took a flashlight and went over there, “this isn’t...” they could hear a bump. “don’t worry, I just fell over a branch or something —”. Daniel went there, “so no- what? Oh God”. The others looked over there, “what is that?” Jazz turned to throw up and Daniel went to the others, “uh Poul, how should I say *this... that* was Ulrik”. “what do you mean by Ulrik?” Julie broke in, “what do you mean by *was*”? Poul looked down at the ground, “then the forest got another one”.

Two friends, Jazz and Daniel, wandering away from their companions in the forest, discover the corpse of the missing Ulrik. Daniel returns to the others and says, as if he and Jazz are still looking at the corpse: *det her*, and then corrects himself and says: “*det der var Ulrik*”. The character subjectively pushes the frightening object away in space and time. Therefore, instead of the present tense, the form of the past *var* appears, and instead of *det her*, the distal deixis is used: *det der*.

The combination of two lexemes of distal deixis creates an effect of subjective distancing from the disapproved or alienated object:

...ren var hun ikke <...>. Har du ikke andet tøj end *det der*, spurgte han da hun var færdig med at spise og pegede på hende. ‘...she wasn’t clean<...>. Don’t you have any other clothes apart from *that (det der)*, he asked when she finished eating and pointed at her.’

A man looks at a woman in dirty clothes (*ren var hun ikke*) and asks if she has any other clothes to change into. Using the double distal deixis *det der*, the speaker not only points to an object relatively distant from him (*det*), but also emotionally removes himself from it (*der*).

In Danish the speaker can typically use deixis to distance objects that cause negative emotions for him. The examples of emotive utterances provided in the Danish Academic Grammar prove this beyond doubt [Hansen, Heltoft, 2011, s. 562]: *lad være med at sidde og vippe på den stol* ‘stop swinging on (that) chair’; *hvornår reparerer du det fjernsyn?* ‘When will you fix (that) TV?’; *tag de hænder op af lommen!* ‘take (those) hands out of your pockets’. Compare the above with neutral statements where

the definite article is used instead of the pronoun of distal deixis: *være med at sidde og vippe på stolen* ‘stop rocking in your chair’; *hvornår reparerer du fjernsynet?* ‘When will you fix the TV?’; *tag hænderne op af lommen* ‘take your hands out of your pockets’. Therefore, it is natural that the distal deixis is chosen to describe conflict situations:

Hov du dér! Du kan sgu ikke parkere din bil dér. <...> Flyt så dén bil, og det skal være hurtigt. ‘Hej **you there!** You can’t park your car there. <...> Then move **that** car, and do it fast!’

7. CONCLUSIONS

Since the Corpus search for combinations of morphemes of proximal and distal deixis *dette der / denne der / disse der / detteder / dennesder / disseder* gave practically zero results, we may conclude that the paradigm of expressing subjective attitude of the speaker to the object of deixis in modern Danish is represented by three categories: subjective approach to the object, cohortative focusing on the object, subjective distancing from the object.

Thus, the paradigm of the deictic binomials in the Danish language consists not the binary opposition but three “spatial areas” — the speaker’s personal space (1st person), the common communication space shared with the addressee (2nd person), an external space into which the speaker subjectively removes disapproved or alienated objects of deixis (3rd person).

The semantics of subjective evaluation present in deictic binomials contributes to their lexicalization, which is reflected in the so far rarely practiced closed spelling (*denneher, denher, dender*, etc.). In future, this may bring them closer to evaluative adjectives.

REFERENCES

- Bühler K. *Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 1934. 434 S.
- Durst-Andersen P. En kognitiv analyse af perfectum og imperfectum i dansk. *NyS: Nydanske studier og almen kommunikationsteori*. Vol. 27–28. København: Dansk lærerforening, 2000. S. 131–164.
- Durst-Andersen P. *Linguistic supertypes. A cognitive semiotic theory of human communication*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2011. 314 p.

- Hansen E., Heltoft L. *Grammatik over det danske sprog*. Bd. 2. Syntaktiske og semantiske helheder. Århus: Det danske Sprog- og Litteraturselskab, 2011. S. 421–1167.
- Krylova E. B. *Communicative functions of modal particles in Danish*. Moscow: MAKS Press, 2021. 440 p. (In Russian)
- Matveev S. A. *The whole Spanish grammar in 4 weeks*. Moscow: Astrel Publ., 2011. 251 p. (In Russian)
- Napolnova E. M. *Spatial and temporal relations in the lexical semantics of the modern Turkish language*. Dr. Sci. thesis abstract. Moscow, 2022. 39 p. (In Russian)

DICTIONARIES AND INTERNET-RESOURCES

- KorpusDK — *Dansk korpus*. Available at: <http://ordnet.dk/korpusdk> (accessed: July — August 2019).

Дина Никуличева

Институт языкознания РАН,

Московский государственный лингвистический университет

СИСТЕМА ДЕЙКТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ ДАТСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРЕХЧЛЕННОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Для цитирования: *Nikulicheva D. The three-term model of communication and the system of Danish deictic pronouns // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 1. С. 39–57. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.103>*

В статье рассматривается система дейктических местоимений датского языка. Доказывается, что помимо *бинарных оппозиций*, выражающих объективное (ближайшее vs удаленное) расположение в физическом пространстве указываемых предметов относительно говорящего, по типу *этом vs том — denne vs den*, в современном датском языке развивается *трехчленная оппозиция*, нюансирующая субъективное взаимодействие между тремя участниками коммуникативного акта: говорящим (1-е лицо), слушающим (2-е лицо) и объектами и ситуациями внешнего мира (3-е лицо). Исследуется система вторичных указательных местоимений — *дейктические биномы* — аналитические сочетания дейктических местоимений и наречий пространственной локализации. Рассматриваются четыре возможных комбинаторных варианта таких биномов. Анализ Корпуса датского языка позволил утверждать, что сочетания показателей ближнего дейксиса — типа *этом здесь* — являются субъективными маркерами 1-го лица, сигнализирующими о проникновении объекта дейксиса в личное пространство говорящего. Сочетания показателей дальнего и ближнего дейксиса (типа *том здесь*) являются когортативами — субъективными маркерами 2-го лица, сигнализирующими о совместности восприятия объекта дейксиса, общности представлений о нем, совпадении его оценки говорящим и его адресатом. Сочетания аналитических показателей дальнего дейксиса (типа *том там*) — выводят негативно оцениваемый объект за рамки личного пространства говорящего

и пространства коммуникации, что соответствует коммуникативной функции 3-го лица. Поиск по корпусу четвертого типа комбинаций, то есть сочетаний морфем ближнего и дальнего дейксиса (типа *этот там*), дает нулевой результат. Это подтверждает вывод о том, что парадигма выражения субъективного отношения говорящего к объекту дейксиса в современном датском языке представлена тремя рядами, категоризирующими три «пространственных пояса» — личное пространство говорящего (1-е лицо), совместное пространство коммуникации, разделяемое с адресатом (2-е лицо), внешнее «чужое» пространство, в которое говорящий субъективно отстраняет порицаемые или отчуждаемые объекты дейксиса (3-е лицо).

Ключевые слова: трехчленность модели коммуникативной ситуации, датский язык, местоименный дейксис, объективная локализация, субъективная характеристика, дейктические биномы, трехчленная оппозиция.

Dina Nikulicheva

Dr. Sci. in Philology, Professor,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1, Bolshoy Kislovsky per., Moscow, 125009, Russian Federation
Moscow State Linguistic University,
38, ul. Ostozhenka, Moscow, 119034, Russian Federation
E-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

Никуличева Дина Борисовна

доктор филологических наук, профессор,
Институт языкознания РАН,
Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1
Московский государственный лингвистический университет,
Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38
E-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

Received: August 18, 2022

Accepted: October 1, 2022

UDC 811.113.5

Olga Popova

Northern State Medical University

THE INFLUENCE OF LATIN ON SOMATISMS IN THE NORWEGIAN LANGUAGE

For citation: Popova O. The influence of Latin on somatisms in the Norwegian language. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 58–72.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.104>

Language interaction has always been a matter of interest to linguists. Despite the fact of profound influence of Latin on many languages in many sciences, including medicine, the question concerning the borrowings of anatomical vocabulary, namely somatisms, or body parts, from Latin in Norwegian and its influence on the Norwegian anatomical terminology is of particular interest. The study focuses on the influence of Latin on the names of different body parts in Norwegian, thereby revealing some peculiarities of somatisms in the Norwegian language. Taking into account the historical background and cross-cultural interaction, some groups of somatisms have been distinguished. The most abundant group includes single word somatisms and compounds that do not have their norwegianized Latin form. The second group consists of the Norwegian somatisms, which have identical or nearly identical morphemic form with somatisms in Latin, incorporating single word somatisms as well as some compounds where one or even two parts are norwegianized Latin forms with some semantic peculiarities. We have also singled out the anatomical terms that have a norwegianized Latin form and a parallel native form. Mostly the borrowings in this group underwent orthographic changes adapting them to the Norwegian language. The results show that on the whole the Norwegian language preserves its identity, uniqueness and selective modifying purism in anatomical vocabulary, with some instances of being dependent on Latin.

Keywords: Latin, Norwegian, somatisms, body parts, anatomical vocabulary, purism.

1. INTRODUCTION

Language interaction, particularly borrowings and loan words, has always been a matter of interest to linguists, thereby presenting a large area of rigorous research and study. In the course of language interac-

tion or language contact as intrusion, invasion or interference an intruding language has to make a choice whether to supplant or to coexist. At the same time, the native or recipient language also has a choice whether to surrender and, as a result, to become in a way enriched due to lexical influx or to coexist and struggle for its identity, giving rise to new words and producing numerous word forms. Latin, for example, has had a profound influence on the origin and development of many languages and, as a consequence, of many aspects of human life, being the language of theology, law and jurisprudence, science and technology. The most striking effect of Latin is noted in medical science. English medical terminology, for instance, is so closely related to this language that approximately 95 % of English medical terms are borrowed from or created on the basis of Latin and latinized Greek [Lysanets, Bieliaieva, 2018]. Some authors claim that 98 % of all English medical terms have Latin or Greek roots [Goumovskaya, 2007]. In other words, “English medical terminology is strongly rooted in Latin” [Bujalková, 2018, p. 7].

If in case of English this fact seems to be undeniable and evidence-based, research can go further, focusing on some other languages, for example, the Norwegian language. It is well known that most words in the Norwegian language are of common Germanic stock, supplemented by borrowings from different languages, including Latin, with a special emphasis being put on Greek and Latin roots as the base for most of scientific terminology. The objective of this paper is to focus on the influence of Latin on the names of body parts, the so-called somatisms, as well as the words of anatomical vocabulary in the Norwegian language as this can be related to the peculiarities of somatisms and anatomically related words. We agree with the statement that somatisms are the oldest and most important components of the linguistic “picture of the world”, being something directly related to people [Krasnova, 2021, p. 256]. Moreover, this particular sphere needs an additional study to complete the picture concerning medical terminology aspect. We would also like to find out the extent of this influence and the possible effect that it has had on this part of medical terminology and to pinpoint the main characteristics of somatisms in the Norwegian language with a plausible aim to group them into categories, which will enable us to study the matter further in subsequent related research.

2. STUDY MATERIAL

To find out the extent of influence of Latin on somatisms in the Norwegian language and, consequently, to categorize them according to the main identified peculiarities, we analyzed a number of reference books, including such dictionaries as “Stor Russisk-Norsk Ordbok” compiled by Valeriy Pavlovich Berkov [Berkov, 2002] and “Stor Norsk-Russisk Ordbok” compiled by Vladimir Dmitrievich Arakin [Arakin, 2001a, b]. Etymological aspects were checked in [Det Norske Akademis Ordbok]. Some examples were also taken from [Store medisinske leksikon], namely, the drawings from the anatomical atlas labelling the organ with all its parts and giving the whole picture of it. Some examples of Norwegian anatomical vocabulary were also taken from a collection of articles, including medical ones, written in the Norwegian language [Medical articles base; Ordbok]. In some cases, we had to use the examples from the corpus of medical texts submitted in the encyclopedia [Anatomi]. As a result, the lexical corpus of the examples is made up of somatisms, i. e. the words denoting the body parts. Examples from the dictionaries and other sources were selected by page-by-page method, considering the following inclusion criteria: the Norwegian word is a noun in the common case denoting a part of body or a term pertaining to anatomical vocabulary, which is used to describe a body system, e. g. cardiovascular, digestive, nervous etc., and recorded by this or that source such as the dictionaries and other sources mentioned above. Special attention is paid to a parallel word borrowed from Latin.

3. ANALYSIS OF SOMATISMS IN THE NORWEGIAN LANGUAGE

The following groups of somatisms in the Norwegian language are distinguished.

1. Somatisms consisting of one word denoting a part of the body, which can be called simple as they consist of one word and have neither a parallel norwegianized Latin word nor an unchanged Latin form registered in Norwegian. The numerous examples include: *albue* ‘elbow’, *ankel* ‘ankle’, *ansikt* ‘face’, *arm* ‘arm’, *bein* ‘leg’, *bein* ‘bone’, *bekken* ‘pelvis’ and many others. We have deliberately combined them in a separate group due to the common Germanic origin, emphasizing that it is not Latin that influenced their origin. Nearly half of them are of Danish origin, e. g. *albue*, *ankel*, *bein/ben*, *brusk*, *bryst*, *hode*, *hud*, *hånd*, *ledd*,

nese etc., some are of Old Norse origin, e. g., *bryn*, *finger*, *fet*, *hals* etc. and only few are of Middle Low / Low German origin, e. g. *ansikt*, *kjeve*, *krøs* etc. [Det Norske Akademis Ordbok]. Despite the fact of including the body parts with most general notions it is also worth mentioning that for naming such organs and body parts as *mesentery* (from Latin *mesenterium*), *palate* (from Latin *palatum*), *intestine* (from Latin *intestinum*) and *stomach* (from Greek to Latin *stomachus*) which Norwegian should have used as readymade terms from Latin, the former possesses its own ones: *krøs*, *gane*, *tarme* and *mage*. So, this group demonstrates independence from Latin due to the common Germanic origin of somatisms by preserving the original features.

2. The second group includes multiple-word somatisms consisting of two or more words following the rule of compounding — quite a popular and easy way of word formation not only in Norwegian but in English (*eyebrow*, *eyelid*, *windpipe* etc.) and German (*Augenbraue*, *Augenlid*, *Luftröhre* etc.), to name but a few languages of common Germanic origin. This subgroup is also of particular interest due to such phenomenon as loan translations presented in the Norwegian language by the examples below. According to the definition, a loan translation is formed by literary translation of the corresponding foreign language unit. As a result, a new word or a new meaning of a word appears [Linguistic encyclopedic dictionary, 1990, p.211]. The examples are numerous, constituting the largest part of the anatomical Norwegian vocabulary, e. g. *armhulle* ‘armpit’, *be(i)nhinne* ‘periosteum’, *beinmarg* ‘bone marrow’, *bekkenben* ‘pelvic bone’, *blindtarm* ‘caecum/cecum’ and many others.

This group is of interest because it is here where we can notice how a recipient language is ingenious in producing so many variants, taking into account and reflecting the denotative meaning of the components in each name of this or that body part. Based on simple word somatisms many more combinations are made to cover a huge part of anatomical terminology without using Latin. It is quite obvious that such a language as the Norwegian language supplied with such an instrument as compounding and having a native head word can produce endless combinations for this or that locus. Considering this phenomenon, we are especially interested in the instances of its action in compound norwegianized Latin somatisms. In fact, we distinguish the somatisms formed with the help of either a norwegianized Latin somatism and a native

part or only norwegianized Latin parts. Compared with the list of native anatomical compounds the list of them is not long, including *blodcelle* 'blood cell', *epitelceller* 'epithelial cells', *gliaceller* 'glial cells', *hjertermuskel* 'heart muscle / myocardium', *hovedbronkie* 'main bronchus', *hulvene* 'vena cava', *lungearterie* 'lung/pulmonary artery', *lungevene* 'lung/pulmonary vein', *lymfekar* 'lymph vessel', *lymfekjertel* 'lymph gland', *lymfeknute* 'lymph node', *lymfevæv* 'lymphatic tissue', *magemuskler* 'belly muscles', *melanocytt* 'melanocyte', *muskelceller* 'muscle cells', *muskelring* 'sphincter', *nervecelle* 'nerve cell', *nervefibre* 'nerve fibers', *nervecellekropper* 'nerve cell bodies', *nervevæv* 'nerve tissue', *pigmentcelle* 'pigment cell', *pleurahule* 'pleural cavity', *portvene* 'portal vein' etc. In any case, all the examples above illustrate the feature of language ingenuity to substitute native morphemes for Latin ones where the morphemes change their place in the structure of a compound, depending on the semantic meaning, e. g. *hjertermuskel* 'heart muscle / myocardium' and *muskelceller* 'muscle cells'. The plural form for such norwegianized Latin somatisms is formed according to the Norwegian grammatical system, i. e. by adding *-er*, e. g. *epitelceller*, *fagocytter*, *muskelceller*, *nerveceller* etc. Semantically, the words *bindevevshinne* 'pleura', *eggstokker* 'ovaries', *mageport* and *portner* 'pylorus' and *sneglehus* 'cochlea' are of particular interest. The first one is a loan translation of the membrane of connective tissue and is used as interpretation of the word *pleura*. The part of the second one is a loan translation of the Latin word *ovum* (*-i*, *-n*) ('egg') and is used in its direct meaning. The third one incorporates the Latin *porta* (*-ae*, *f*) in its direct meaning 'gate' and the anatomical terms *mageport* and *portner* (*-en*, *-er*) are made up of this root and the appropriate Norwegian ending. The term *sneglehus* 'cochlea' is also considered a loan translation because the Norwegian word *snegl* used in this compound directly denotes the name of this anatomical structure in the human ear resembling a snail as this does the Latin term *cochlea*.

3. The third group consisting of two subgroups combines borrowings from Latin. The first subgroup includes the words that underwent changes in Norwegian as an adopting language concerning spelling and grammatical peculiarities. The second subgroup comprises the words that are usually called *doublets*.

The first subgroup is not so numerous in examples but interesting from the point of view of its uniqueness, being an example of adapting. It is worth mentioning that the group is mostly presented by highly

specific anatomical structures, including not only the body parts per se but anatomical vocabulary terms or the terms belonging to this or that body system, e. g. cardiovascular system, including blood composition, or nervous system, all the somatisms being of Latin origin or being taken from Greek through Latin. All of them are norwegianized Latin forms. As they do not have a corresponding second/parallel word in Norwegian, we can consider them a unique and self-contained linguistic phenomenon due to this peculiarity. The comparison has shown that a borrowed Latin somatism can lose its ending referring it to the masculine (-us), feminine (-a) and neuter (-on/-um) gender or in some cases change it to another ending when passing to Norwegian, sometimes with the doubling of the final consonant *t*, e. g. *dendritum* > *dendritt*, *epithelium* > *epitel*, *nervus* > *nerve*, *omentum* > *oment*, *pupilla* > *pupill*, *skeleton* > *skjelett*. In Latin somatisms ending in -a the ending in the Norwegian ones changes into -e or can be omitted, e. g. *cella* > *celle*, *lymphā* > *lymfē*, *pupilla* > *pupill*, *vena* > *vene*. An exception is the somatism *bronkie* where -us is changed into -ie: *bronchus* > *bronkie*. In some somatisms, *c* is substituted by *k*, e. g. *conjunctiva* > *konjunktiva*, *cuticūla* > *kutikula*. The Latin suffix -ūl together with *c* and the ending -us are changed into -kel, e. g. *muscus* (mouse) > *muscūlus* > *muskel*. Latin borrowings of the third declension with the base including -tat as in *extremītas*, *atis* 'extremity/limb' change their form in the Norwegian language into -tet, e. g. *ekstremītet*, -en. It is obvious that we are observing the phenomenon of grammatical adaptation of somatism. It is also worth noting that the plural form of the somatisms above is made according to the general rule of the Norwegian language by adding -er, e. g. *bronkier*, *muskler* etc. We can also single out the other spelling peculiarities concerning the root letter in the morpheme, typical Norwegian spelling (use of *skj*) or instances of simplification with omitting the letter or changing the letter (e. g. *x* > *ks*, *ph* > *f*), e. g., *skeleton* > *skjelett*, *axon* > *akson*, *extremītas* > *ekstremitet*, *lymphā* > *lymfē*. As for the change of gender as a grammatical category, it is mostly preserved in all the words above with some exceptions when a Latin term of feminine gender, for example, *vena* (-ae, *f*) > *vene* (-n) or when a Latin term is of neuter gender *dendritum* (-i, -n) > *dendritt* (-en, -er). The dictionary compiled by Berkov [Berkov, 2002] gives two genders for the word *celle* from Latin *cella* in feminine gender with preservation of gender in *cella* and a change of gender in masculine gender (*celle*, -n).

The second subgroup is made up of the so-called doublets, or co-existing forms. By them we mean the words of Germanic origin with either a parallel norwegianized Latin word or an unchanged Latin form. The number of them among the somatisms in Norwegian is not large. To get a clear picture of this phenomenon, it is convenient to present it in Table 1.

As seen from the table above, the third column includes both the unchanged forms borrowed from Latin (*abdomen, aorta, atrium, epidermis, fibula, mediastinum, pleura, plexus, and retina*) and the norwegianized Latin forms that underwent certain orthographic modifications. Nearly all the somatisms in the second column are formed by compounding, in some cases with the help of a collocation with an adjective and a noun.

Along with preservation of Latin and Greek forms in some somatisms we observe the following changes in the others. Concerning the changes related to spelling peculiarities we definitely see the change of Latin *c* into *k* in Norwegian, e. g. *cranium* > *kranium*, *myocardium* > *myokard*, *pancrēas* > *pankreas*, *pericardium* > *perikard*, *ventricūlus* > *ventrikkel*, omission of *-a* at the end of the word, e. g. *membrana* > *membran*, *tonsilla* > *tonsill*, omission of *-us / -um*, e. g. *alveolus* > *alveol*, *erythrocytum* > *erytrocytt*, *leukocytum* > *leukocytt*, *ligamentum* > *ligament*, *pericardium* > *perikard*, replacement of *-cūlus* by *-kel* with subsequent doubling of *k*, e. g. *ventricūlus* > *ventrikkel*, replacement of *x* by *ks*, e. g. *appendix* > *appendiks*, *phalanx* > *falanks*, *thorax* > *toraks* and some other changes in spelling, which make the forms easier and adaptable to the native language, for example, omission of a part of the digraph or even replacing it, e. g. *ph* into *f* (*diaphragma* > *diafragma*, *esophāgus* > *øsofagus*, *phalanx* > *falanks*, *nephron* > *nefron*), *u* into *v* (*neuron* > *nevron*), *ch* into *k* (*trachēa* > *trakea*), *th* into *t* (*urethra* > *uretra*).

As we mentioned earlier, some of them are examples of loan translations but because this particular paper is not aimed at establishing the category of a loan word we prefer to focus our attention on the semantic aspects of the composition and structure of the examples above. Along with a norwegianized Latin form the language gives its own variant, using, for example, either a single word, or a compound, or an interpretation. To illustrate these, let us consider the somatism *hårkar* which is combined from two separate words *hår* and *kar* which literary mean 'hair' and 'vessel, including blood vessel'. It is obvious that the Latin word *capillus* meaning 'hair' played a part but alongside

Table 1. Doublets of somatisms in Norwegian

Somatism	Norwegian word	Norwegianized Latin word / Unchanged Latin form	Latin/Greek word
abdomen	buk/bukhule	abdomen	abdomen, -inis, <i>n</i>
alveolus	lungeblær	alveol	alveölus, -i, <i>m</i>
aorta	hovedpulsår/ livpulsår	aorta	aorta, -ae, <i>f</i>
appendix	blindtarmsvedheng	appendiks	appendix, -icis, <i>f</i>
artery	pulsåre	arterie	arteria, -ae, <i>f</i>
atrium	forkammer	atrium	atrium, -i, <i>n</i>
capillary	hårkar	kapillar/kapillær	capillus, -i, <i>m</i>
cornea	hornhinne	kornea	cornea, -ae, <i>f</i>
diaphragm	mellomgulv	diafragma	diaphragma, -ätis, <i>n</i>
epidermis	overhud	epiderm(is)	epidermis, is (-idis), <i>f</i>
epicardium	hjerterhinne	epikard	epicardium, -ii, <i>n</i>
erythrocyte	rød blodcelle	erytrocytt	erythrocytus, -i, <i>m</i>
fibula	legg(e)bein	fibula	fibüla, -ae, <i>f</i>
ganglion	nervefletning/ nerveknute	ganglie	ganglion, -ii, <i>n</i>
gullet/esophagus	spiserør	øsofagus	oesophägus, -i, <i>m</i>
leukocyte	hvit blodcelle	leukocytt	leukocytus, -i, <i>m</i>
ligament	bånd/leddbånd	ligament	ligamentum, -i, <i>n</i>
mediastinum	brystskilleveg	mediastinum	mediastinum, -i, <i>n</i>
membrane	hinne	membran	membrana, -ae, <i>f</i>
myocardium	hjertermuskel	myokard	myocardium, -ii, <i>n</i>
neuron	nervecelle	nevron	neuron, -i, <i>n</i>
pancreas	bukspyttkjertel	pankreas	pancrëas, -ätis, <i>n</i>
pericardium	hjerterpose [Berkov, 2002, p. 477] / hjerterpung [Arakin, 2001b, p. 356]	perikard	pericardium, -ii, <i>n</i>
phalanx	fingerben/ leddstykke/tåben	falanks	phalanx, -angis, <i>f</i>
pleura	bindevevshinne	pleura	pleura, -ae, <i>f</i>

Somatism	Norwegian word	Norwegianized Latin word / Unchanged Latin form	Latin/Greek word
plexus	hjertekule	plexus	plexus, -us, <i>m</i>
rectus	endetarm	rektus	rectus, -i, <i>m</i>
retina	netthinne	retina	retina, -ae, <i>f</i>
skull (cranium)	hodeskalle/ hjernesalle	kranium	cranium, -ii, <i>n</i>
stomach/belly/ abdomen	magesekk/mavesekk	ventrikkel	gaster, -tris, <i>m/f</i>
thorax	brystkasse	toraks	thorax, -icis, <i>m</i>
thrombocyte	blodplate	trombocyt	trombocytus, -i, <i>m</i>
tonsil	mandel	tonsill	tonsilla, -ae, <i>f</i>
urethra	urinrør	uretra	urethra, -ae, <i>f</i>
ventricle	hjertekammer	ventrikkel	ventriculus, -i, <i>n</i>
windpipe (trachea)	luftrør	trakea	trachēa, -ae, <i>f</i>

the norwegianized Latin form *kapillar* the Norwegian language coined one more word, thereby stressing this anatomical entity and precisely reflecting the anatomical feature of the capillaries in our body, namely their thinness as thinness of human hair. The other example is the compound somatism with the component *rør* in the meaning of ‘tube/pipe’ — *luftrør* and *urinrør*. The component *rør* precisely denotes the peculiar structure of such organs as the windpipe and urethra with the second component either of German (*luft*) or Latin (*urina*) origin denoting the purpose (for passing air/urine). One more example is the word *mandel* having an interesting history of entering the Norwegian language from Greek *amygdala* through Latin *amendula* and Middle Low German *mandel* [Det Norske Akademis Ordbok]. The parallel norwegianized somatism from Latin *tonsilla* is *tonsill* but both are used to mean an almond-shaped structure consisting of lymphatic tissue and located in the throat. In English, for example, the terms *tonsil* and *amygdala* denote two organs with different localizations: a tonsil is located in the throat, and an amygdala is located in the brain,

both looking like an almond or an almond-shaped mass. In Norwegian, the somatisms *tonsill* and *mandel* pertain to the pharynx and can be used interchangeably [Det Norske Akademis Ordbok]. On the contrary, one term *ventrikkel* denotes two different organs: a stomach and a ventricle.

Doublets demonstrate a peculiar feature of the Norwegian language to balance between commonly accepted Latin borrowings and the native vocabulary, thereby preserving language independence and variety based on language purism — the phenomenon attributed to any language that struggles for its identity. So, this natural purism demonstrated by Norwegian is attributed to the fact of making designations for unknown notions, objects or phenomena by using a native stock of morphemes only there where it is possible for this or that language. A donor language in this aspect is both powerful and powerless. It is powerful in making donations but powerless in influencing the process of their adoption. The recipient language is quite independent in its choice and is always powerful in either to adopt or to adapt a word on its own.

4. CONCLUSION

We have analyzed and described the lexical corpus of somatisms in the Norwegian language. The following groups can be distinguished, depending on presence of norwegianized Latin form, adaptation of orthography and morphemes to the Norwegian language, structure, the presence of a parallel word in Norwegian for the norwegianized Latin form.

1. The first group includes the Norwegian somatisms consisting of one word or compounds based largely on the native roots. It does not have their norwegianized Latin form at all and incorporates both the bulk of the somatisms of Old Norse, Danish and German origin with their numerous examples.

2. The second group consists of the Norwegian somatisms, which have the identical or nearly identical morphemic form with Latin somatisms. In this group, we would like to single out *abdomen*, *aorta*, *atrium*, *epidermis*, *fibula*, *mediastinum*, *pleura*, *plexus*, and *retina*. Along with a parallel Norwegian word they have not undergone any orthographic changes and are preserved in their original Latin form, constituting a group of non-assimilated somatisms. Some somatisms

such as *alveol* ‘alveolus’, *bronkie* ‘bronchus’, *celle* ‘cell’, *dendritt* ‘dendrite’, *ekstremitet* ‘extremity’, *epiderm(is)* ‘epidermis’, *erytrocytt* ‘erythrocyte’, *kornea* ‘cornea’, *leukocytt* ‘leukocyte’, *lymfe* ‘lymph’, *muskel* ‘muscle’, *myokard* ‘myocard’, *nerve* ‘nerve’, *nevron* ‘neuron’, *skjelett* ‘skeleton’, *trombocytt* ‘thrombocyte’ and *vene* ‘vein’ etc. are norwegianized Latin somatisms with or without a parallel native word. All these somatisms have undergone changes according to the rules of Norwegian spelling and grammar. Some somatisms in this group have undergone multiple assimilation, i. e. Greek > Latin > Norwegian or Latin > French > Norwegian. The latter route is true for the somatism *emalje* ‘enamel’ [Det Norske Akademis Ordbok]. As all these somatisms have undergone changes according to the recipient language rules they are called *semi-assimilated terms* [Lysanets, Bieliaieva, 2018]. This group can become even larger, taking into account the compounds where one part or sometimes even two parts present a norwegianized Latin form, e. g. *blodcelle*, *epitelceller*, *hjertermuskel*, *hulvene*, *lungearterie*, *lymfekar*, *lymfekjertel*, *lymfeknute*, *muskelceller*, *nerveceller*, *nervevev*, *pleurahule*, *portvene* etc. It is obvious that it is impossible to count them all. We can also mention instances of semantic loan translations concerning some rare cases such as *bindevævshinne* ‘pleura’, *eggstokker* ‘ovaries’, *mageport* and *portner* ‘pylorus’, and *sneglehus* ‘cochlea’ in which denotative meaning is expressed through the constituent parts. It is also worth mentioning that for such terms as *epidermis*, *dermis* and *hypodermis* the Norwegian language has its own variants — *overhud*, *lærhud* and *underhud* respectively [Anatomi]. We should note rare instances of polysemy as in case of *ventrikkel* pertaining to the stomach and to the heart as *ventricle*. Among the somatisms studied some significant results concerning the frequency of Latin use are summarized in Table 2.

Table 2. Somatisms with changed and unchanged form in Norwegian under Latin influence

Groups of somatisms	Number
Latin borrowings (unchanged form)	9
Norwegianized Latin single word somatisms without a parallel Norwegian word (half-assimilated/changed form)	12
Norwegianized Latin single word somatisms with a parallel Norwegian word (half-assimilated/changed form)	36

Table 3. Somatisms in the Norwegian labelling eye parts

Group of words	Examples	Number of words
Latin word	arteria centralis retinae, dura mater, fovea, lutea, macula, musculus rectus medialis, musculus obliquus inferior, musculus rectus inferior, musculus rectus superior, nervus opticus, ora serrata, sclera, vena centralis retinae, vena vorticiosa	14
Norwegian word	den blinde flekk, glasslegemet, fremreøyekammer, hornhinnen, netthinnen, regnbuehinnen, zonulatrådene, årehinnen	8
Norwegianized Latin word	ciliærmuskelen, ciliærprosesser, cortexlinsen, konjunktiva, netthinnens arterie og vener, nukleuslinsen, pupillen, Schlemm-kanalen, Tenons kapsel	9

Source: <https://www.no.wikipedia.org/wiki/Anatomi> (accessed: 18.11.2022).

The table demonstrates that Latin borrowings in their unchanged form are still rare in modern Norwegian. The ratio of unchanged forms to the changed ones is 1 to 5, indicating that the Norwegian language uses its own resources to adapt the somatisms to its own grammar and spelling rules. But if we start counting the labels used in parallel in anatomical atlases and medical articles where medical jargon, including the unchanged Latin forms used for convenience of quick professional correspondence we can be amazed by the great number of Latin borrowings (*glomerulus*, *sternum*, *vestibulum* etc.). The results based on one source are given in Table 3.

The results show that the number of somatisms in their unchanged Latin form is approximately equal to the number of somatisms in their native form taken together with the norwegianized Latin forms. Such a distribution of somatisms once again proves the postulate of Valeriy Berkov about the so-called *norwegisms*, or specific Norwegian features when the phenomenon of selective modifying purism is noted [Berkov, 1999, p. 31–32]. It also demonstrates such an ability and flexibility to assimilate the compounds where one or both components are norwegianized Latin forms or taken from other languages. Obviously, the dominant role of Latin has not been absolutely proved at least to-date. The Norwegian language balances between Latin forms and native ones. This can also manifest itself in producing a lot of loan translations with

incorporating a native component and a norwegianized Latin form, semantic loan translations as in the word *mandel* and orthographic changes. So, Latin did play a part in the formation of the Norwegian anatomical vocabulary but with some exceptions the somatisms developed under the influence of the native language. As for the other instances of Latin influence, it follows from the examples that only some morphemes and semantic aspects are presented in full spectrum along with the abundance of collocations both with norwegianized Latin and native part. We have observed changes of Latin endings into the Norwegian ones due to the native rules of word formation, replacement of the letters either in the root or in the ending of the somatism with a subsequent change in gender.

Although it seems obvious that Latin did influence the whole Norwegian medical vocabulary with numerous norwegianized Latin forms, it is in the segment comprising somatisms in particular that the Norwegian language has made its own way, being quite independent in adoption and adaptation, thereby borrowing somatisms directly and indirectly from Latin and from other languages, balancing between Latin and native forms and finally preserving its native uniqueness and natural language beauty.

REFERENCES

- Anatomi*. Available at: <https://www.no.wikipedia.org/wiki/Anatomi> (accessed: 18.11.2022).
- Arakin V.D. *Large Norwegian-Russian dictionary*. In 2 vols. Moscow: Zhivoi iazyk Publ., 2001a. Vol. I, A — M. 560 p. (In Russian)
- Arakin V.D. *Large Norwegian-Russian dictionary*. In 2 vols. Moscow: Zhivoi iazyk Publ., 2001b. Vol. II, N — Å. 560 p. (In Russian)
- Berkov V.P. *Large Russian-Norwegian dictionary*. Moscow: Zhivoi iazyk Publ., 2002. 936 p. (In Russian)
- Berkov V.P. New in the Norwegian language. *Scandinavian philology*, 6, 1999. P.14–34. (In Russian)
- Bujalková M. The coexistence of Latin and English in Medical Terminology and its Contribution to ESP Teaching. *International Journal of Humanities Social Sciences and Education*, 5 (6), 2018. P.7–14. <http://dx.doi.org/10.20431/2349-0381.0506002>
- Det Norske Akademis Ordbok*. Available at: www.naob.no (accessed: 13.11.2022).
- Goumovskaya G. English for medical studies. *English*, 24, 2007. Available at: <http://eng.1september.ru/article.php?ID=200702407> (accessed: 30.09.2022).
- Krasnova E. Word formation potential of words relating to upper body in Danish. *Scandinavian Philology*, 19 (2), 2021. P.255–266.

Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990. 685 p. (In Russian)

Lysanets Y. V., Bieliaieva O. M. The use of Latin terminology in medical case reports: quantitative, structural, and thematic analysis. *Journal of Medical Case Reports*, 2018. Available at: <https://jmedicalcasereports.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13256-018-1562-x> (accessed: 30.09.2022).

Medical articles base. Available at: www.docplayer.me (accessed: 17.11.2022).

Ordbok. Available at: www.felleskatalogen.no/medisin/ordbok (accessed: 20.09.2022).

Store medisinske leksikon. Available at: <https://sml.snl.no> (accessed: 01.05.2022).

Ольга Попова

Северный государственный медицинский университет

ВЛИЯНИЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА НА СОМАТИЗМЫ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Для цитирования: *Popova O.* The influence of Latin on somatisms in the Norwegian language // *Скандинавская филология*. 2023. Т. 21. Вып. 1. С. 58–72. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.104>

Взаимодействие языков всегда интересовало лингвистов. Несмотря на огромное влияние латинского на многие языки во многих областях науки, в том числе в медицине, вопрос заимствований анатомической лексики, в частности соматизмов, или слов, обозначающих названия частей тела, из латинского в норвежский язык, а также влияние латинского на норвежскую анатомическую терминологию представляют особый интерес. Данное исследование фокусируется на изучении влияния латинского языка на названия различных частей тела в норвежском языке с параллельным выявлением ряда особенностей соматизмов в норвежском языке. С учетом исторического и межкультурного контекстов выделяются некоторые группы соматизмов. Наиболее представительная группа включает соматизмы, состоящие из одного слова или образованные словосложением и не имеющие норвегизированной латинской формы. Вторая группа включает соматизмы, состоящие из одного слова или образованные словосложением и имеющие идентичные или почти идентичные латинскими морфемы, представленные одной или двумя норвегизированными латинскими формами с рядом семантических особенностей. В статье также выделяются анатомические термины, представленные норвегизированными латинскими формами и имеющие параллельное норвежское слово. В основном заимствования в этой группе подверглись орфографическим изменениям в связи с адаптацией терминов к правилам норвежского языка. Результаты показывают, что в целом норвежский язык сохраняет свою идентичность, уникальность и избирательный изменительный пуризм в отношении анатомической лексики при наличии некоторых случаев зависимости от латинского языка.

Ключевые слова: латинский язык, норвежский язык, соматизмы, части тела, пуризм.

Olga Popova

Senior Lecturer,
Northern State Medical University,
51, Troitskiy pr., Arkhangelsk, 163000, Russian Federation
E-mail: polga1703@rambler.ru

Попова Ольга Валентиновна

старший преподаватель,
Северный государственный медицинский университет,
Российская Федерация, 163000, Архангельск, Троицкий пр., 51
E-mail: polga1703@rambler.ru

Received: December 7, 2022

Accepted: December 22, 2022

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

UDC 81-22

Ekaterina Tereshko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Rinske Sophia Vellinga

Lomonosov Moscow State University

WAYS OF TRANSMITTING MODAL MEANINGS IN DUTCH-RUSSIAN TRANSLATIONS: THE CASE OF THE MODAL PARTICLE *MAAR*

For citation: Tereshko E., Vellinga R. S. Ways of transmitting modal meanings in Dutch-Russian translation: The case of the modal particle *maar*. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 73–95.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.105>

In this study, we examine the strategies translators have at their disposal to render the meaning of Dutch modal particles in the Russian language. Modal particles are difficult to translate because the meaning of these words is abstract, highly context-dependent and sometimes open to multiple interpretations. Based on parallel Dutch-Russian texts we show which strategies translators use to express the functions of the Dutch modal particle *maar* 'but' in Russian. The modal particle *maar* is very often omitted in translations, because it has no equivalent in Russian and the image of reality given by the sentence does not become different in a translation when a modal particle is not translated. We find that *maar* is most often omitted in the function of mitigating the imperative. Translators compensate for the lack of an appropriate modal particle by using verbs with a narrower meaning in Russian which allows them to more accurately describe the drawn context. We also find that in some cases, translators make use of lexical and grammatical transformation such as using prefixes in Russian to soften the imperative, rather than omitting *maar* completely. In Russian, there are many possibilities to convey modal meaning in lexico-grammatical ways, for example using particles, verbs with a narrower meaning and prefixes that soften the imperative; modal verbs as such can take on the function of expressing modality, and also the verb tense can be used to convey modality.

Keywords: modal particles, Dutch, Russian, translation, particle *maar*.

1. INTRODUCTION

In the Dutch language, modal particles play a major role in communication processes, especially in informal, oral interaction between people. These particles make subtle changes to the meaning and have a pragmatic function in human communication. By adding a modal particle, the speaker can either soften the language utterance, or reinforce it. This makes particles very suitable for performing socially sensitive linguistic actions, such as making a request or command sound friendly.

This study focuses on the translation of the Dutch modal particle *maar* 'but' into Russian. It is important to know that the Russian language also contains modal particles and that much research has been conducted into the different ways of expressing modal aspects in Russian. However, the translation of Dutch modal particles into Russian is often not straightforward.

To the best of our knowledge there is little if any contrastive research on modal particles in the language pair Dutch-Russian. This article is a first attempt to prompt more contrastive research and a wider analysis of the translation of Dutch modal particles into the Russian language. It also aims to make a small contribution to the understanding of the meanings of *maar* by students of Dutch as a foreign language.

1.1. Dutch modal particles

What exactly is a modal particle (MP)? In scientific circles, there is no consensus as yet as to how this concept should be distinguished. Linguists broadly agree on a number of characteristics, but the precise definition of modal words and particles is far from being established. In the Dutch language, it is not unusual to encounter an utterance such as:

- (1) *Ik ga dan nu eerst toch maar eens even zitten.*
I go MP MP MP MP MP MP MP MP sit.

“Anyway, first of all I will then just sit down now for a while”, not the kind of sentence that you’d expect to hear from an English or Russian native speaker. The sentence contains no less than seven modal particles in a row: *toch* ‘anyway’, *maar* ‘but’, *eens* ‘once’, *even* ‘for a while’, *dan* ‘then’, *nu* ‘now’, and *eerst* ‘first’. Let us have a brief look at the insights revealed by research into this particular word type.

1.2. Functions of Dutch modal particles

Particles used to be considered as adverbs, while in fact, they are not, as they belong to another part of speech, are always uninflected and they do not change the verb, the adjective or another adverb. It is difficult to define the meaning of particles or to make an accurate classification of them. Modal particles express the rational and emotional position of the speaker in relation to the utterance, so their meaning is not concrete and depends on the context and is created during the interaction [Fehringer, Cornips, 2019, p.323]. According to Pos, who described the possibilities of translating Dutch particles into the Portuguese language, they can best be referred to as: “a word or locution that expresses inclusion, exclusion, emphasis, demonstration, rectification and situation” [Pos, 2010, p.8]. Van der Wouden also mentions the shady adverbial aspects of modal particles [Wouden van der, 1999, p.293]. It is often unclear to which phrase they belong, while their meaning is difficult to define. What exactly does *dan* and *nu* mean in (1)? As a matter of fact, *dan* ‘then’ is a reference to a moment in the future, while *nu* ‘now’ refers to the present.

According to the ANS (Algemene Nederlandse Spraakkunst, General Dutch Grammar), modal particles are words that can change the entire sentence content in a subtle way, in contrast to focus particles that relate to a particular phrase [Haeseryn et al., 1997, p.457]. Well-known examples are *nou* ‘well’, *dan* ‘then’, *toch* ‘anyway’, *maar* ‘but’, *eens* ‘once’, *even* ‘for a moment’, but also words such as *soms* ‘sometimes’ can fulfil the function of a modal particle. This becomes clear in the following examples:

- (2) *Peter zag mijn vriend John soms in het café.*
Peter saw my friend John sometimes in the café.
‘Peter sometimes saw my friend John in the café.’
- (3) *Hallo Peter, heb jij John soms gezien in het café?*
Hello Peter have you John MP seen in the café?
‘Hello Peter, have you seen John in the café?’

Although the sentences (2) and (3) look very similar, the meanings are different depending on the interpretation put on the word *soms* ‘sometimes’. In (2) *soms* indicates that Peter saw John in the café occasionally, rather than all of the time. However, in (3) *Peter, heb jij John soms gezien in het café?* ‘Peter, have you seen John?’ the word *soms*

in no way implies that the questioner is inquiring about Peter's infrequent observance of John in the cafe. It is more of a casual question as to whether Peter saw John in the cafe at some point, while at the same time indicating that the issue is of relatively minor significance. In (3) the word *soms* is being used as a modal particle and indicates a polite question that the speaker does not want to emphasize. This has a weakening effect on the request. *Soms* here is also mitigating and makes it easier for Peter to answer no. It is therefore not possible to use *soms* for example in court or another official situation where an exact answer is needed.

Before we describe the functions of the Dutch modal particle *maar* 'but', which is central to this study, we will briefly highlight our approach.

2. MATERIAL AND METHODS

In this study, 1,900 examples of the word *maar* (in all functions, including focal and adverbial) in six works of fiction, which were translated from Dutch into Russian, were selected by random sampling. The Amsterdam Slavic Parallel Aligned Corpus (ASPAC), kindly made available by its creator Adrian Barentsen, was used. This corpus includes original and translated texts of fiction, including 6,000,000 tokens in total. The works used for the selection of examples are *Het Achterhuis. Dagboekbrieven 12 juni 1942 — 1 augustus 1944*, by A. Frank, translated by Yu. Mogilevskaya, S. Belokrinitskaya and M. Novikova (1947, 1991), *Pogingen iets van het leven te maken: Het geheime dagboek van Hendrik Groen, 83¼ jaar* by H. Groen translated by E. Vengerova (2014), *Eerst grijs dan wit dan blauw* by M. de Moor translated by S. Knyazkova (2010), *De aanslag* by H. Mulisch translated by I. Grivnina (1982) and two works by children's author Annie M. G. Schmidt, *Minoes* translated by E. Lubarova (1970) and *Wiplala* translated by S. S. Belokrinitskaya (1957).

When referring to the analysed texts, we use the shortened versions of the titles of the original books:

- (Het Achterhuis) — *Anne Frank's diary* by A. Frank
- (Groen) — *The Secret Diary of Hendrik Groen, 83¼ Years Old* by H. Groen
- (Eerst grijs) — *First gray, then white, then blue* by M. Moor
- (De aanslag) — *The assault* by H. Mulisch
- (Minoes) — *Miss Minoes* by Annie M. G. Schmidt
- (Wiplala) — *Wiplala* by Annie M. G. Schmidt.

From Anne Frank's Diary, 400 examples were handled manually after automatic selection, and from all other works we looked at 300 examples each, selecting those in which the word *maar* 'but' is used in the modal sense while excluding the ones where *maar* is used as a conjunction or a focus particle. In total we managed to select 358 examples of the word *maar* with modal meaning, which is about 20 % of the total number of examples. Then we analysed all the selected examples, identifying the meanings of the modal particle *maar* and the strategies of its translation into Russian.

The classification of the meaning of the modal particle *maar* is complicated by its multifunctional character [Wouden van der, 2002, p. 4]. It is often difficult to distinguish between *maar* as a modal particle and other word types such as adverbs or interjections. As described above, there is no unambiguous definition of a modal particle in the current literature nor a full description of the modal and pragmatic functions. As a result, discussion may arise about the correct classification of the data.

For the purpose of this research we classified the meanings and pragmatic functions of the modal particle *maar* into nine categories. This classification is largely based on the extensive study by Foolen on the meaning of modal particles in general and in particular *maar* [Foolen, 1993, p. 165–194]. We obtained the following quantitative results (see Table):

The meanings and pragmatic functions of the modal particle *maar*

Meaning/Function	Quantity
directive sentences (to weaken, urge, concede, or permit)	140
trivialisation	50
decision/conclusion	70
wish/condition	38
restriction	5
duration	12
opinion/judgement	8
reinforcement	21
formulaic language	15
Total	358

3. THE MEANING AND PRAGMATIC FUNCTIONS OF THE MODAL PARTICLE MAAR IN THE ANALYSED TEXTS

For our research purposes we have chosen the particle *maar* ‘but’ because the semantic-pragmatic meaning nuances triggered by *maar* are various and therefore it is one of the most frequently used particles in the Dutch language. In addition, the particle *maar* has been thoroughly researched and described in studies on this subject. It is also interesting on account of the search for translation equivalents in the Russian language with a different set of particles.

The modal particle *maar* is often used — especially in colloquial speech — as a mitigator in directive sentences (requests, commands), when the speaker tries to make the addressee perform an action. In these type of sentences *maar* has a softening function and weakens the force or intensity of an illocutionary language act, for example when the speaker wants to convey politeness or reassure the addressee [Vismans, 1994, p. 26–34].

- (4) *Hindert niet, zeg het dan nu maar.* (Minoes)
Matter not say it then now MP.
‘It doesn’t matter, just tell me now.’

Other specific applications in directive contexts are [Foolen, 1993, p. 165–188]:

— giving permission

- (5) *Zeg maar gewoon Tibbe. Iedereen noemt me Tibbe.* (Minoes)
Say MP MP Tibbe. Everyone calls me Tibbe.
‘Just say Tibbe. Everyone calls me Tibbe.’

— giving the addressee the opportunity to refuse or disagree with the speaker

- (6) *Dus vertel maar niks, als je liever niet wilt.* (Wiplala)
So tell MP nothing if you rather not want.
‘So don’t tell me if you don’t want to.’

— urging, encouraging

- (7) *Wees maar niet bescheiden, Anne.* (Het Achterhuis)
Be MP not modest, Anne.
‘Don’t be humble, Anne.’

— challenging

- (8) “*Kom **maar** op, lieverd,*” *zei ik zacht.* (Eerst grijs)
“Come MP on, darling,” said I softly.
“Come on, darling,” I said softly.’

— threatening

- (9) *Wacht **maar** af. Als straks de Russen komen, valt er voor jullie weinig te lachen.* (De aanslag)
Wait MP PREFIX when soon the Russians come will there for you little to laugh.
‘Just wait and see. When the Russians come, there will be little for you to laugh about.’

Foolen [Foolen, 1993, p.168–171] and Vismans [Vismans, 1994, p. 5] demonstrate the sentence type restrictions of the modal particle *maar*. For instance, it cannot be used in interrogative sentences, but it freely occurs in different types of directive sentences. The statements in these sentences are often trivialised, and their significance played down as in:

- (10) “*Laten we dan **maar** aannemen dat het iemand was die er nu niet is,*” *besloot hij.* (Groen)
“Let us MP MP assume that it someone was who there now not is,” decided he.
‘Let’s assume it was someone who is not here now.’

By using the trivialising *maar*, the speaker indicates that the utterance is just an ordinary suggestion, that there is no reason to wait any longer, or that the speaker has no objection to something the interlocutor would like to do. In non-imperative constructions, the “trivial” meaning is mainly found in sentences written in the first person. We found numerous examples of them in the analysed texts. Some of them will be seen in the section where we’ll discuss translation strategies.

We also see *maar* as a fixed component in sentences expressing a hypothetical situation, a wish or condition:

- (11) *Als ik er **maar** bij kon zijn, was ik **maar** beneden.* (Het Achterhuis)
If I there MP with could be was I MP downstairs.
‘If only I could be there, if only I could be down there.’

In declarative sentences, the modal particle *maar* can be seen in a “deciding” and an “evaluating” variety. As in directive sentences, the

sentences expressing a decision are often written in the first person, but can also be written in the third person when the speaker positions himself in the acting subject of the sentence:

- (12) *Er viel in het magazijn echter niet veel te stelen en daarom beproefden de dieven hun geluk **maar** een etage hoger.* (Het Achterhuis)
There was in the warehouse however not much to steal and therefore tried the thieves their luck MP one floor higher.
'However, there was not much to steal in the warehouse, so the thieves tried their luck one floor higher.'

Foolen [Foolen, 1993, p.182] states that the decision is usually accompanied by a negative evaluation of the actual alternative chosen, as is the case in (12).

The same negative connotation can be found in declarative sentences with an evaluative function, as in:

- (13) *Mevrouw Visser heeft me voor morgenmiddag uitgenodigd voor een kopje thee. Ik had moeten weigeren, al was het **maar** omdat ze stinkt.* (Groen)
Mrs. Visser has me for tomorrow afternoon invited for a cup tea I had must refuse if was it MP because she stinks.
'Mrs. Visser invited me for tea tomorrow afternoon. I should have refused, if only because she stinks.'

Even phrases that seem positive, such as *maar goed* 'it is a good thing that' and *gelukkig maar* 'fortunately, luckily' seem to be contradictory, and imply a more negative setting:

- (14) *Het is **maar** goed dat ik geen mopperpot ben.* (Het Achterhuis)
It is MP good that I not grumpy person am.
'It's a good thing I'm not a grumpy person.'

For the purpose of relating the modal particle *maar* to sentence types, Foolen [Foolen, 1993, p.85] understands by "durative *maar*", a continuing state or action that is not interrupted. Here, too, the statement is evaluated negatively.

- (15) *En het blijft **maar** te koud voor de tijd van het jaar.* (Groen)
And it remains MP too cold for the time of the year.
'And it's still too cold for the time of year.'

The modal particle *maar* in declarative sentences can also have a reinforcing effect, as is the case in directive sentences:

- (16) *De resultaten van een dergelijke opvoeding zijn maar al te duidelijk bewezen.* (Het Achterhuis)

The results of a such education have been MP all too clear proven.
'The results of such an education have been clearly demonstrated.'

Foolen mentions the use of *maar* as reinforcer in sentences with final *om te* (to, in order to). Here *maar* reinforces the focus of the subject in the main clause on the objective formulated in the final subclause [Foolen, 1993, p. 188].

- (17) *Nella Della vond het beter om maar ineens te handelen.* (Wiplala)

Nella Della found it better to MP at once to act.
'Nella Della thought it might be better to act immediately.'

Other intended purposes of reinforcement are to express impatience, to convince the interlocutor, or to show superiority [Vismans, 1994, p. 34].

- (18) *"Breng ze dan maar gauw hier," zei ze brisly.* (Minoes)

"Bring them then MP quickly here," said she briskly.
'"Then bring them here quickly," she said briskly.'

Having described the variations in the modal meanings of *maar*, let us now outline some of the difficulties that may arise when translating sentences with this modal particle into Russian.

4. WAYS OF TRANSMITTING MODAL MEANINGS IN RUSSIAN

4.1. Modal meanings in Russian

As mentioned above, modal particles differ from focus particles in Dutch. This difference appears not only in their position in the sentence and the fact that modal particles are mostly integrated in the intonation of the utterance, but also in the highly abstract lexical meaning. This makes Dutch modal particles a challenge for translators. Much of the difficulty arises when translating between two languages, one of which has modal particles (Dutch), while the other may be considered as a "particle poor language" [Vandeweghe, 2014, p. 24]. The last is Russian in the context of this research, although we can speak about another set of particles in Russian.

The classic translation strategies described by Russian translation theoreticians L. S. Barhudarov [Barhudarov, 1975] and V. N. Komissa-

rov [Komissarov, 1990], where we speak about transformations in the translation, are not always applicable for Dutch modal particles. That is because when we speak about transformations in the translated text, we often have to deal with the referential meaning, while the modal particles have no references and spread their meaning to a whole utterance [Fischer, 2007, p.53]. Thus we can speak about adding the pragmatic function of modal particles and presume that in the translation of them the illocutionary and perlocutionary meaning should be reproduced.

Modal meaning in the Russian language is the object of much scientific study in Russia. The first to mention modality as a significant field of study in linguistics was V. V. Vinogradov [Vinogradov, 1975]. He saw modality as a way to express the relevance of the content of speech to the reality. Vinogradov also mentioned that “the category of modality of a sentence belongs to the main, central linguistic categories, found in different forms in the languages of different systems” [Vinogradov, 1975, p. 59–60], and it has a mixed grammar-lexical character.

Following V. Vinogradov much scientific research was devoted to the problem of the definition and expression of modality in the Russian language. Nowadays the problem of the functional status of this category, its content and means of expression are seen by some researchers [Vaulina, 2013, p. 7] as solved. However, modality still generates heated debates among investigators. Over almost 100 years of study the complex phenomenon of modality has generated heated debate amongst investigators. Many theories have been proposed, whose adherents have frequently been in sharp disagreement with each other.

To illustrate this we can refer to a review article by I. Prosvirkina [Prosvirkina, 2002, p. 80], where she writes about different views on the ways of expressing subjective modality:

V. Vostokov believes that the subjective modality in a sentence is expressed using grammatical forms such as intonation, conjugated forms, modal words and particles, special syntactic constructions. <...> E. Galkina-Fedorchuk notes that repetitions, refrains, word order in a sentence, anaphoric repetitions of prepositions, isolated members of a sentence, phraseological unity give evaluativeness to a sentence. Modal verbs and particles are also included to this list by many researches.

Such a list of expressions is commonly based on the list of modal expressions by V. Vinogradov, where he assigns the main role to intonation, but also analyses verb forms in detail, including in combination

with modal particles and adverbs, as well as lexical explanations and definitions. From the very beginning of modality studies, there is an allocation of two types of modality:

- 1) objective modality, that is, reflecting the attitude of the utterance or sentence to reality;
- 2) subjective modality, reflecting the speaker's attitude to the utterance or sentence.

The study of the last one is at the same time seen as the most complicated, but the most attractive thanks to a more complete reflection of the principle of anthropocentrism, which now prevails in science. Moreover, when studying subjective modality, it is extremely difficult to determine the border between modality proper and expressiveness and emotivity. Expressive meanings are often fused with modal ones and it is not always evident how to separate one of another. That is why some researchers, for example D. Paramonov [Paramonov, 2010], view modality "in the light of expressiveness".

In the Russian language we highlight the following ways to reflect modality.

1. Intonation. As mentioned above, intonation plays a great role in the coding and uncoding of a modal message. Intonation is of importance in affirmative, exclamatory and interrogative sentences with modal meaning and in combinations of different ways of reflecting modality, but it is difficult to define the intonation in the written text, that is why we do not consider it in this study.

2. Forms of tenses and moods of the verb. By themselves or in combination with modal particles, adverbs and lexical descriptions and definitions, verb forms can reflect a wide range of modal meanings. The verb forms of potential mood and imperative mood are mostly used to express modality. In means of form we include verbal prefiguring, especially *no-* as a separate item, and enclitics (e. g. *-ка*). A few examples to illustrate that include:

- *Ты смотри-ка, какой умный!* (бытовой разговор) (lit.) 'See, how smart he is!' (everyday conversation). — In a critical or sarcastic sense: he says or does something wrong, while he does not know or take into account something essential.
- *Ох, я бы ему показал!* (бытовой разговор) (lit.) 'Oh, I'd show him!' (everyday conversation). — In the sense of the general impossibility of changing someone's actions whilst wishing to correct them yourself.

Like in English and Dutch, modal meaning in Russian can be expressed by using the infinitive verb form:

- Я, *жить* в Америке? Ни за что!
- I, **live** in America? No way!
- Ik, in America **wonen**? Nooit van mijn leven!

There are other verb forms that can be used to reflect modality, also in combinations with modal particles or adverbs. But in this short review we don't have the space to look at all of them. The purpose of the article is to show the behavior of reflection of Dutch particles in the translations into Russian. This far we have named the verb forms as one of the translation strategies, we will see later which verb forms or verb moods are used in the translations on the concrete examples.

3. Lexical means. There are modal words, which can express modality. In this category we can speak about adjectives, particles, verbs and other words and phraseological units. We can list some of them in groups:

- assumption: *кажется* 'it seems', *вероятно* 'probably', *едва ли* 'hardly', *чуть ли не* 'almost', *может быть* 'may be' and others;
- opportunity, necessity: *нельзя* 'it is impossible', *пора* 'it is time', *можно* 'it is possible', *должно*, *надобно*, *надо*, *нужно* 'all four: it is necessary', *важно* 'it is important', *след* 'it should happen', *не след* 'it should not happen' and others;
- emotional characteristic: *жаль*, *жалко* 'it's a pity', *стыдно*, *совестно* 'ashamed', *тошно* 'sickening', *завидно* 'jealous', *больно* 'painful', *страшно* 'scary', *грустно* 'sad', *боязно* 'fearful' and others;
- moral and ethical characteristics: *грех* 'sin', *стыд*, *срам*, *позор* 'shame', *досада* 'annoyance', *смех* 'laughter', *каторга* 'hard labor in exile', *жуть*, *ужас* 'horror', *страх* 'fear', *мука* 'torment' and others;
- emotional-volitional characteristic: *лень* 'laziness', *охота* 'desire', *неохота* 'reluctance', *недосуг* 'lack of time/desire' and others.

In this overview we cannot of course list all the possible modal words but just a few examples to draw a picture of the ways of expressing modality in Russian.

The translation of the modal particles, just as in Dutch, requires interpretation of context. Some of the Russian particles qua form coincide with the adverbs given above, some of them not, but it is important to mention that the Russian modal particles differ from the Dutch ones: they are all seen as modal particles in Russian, while in Dutch a part

of them would be accounted to the discourse particles, and another part — to the focus particles. Some Russian particles in their turn have no equivalents in Dutch.

4. **Syntax.** One more way to express modality in Russian is through the order of words in a sentence. Although Russian does not have such strict rules with regard to word order as Dutch, the theme-rhematic articulation of a sentence can play a role in conveying modal meaning.

4.2. Translation strategies for the Dutch modal particle *maar* 'but' into Russian

Having briefly described the variations in the modal meanings of Dutch particle *maar* and the possible ways of transmitting these meanings in Russian, let us now outline the strategies that translators use when translating sentences with this modal particle into Russian.

4.2.1. Omission

It is common practice for the modal particle *maar* to be omitted in translations into Russian, because it has no equivalent in Russian and the meaning it conveys is redundant in Russian text. This does happen in almost half of the cases (approximately 48 %: 174 omissions in the sample). A third of these cases of omission of *maar* are imperative sentences in which the particle has the function of mitigating the imperative. These are often simple commands using the verbs *komen* 'come', *gaan* 'go', *lopen* 'walk', *kijken* 'watch', *zeggen* 'say', *vertellen* 'tell' and others (see also examples 19–22).

(19) “*Hij is weg! Komt u maar!*” riep Tibbe. (Minoes)

“He is gone come you MP,” cried Tibbe.

“He’s gone! Come on!” cried Tibbe.

Ушёл! **Спускайтесь!** — крикнул в ответ Тиббе.

“He’s gone! Get down!” — shouted in answer Tibbe.

“He’s gone! Get down!” Tibbe shouted back.

(20) *Ga maar gauw. Straks kom je nog te laat.* (Eerst grijs)

Go MP quickly MP come you MP too late.

‘You’d better go now, or you’ll be late.’

Ну, хватит, теперь **уходи** поскорей, а то опоздаешь.

Well enough, now leave quickly or else you’ll be late.

‘Well, that’s enough, now leave quickly, or you’ll be late.’

(21) *Zeg **maar** dat ik nu niet kan.* (Minoes)

Say MP, that I now not can.

‘Tell that I can not do it now’

Передай ей, что сейчас я не могу с ней встретиться.

Tell her that now I not can with her meet.

‘Tell her that I can’t meet her now.’

There is, however, a great variation in the verbs used when translating imperative sentences in Russian. For example, the verb *komen* in the sample is translated as *спускаться* ‘to come down’, *приходить* ‘to come’, *заглянуть* ‘to look in’, *идти* ‘to go’, *пойти* ‘to go’, *вылезать* ‘to get out’. Thanks to the use of verbs with a narrower meaning in Russian, the translator can describe the situation drawn in the work of fiction more precisely. In some cases, it is possible to talk about lexical and grammatical transformation (for example, the use of prefixes in Russian to soften the imperative), rather than complete omission. In addition, in some cases, lexical units, including particles, may be added in Russian (see example 20).

The particle *maar* is also omitted in the Russian translation when it has a decisive function in a Dutch sentence. Often, such sentences are a call to do something or a promise to do something in the absence of a better alternative:

(22) *“Dan zal ik ook **maar** vertellen wat ik weet,” zei hij.* (Minoes)

“Then shall I also MP tell what I know,” said he.

“I’ll tell then also what I know,” he said.’

В таком случае я тоже расскажу, что знаю, — сказал он.

“In such case I also tell what know,” — said he.

“In such a case I will also tell, what I know,” — he said.’

However, the particle *maar* can also be found in narrative sentences, where it is also omitted in translation:

(23) *Uiteindelijk heb ik die toch **maar** buiten neergelegd, want de stank ging er niet uit.* (Groen)

Finally have I that MP MP outside put, because the stench went there not from.

‘In the end, I put it outside anyway, because the stench wouldn’t go away.’

В конце концов я всё-таки выбросил коврик, так как вонял он нещадно.

In end of ends I yet threw away carpet so how stank he mercilessly.

‘In the end, I threw away the rug, as it smelled mercilessly.’

- (24) *Om wat terug te doen, herhaalde ik **maar** eens het laatste woord.* (Eerst grijs)

In order to what back to do, repeated I MP MP the last word.

‘In return, just to do something, I repeated the last word.’

Чтобы сказать что-то в ответ, я повторила последнее слово.

To say something to answer, I repeated last word.

‘To say something in return, I repeated the last word.’

While in example (24) both particles — *maar* and *eens* — are omitted in translation, in example (23) one can argue about the nature of the transformation in translation. It is not entirely clear whether the Russian particle *все-таки* (after all, still) is a translation of the Dutch particle *toch* or the combination *toch + maar*. The translator could have translated the *toch maar* sequence with a single particle in Russian. The translation strategies of the Dutch particle sequences could be a topic for a separate, more in-depth study. In this paper, we look at ways of translating the particle *maar*, used in Dutch sentences both singly and in combination(s) with other particles.

The particle *maar* is also often (23 times, 13 %) omitted in sentences conveying the speaker’s determination:

- (25) *Uit beleefdheid lachte iedereen toen **maar** mee, tot het lachen van mevrouw Been overging in huilen.* (Groen)

‘From politeness laughed everybody then MP with, till the laugh of Mrs. Been passed in crying.’

Из любезности все тоже рассмеялись и смеялись до тех пор, пока смех госпожи Бейн не перешел в рыдание.

‘Out of courtesy, everyone laughed, too, and laughed until Mrs. Been’s laughter turned into sobbing.’

There are also some cases in which the modality of *maar* is partially expressed by lexical means. For example, in the translation of the following sentence:

- (26) *De mouwen heb ik uiteindelijk **maar** opgerold.* (Groen)

The sleeves have I finally MP rolled up.

‘Finally I rolled up the sleeves.’

А рукава я просто засучил.

And sleeves I simply rolled up.

‘And I just rolled up my sleeves.’

the word *просто* ‘simply’ is used, which partly conveys the modal meaning of the particle *maar*. Sometimes, however, with the help of vocabulary, the interpreter can present the situation described by looking at it from a different perspective, for example:

(27) *Toen heeft iemand toch maar de zuster gehaald.* (Groen)

Then has somebody MP MP the sister got.

‘Then someone called the nurse.’

Только тогда кто-то **догадался** позвать сестру.

Only then someone **guessed** call sister.

‘Only then did someone guess to call the nurse.’

In this example, in the Dutch sentence there is a “counteraction” to the situation: *Then someone **did call** the nurse*. In the Russian translation, on the contrary, the situation required action and finally someone managed to call the nurse. In this case, we are also talking about the omission of the particle *maar*, but this omission is a part of the set of transformations to which the sentence is subjected in translation.

Another relatively large group of examples in which the particle *maar* is omitted are those sentences in which the particle has a durative meaning. To compensate for this lacuna, the translators also sometimes resort to the lexical possibilities of the Russian language, e. g.:

(28) *En maar ongeduldig tegen benen aanrijden. En maar recht voor de lift blijven staan...* (Groen)

And MP impatient against legs drive on. And MP straight before the lift remain stay...

‘And impatiently run into legs. And stand in front of the lift...’

Да ещё все ноги отдавишь, пока торчишь перед лифтом...

MP MP all legs crush, while stiking up in front of lift...

‘You get your feet all over the place when you’re stuck in front of a lift...’

The verb *торчать* ‘to stick’ itself conveys the duration and meaninglessness of the action being performed, which in Dutch is expressed twice by the use of the particle *maar*. To translate the first particle in this example, the translator uses the Russian particle *да* ‘yes’ and *еще* ‘also’. This method of translating the particle *maar* will be discussed below in the section on lexical-grammatical transformations.

It should be noted that omission also occurs when formulaic expressions that have analogues in Russian are substituted. For example, the

expression *gelukkig maar* ‘to happiness’, often used with a modal particle in the Dutch language, in the Russian equivalent reflects the same modality by other lexical means, without using particles: *к счастью* (lit.) ‘to happiness’.

To summarise, the particle *maar* is most often omitted in the function of mitigating the imperative. In this case, the verb form sometimes takes over this function in Russian. In addition, the particle *maar* is often omitted in its concessive, decisive and durative sense, as well as in stable collocations.

4.2.2. *The lexico-grammatical expression of modal meaning*

As is evident from the descriptions of some examples of omissions, the modal meaning contained in the Dutch modal particle can be conveyed in Russian by grammatical and lexical means. As the modal meaning of the particle is related to the perception of the action being described, in the translations this evaluative function is most often taken over by the verb. The lexico-grammatical way of conveying modal meaning is used slightly less frequently — 151 times in the sample of this study, which is about 41 % of the whole sample.

When conveying the modal meaning of a Dutch sentence with the lexical means of the Russian language, Russian particles can be used: 1) formative *бы* ‘would’, *хоть бы* ‘if only’, *пусть* ‘let’, *пушкой* ‘let’, *да* ‘yes’, *давай(те)* ‘let(s)’, 2) reinforcing *же* ‘though’, *пожалуй* ‘rather’, *все же* ‘though’, *ну* ‘well’, *и* ‘and’, *еще* ‘yet’, *даже* ‘even’, *просто* ‘simply’, *лучше* ‘better’, *уж* ‘much, that’; 3) restrictive *хоть* ‘although’, *только* ‘only’; 4) reflexive particle *себе* ‘itself’.

Here are a few examples of translations using particles from each group. The most common translations with formative particles are imperative sentences or statements of a desirable or hypothetical nature. It can also be a statement expressed indirectly.

(29) ...*direct zien de Engelsen het en dan komen ze, kwamen ze maar...* (De aanslag)

... directly see the English this and then come they, came they MP...

‘...immediately the English see it and then they come, if they just came...’

...англичане это живо увидят и прилетят, **ХОТЬ БЫ** они прилетели...

...Englishmen this quick see and fly in, if only they came...

‘...the British will see it now and fly in, if only they would...’

- (30) *Kom, laat ik **maar** eens een nieuw glas voor u en mij gaan halen.* (Eerst grijs)

Come, let I MP MP a new glass for you and me go get.
'Come, let me get a new glass for you and me.'

Ну да ладно, давайте я лучше схожу и принесу вам и себе ещё по стаканчику.

MP MP MP let I better go and bring to you and to me more by glass.
'Well, come on, let me go and get you and myself another drink.'

In the case of translation with particles, *maar*, while it has strengthening function in Dutch, is conveyed by particles in Russian that have either a concessive or a mitigating function:

- (31) *De clientèle laat zich het betuttelen **maar** al te graag welgevallen.* (Groen)

The customers let themselves the patronising MP all too willingly welcome.
'The clientele is only too happy to be patronised.'

Клиентура слишком **уж** охотно позволяет себя третировать.

Customers too much MP willingly allows themselves treason.

'The clientele is all too willing to allow themselves to be bullied.'

- (32) *Wacht **maar** af. Als straks de Russen komen, valt er voor jullie weinig te lachen.* (De aanslag)

Wait MP Prefix. If soon the Russians come, falls there for you little to laugh.

'Just wait and see. When the Russians come, there will be little for you to laugh about.'

Ну, погодите. Вот придут русские, тогда вам не поздоровится.

MP wait. MP come Russians, then you not healthy.

'Well, wait a minute. When the Russians come, you'll be in trouble.'

The last example (32) requires a little comment. In this example, apart from the use of the Russian particle *ну*, the choice and form of the verb *погодить* 'wait' is interesting. This verb is more informal than the neutral verb *ждать* 'wait' in Russian. In addition, the use of the prefix *но-* is characteristic of the imperative and softens the command in Russian. In this example, hence, the strengthening function of the imperative of the Dutch particle *maar* is contrasted with the Russian particle *ну* and with the choice of verb and its form. Another way to transmit modality is, for example, to use the future tense of the verb in Russian. In addition, the modal meaning can also be conveyed by the modal verb in Russian:

- (33) “Kom er **maar** weer uit, ze is weg,” *fluisterde Lotje.* (Wiplala)
 “Come there MP again from, she is away,” whispered Lotje.
 “Come out, she’s gone,” Lotje whispered.’

Можете выходить, она ушла, — прошептала Лотье.

May come out, she gone, — whispered Lotje.

“You can come out now, she’s gone,” Lotje whispered.’

The modal verb incorporates the modal meaning conveyed by the particle *maar* in Dutch, and this meaning therefore needs no additional means of expression in Russian.

In the sample of this study there are relatively many examples of the translation of the particle *maar* with the Russian reinforcing particle *лучше* ‘better’. In Dutch, the reinforcing meaning of *maar*, which in Russian is conveyed by the particle *лучше* ‘better’, is sometimes duplicated by the adjectives *liever* ‘better, more willingly’ and *beter* ‘better’, but in other examples this meaning is only expressed by the particle *maar*.

- (34) *Op het gevaar af een chagrijnige ouwe brombeer te zijn zeg ik: laat mij **maar** lekker thuis.* (Groen)

At the risk of a grumpy old bear to be say I: let me MP good at home.

‘At the risk of being a grumpy old bear, I say: leave me at home.’

Можете считать меня старым занудой и брюзгой, но я **всё же** скажу: лучше оставьте меня дома.

May consider me old nerd and grouch, but I MP MP say: better leave me at home.

‘Call me an old bore and a grouch, but I’ll tell you this: you’d better leave me at home.’

The particle *лучше* ‘better’ is used in Russian translations to convey the concessive, reinforcing, mitigating and resultant meaning of the Dutch *maar*.

Thus, most of the examples of translating the particle *maar* in the lexical-grammatical way are translations with Russian particles and a great role plays the choice of the verb and its form, but our sample also contains examples of other translation strategies, e. g. lexical repetition. This method is applicable when translating imperative sentences to convey the imperative function of the particle *maar*:

- (35) “Kom **maar**, klim **maar** verder,” zei Johannes heel zachtjes. (Wiplala)

“Come MP, climb MP further,” said Johannes very softly.

“Come on, climb on,” Johannes said very softly.’

Давайте-давайте, лезьте, — тихонько скомандовал Йоханнес.
Give-give, climb, — quietly commanded Johannes.
“Come on, come on,” Johannes commanded quietly.’

Therefore, the lexical-grammatical method involves translating the particle *maar* using Russian particles. In addition to this, the choice of verb and its form plays an important role. For example, the verb with the prefix *no-* is often used to mitigate the imperative in Russian, thus assuming the function of the Dutch particle *maar*. The choice of verb tenses is also important.

Moreover, the use of a modal verb in Russian can fully convey the modal meaning of the Dutch particle.

5. CONCLUSION

Having looked at some ways of transmitting modal meaning in Russian, which is expressed by means of a modal particle in Dutch, we can state that:

1. In Russian there are many possibilities to convey modal meaning in lexico-grammatical ways, for example using particles, verbs with a narrower meaning and prefixes that soften the imperative; modal verbs as such can take on the function of expressing modality, and also the verb tense can be used to convey modality.

2. In many cases the modal particle *maar* ‘but’ cannot be found in Russian. In these cases, it is often omitted. However, the modal meaning is not always considered redundant in this kind of utterance; in some cases, the modality is retained by the choice of the verb and its form in Russian.

The question of translation strategies for combinations of Dutch modal particles into Russian, which we have not touched upon in the course of our research, remains open. This topic provides a broad field for more detailed translation studies.

REFERENCES

Barhudarov L. S. *Language and translation (Questions of general and private theory of translation)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1975. 240 p. (In Russian)

- Fehringer C., Cornips L. The Use of Modal Particles in Netherlandic and Belgian Dutch Imperatives. *Journal of Germanic Linguistics*, 31 (4), 2019. P. 323–362.
- Fischer K. Grounding and Common Ground: Modal Particles and their Translation equivalents. *Lexical Markers of Common Ground*. Fetzer A., Fischer K. (eds). Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 47–66.
- Foolen A. P. *De betekenis van partikels: een dokumentatie van de stand van het onderzoek, met bijzonder aandacht voor 'maar'*. PhD thesis. Nijmegen: Radboud University, 1993. 245 p.
- Haeseryn W., Romijn K., Geerts G., de Rooij J., van den Toorn M. C. *Algemene Nederlandse Spraakkunst*. 2^e geheel herziene druk. Groningen, Deurne: Martinus Nijhoff and Wolters Plantijn, 1997. 1717 p.
- Komissarov V. N. *Translation Theory (Linguistic Aspects): Textbook for Foreign Language Institutes and Faculties*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russian)
- Paramonov D. A. *The Phenomenon of Grammatically Expressed Modal Meanings in Contemporary Russian Enlighted by Expressiveness*. Dr. Sci. thesis. Moscow, RUDN University Publ., 2010. 722 p. (In Russian)
- Pos A. Nederlandse partikels in het Portugees. *Internationale Neerlandistiek*, 48 (2), 2010. P. 7–18.
- Prosvirkina I. I. Subjective modality as a means of expressing evaluative value. *Vestnik of the Orenburg State University*, 6, 2002. P. 79–81. (In Russian)
- Vandeweghe W. Modale partikels en vertaling. *Internationale Neerlandistiek*, 48 (2), 2014. P. 19–30.
- Vaulina S. Modality as a communicative category: some debatable aspects of research. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 8, 2013. P. 7–12. (In Russian)
- Vinogradov V. V. On the category of modality and modal words in Russian. In: Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniia po russkoi grammatike*. Moscow: Nauka Publ., 1975. P. 53–87. (In Russian)
- Vismans R. *Modal particles in Dutch directives: a study in functional grammar*. PhD thesis. Amsterdam: Vrije Universiteit, 1994. 277 p.
- Wouden T. van der. Smeermiddelen van de taal. Partikels in het Nederlands. *Onze taal*, 68 (11), 1999. P. 292–296.
- Wouden T. van der. Partikels: Naar een partikelwoordenboek voor het Nederlands. *Nederlandse Taalkunde*, 7 (1), 2002. P. 1–16.

Екатерина Терешко

Институт языкознания РАН

Ринске София Веллинга

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПЕРЕВОДАХ
НИДЕРЛАНДСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ
ЯЗЫК: МОДАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА MAAR**

Для цитирования: *Tereshko E., Vellinga R.S. Ways of transmitting modal meanings in Dutch-Russian translation: The case of the modal particle *maar* // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 1. С. 73–95. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.105>*

В данном исследовании мы рассматриваем стратегии, использующиеся профессиональными переводчиками для передачи значения голландских модальных частиц в русском языке. Модальные частицы представляют сложность для перевода, поскольку значение этих слов абстрактно, сильно зависит от контекста и иногда допускает несколько толкований. На основе параллельных голландско-русских текстов мы показываем, какие стратегии используют переводчики для выражения функций нидерландской модальной частицы *maar* в русском языке. Модальная частица *maar* может опускаться в переводах, так как она не имеет эквивалента в русском языке, при этом значение предложения в целом не меняется, так как функции частицы берут на себя другие языковые средства. При анализе корпусного материала мы обнаружили, что чаще всего нидерландская частица *maar* опускается в переводе, если она используется в функции смягчения императива. В русском языке существует множество возможностей передать модальное значение лексико-грамматическими способами, например с помощью частиц, глаголов с более узким значением и приставок, смягчающих императив; функция выражения модальности могут брать на себя модальные глаголы как таковые, а также для передачи модальности может использоваться время глагола. Во многих случаях модальная частица *maar* ('но') не встречается в русском языке. В таких случаях она часто опускается. Однако модальное значение не всегда считается избыточным в таких высказываниях; в некоторых случаях модальность сохраняется за счет выбора глагола и его формы в русском языке.

Ключевые слова: модальные частицы, голландский язык, нидерландский язык, перевод, частица *maar*.

Ekaterina Tereshko

PhD in Philology, Junior Researcher,

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,

1, Bolshoy Kislovsky per., Moscow, 125009, Russian Federation

E-mail: tereshko@iling-ran.ru

Терешко Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник,

Институт языкознания РАН,

Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1

E-mail: tereshko@iling-ran.ru

Rinske Sophia Vellinga

Lecturer,

Lomonosov Moscow State University,

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

E-mail: rs.vellinga@yahoo.com

Веллинг Ринске София

преподаватель,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

E-mail: rs.vellinga@yahoo.com

Received: November 8, 2022

Accepted: December 15, 2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

UDC 811.112.5+783

Maria Dmitrieva

St. Petersburg State University

VERBAL AND MUSICAL TEXTS: INTERACTION OF SEMIOTIC CODES

For citation: Dmitrieva M. Verbal and musical texts: Interactions of semiotic codes. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 96–106.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.106>

The purpose of the paper is to identify the mechanisms of interaction between two sign systems: the verbal text of the Dutch rhymed psalms of the 19th century and the musical text of the melodies. The text is broadly understood as an ordered set of semiotic codes that carry certain information. The discussion of both linguistic and musical material with the use of musicological and linguopragmatic analysis is innovative. In the course of the study, an attempt was made to establish the relationship between the type of rhyme and the way of musical arrangement of the text. For poetic texts with a cross rhyme, there is a tendency to use repetitions of the melody in accordance with the rhyme. Texts with a more complex rhythmic organization of the verse are decorated with variations or author's reworking of the original melody. At the same time, the processing of musical material obeys the generally accepted patterns of melody development within the range of one octave. With a more detailed analytical review, different types of ways of using the original melodies and adapting them to the needs of choral church singing can be identified. The determining factor in the choice and interpretation of the original folk melody is the text of the psalm. Melodies do not have independence, but are completely subordinated to the verbal text. At the same time, the musical arrangement serves as an auxiliary means of accentual articulation and enhances the aesthetic function of the poetic text.

Keywords: semiotic code, musical text, music and word, Lutheran psalm, semiotics, Dutch.

1. INTRODUCTION

An important initial theoretical concept for this study is the concept of text. The text, as is known, is one of the central concepts of modern linguistics and, depending on theoretical approaches, the interpretation of the concept may be different; see more about this, for example [Filippov, 2016, p. 13–20]. One of the classical definitions of the text defines the text as a coherent sequence of sentences. See further generalizations regarding the above and other definitions of the text in the work of K. A. Filippov [Filippov, 2003, p. 65–69]. This definition of the text is due to the actual subject of linguistics research in a narrow sense and is based on the material of a written, and in some cases orally recorded set of texts, the volume of which is limited according to certain research tasks.

But a number of modern works on linguistics and semiotics suggest understanding the text in the broadest sense. For the purposes of this study, the text is considered as a “meaningful... sequence of any signs” [Nefedov, 2022, p. 298]. In the framework of this study, signs are understood as verbal texts of psalms and a set of musical signs, including the notes themselves, the designation of the key, signs of lowering or raising the note by half a tone, signs of the beginning and ending of the musical string.

Within the framework of this article, the following issues are considered. How do the verbal and musical texts of the psalms interact? Which of the texts is given a dominant role in the transmission of dictal and modus meanings? What types of rhymes are used in the texts of the psalms and how do they combine with the musical pattern? What factors influenced the selection of melodies for use in prayer practice and the principles of processing musical material for the verbal texts of psalms in the Dutch language of the 19th century?

2. METHODS AND MATERIAL

To achieve the tasks set, a comprehensive method of interpretive analysis is used, including: 1) communicative-pragmatic analysis, which has already become one of the dominant methods of modern linguistic science; 2) elements of musicological analysis; 3) linguosemiotic analysis, an attempt to develop which was made, in particular, in the work of V. T. Sadchenko [Sadchenko, 2009].

The material of the study is the verbal texts of the Dutch gospel psalms in verse form and their single-voice musical arrangements for vocal performance, published in a single collection in Amsterdam in 1806. For cultural and historical information about the origins of Protestant choral music, see the following works [Vorobjeva, 2012; Zorina, 2014].

This article uses a reprint of the 2013 Collection of Psalms [EG, 2013], posted on the website of the Netherlands Electronic Library [Digitale bibliotheek voor de Nederlandsche letteren].

The Collection has the following structure. The Collection opens with a Preface in Dutch, followed by an extensive 351-page text block of poetic psalms. The following eight pages contain a list of all the psalms in alphabetical order of the letters with which the first line of the text begins, which is reflected in the title *Lijst van alle gezangen, naar rang van het A. B. C.* [EG, 2013, p. 352] 'A list of all the chants, in order, which has an alphabet'. The final part *Wijzen der gezangen* 'Motives of chants' is 40 pages and consists of scanned musical scores of the 18th century, which, when reissued in 2013, were assigned through numbering in Roman numerals.

As a rule, several psalms were performed for one melody, so the notes are not given for each individual poetic text, but for several. Within the framework of this study, only scores with a mark are discussed *eigene zangwijze* 'own chant'. Scores referring to the melodies of German and French psalms are not involved in the analysis. In quantitative terms, native Dutch melodies make up about 15 percent of the total number of musical parts included in the Collection.

Own chant is a generally accepted terminological phrase traditionally used in sacred music to denote native folk melodies selected and then integrated into liturgical practice. Although folk music as a whole has a number of common internal patterns, it is processed for the purposes of church singing. The methods of melody processing depend on the level of musical literacy and aesthetic taste of the author-compiler. The desire to use folk song motifs is quite understandable. The musical arrangement of a poetic text to melodies widely known among the masses is one of the ways to promote Christian values. In addition, it turns out to be much easier to memorize the text itself and the motive by heart, which is especially important for members of the church community who do not have the skills to read letters and notes.

3. DISCUSSION

In general, the discussion of the interaction of musical and verbal texts is a related field of linguistics, musicology, cultural studies, semiotics and philosophy. As an example of such a plan of work, the following can be cited: [Denisenko, 2012; Lavilina, Skripnik, 2014; Silinskaya, 2014].

In addition to the general semiotic nature of poetic and musical texts, they are united by another important feature — it is rhythmicity. In the very title of the poem — *vers* < lat. *versus* < *vertere* ‘twirl, rotate, drive in a circular motion’ — the semantics of repeatability is concluded.

But this rhythmicity is of a completely different plan. The rhythm of the verse, as can be seen in the language material of the Collection, consists in alternating a certain number of stressed and unstressed syllables within a line. A stanza of six lines united by a final rhyme according to the scheme 1) a-b-a-b-a-b, including two rhymes, or according to one of the complicated schemes with three rhymes, is widely used: 2) a-a-b-c-c-b; 3) a-b-b-a-c-c.

As an example of the rhyme of the first type, the initial text fragment of the Psalm LVI can be cited:

- (1) *Geen dwaze vrees beklemm' uw harte; / Of wanhoopt ooit een kind? / Gevoelt het niet in al zijn smarte, / Dat hem zijn vader mint?* [EG, 2013, LVI, p. 376].
‘Let no foolish fear oppress your heart; / and the child never despair? / Does he not feel in all his sorrows / that his father loves him?’

(Here and further on, the translations of the examples are made by the author of the article and are in the nature of a subscript.)

The final rhyme combines denotatively the most significant ones located at the end, that is, in the so-called strong textual position of each line of the concept: *harte* — *kind* — *smarte* ‘heart, child, smart, like’. Poetic rhyme is also supported by musical means.

The rhythm of music is its organization in time; moreover, such that the pulsation fills the entire space of the musical fragment. The rhythm of the musical accompaniment of the psalms under discussion is primitive and is not intended to play a decisive role. This can be explained by the fact that when publishing the Collection, they sought to preserve authenticity and adherence to an earlier musical tradition. In addition, there was not yet a developed system for graphically recording the duration of notes.

But the main reason for the simplicity of the chosen musical rhythms can be explained by the orientation of the Collection to a wide audience of parishioners, and not to professional singers. Thus, it should be assumed that the quality of performance strongly depended on the level of musical training and skill of the performer, his singing experience, and even on his mood and spiritual state at the time of singing psalms and prayers.

In the Preface to the Collection, the following characteristics of the selection and processing of melodies are given:

Wat de Melodijen aangaat; wij hebben ons alleen bediend van de aangenaamste onzer gewoone psalmwijzen, maar ook van de meest bekende zangwijzen in de Hoogduitsche Kerken gebruikelijk [EG, 2013, p. VIII–IX].

‘As far as the melodies are concerned, we have used only the most pleasant of our usual melodies of psalms but also the most well-known types of chants in the High German churches.’

From this quote it can be seen that only the best and time-tested samples of spiritual vocal music have compiled the Collection.

Next, we turn to the analysis of empirical material in order to trace the diversity of poetic rhythmic and musical patterns.

4. RESULTS

Examples of melodic drawings of psalms of their own chant, which made up the Collection, do not show an absolutely clear structure. The repetition of the melody often takes place only in the first three or four lines, which depends on the structure of the verbal text and its general pragmatic attitude. For example (1) above, the melodic pattern completely coincides with the rhythmic one. This form of interaction between text and music can be taken as the original, simplest form: rhyme a = melody a, rhyme b = melody b.

In order to present the results of the study more clearly, all the psalms discussed can be divided into three groups. The first group consists of examples whose poetic text has a cross rhyme a-b-a-b.

Along with example (1) above, the same type of rhyme can be observed in example (2). But here, with the help of a melodic pattern, the cross rhyme is “colored” differently. Consider an example:

(2) *Op bergen en in dalen, / En overal is **God!** / Waar wij ook immer dwalen, / Of zitten, daar is **God*** [EG, 2013, VII, p. 362].

‘In the mountains and on the plains, and everywhere there is **God**. Wherever we go astray and [wherever] we are, **God** is there.’

It can be seen from the example that the rhyme of lines 2 and 4 consists in repeating the word *God*. The musical phrases of the musical score are also constructed according to the a-b-a-b scheme. Melody b contains a sequence — a sequential repetition from another note, which allows you to additionally combine the second and fourth lines, the rhyme of which is only conditional.

In example (3), the stanza includes five lines, the rhyme pattern turns out to be complicated a-b-a-a-b. Here is this example:

- (3) *Als de nacht van bange zorgen / 't Uitzigt uwer hoop bedekt/ Als de lichtstraal van den morgen / Ons, uit dezen nacht van zorgen, / Slechts tot nieuwe zorgen wekt* [EG, 2013, XXIV, p. 367].

‘When the night of anxious worries / hides the horizon of hope, / when the ray of light of the morning / only awakens us from this night of worries / to new worries.’

The melody here partially shows the song form: it repeats for lines 1 and 3. Note that these lines contain syntactic parallelism, which is also supported by melodic means.

The second group consists of examples whose rhyme type is a-a-b-c-b. Such a rhyme has, for example, the text of Psalm XXXV. Here is its initial fragment, including three lines:

- (4) *Almagtig' God! door waar berouw bewogen / Belijden wij voor uwe heilig' oogen, / Dat w' onrein stof, rampzaalge zondaars zijn* [EG, 2013, XXXV, p. 370].

‘Almighty God! Sincerely repenting / we confess before Your holy eyes / that we are unclean dust, disastrous sinners.’

The melody here is as simple as possible and repeats the rhyme pattern: a-a-b. The maximum range is one octave, which is convenient for singing. This example of a melody clearly illustrates the utilitarianism of music in relation to the text, its absolute lack of independence.

Example (5) has the rhyme a-a-b, but a different melodic pattern is superimposed on it: a-b-c.

- (5) *O zonde! bron van al d' elende, / Die 't vlugtig menschdom, sints 't u kende, / Verzinken doet in leed* [EG, 2013, XXXVII, p. 371].

‘O sin! source of all d'elende, / who makes 'T fleeting humanity, sints 't U knowne, / sink into suffering.’

Thus, the melody makes the poetic rhyme more diverse.

The third group includes examples with the rhyme a-b-b-a-c-c. They illustrate a deeper, more complex form of interaction between language and music. Consider as an example a fragment of Psalm XLIX:

- (6) *Verlosser, Vriend! o hoop, o lust / Van die U kennen, neem het lied, / Dat U in 't stof een stervling biedt, / Een zondaar, die uw voeten kust: / Een zondaar, een verlost', o Heer! / En nu geen zondaar meer* [EG, 2013, XLIX, p.375].

‘Savior, Friend! Oh, hope! O grace! / From those who know You, / accept the song that You give in the dust to the mortal / sinner who kisses Your feet, / the redeemed sinner, / and from now on he is no longer a sinner.’

The scheme of poetic rhyme: a-b-b-a-c-c; rhyme a is complete (*lust — kust*). The scheme of the melodic pattern looks like this: a-a₁-b-x-b₁-x. The letters a and b here denote the song fragments of the original melody; a₁ and b₁ are the variational development of the original melody; the letter x stands for phrases based on new musical material. The poetic final rhyme is superimposed on the melodic pattern, and, being in a relationship of complementarity and mutual integration, the semantic codes of language and music are combined into a single whole according to the following scheme: a-a, b-a₁, b-b, a-x, c-b₁, c-x. Such a complex interaction undoubtedly enhances the overall aesthetic impression produced by the poetic text.

Example (7) below is similar in terms of poetic rhyme to example (6); the verse is also organized according to the scheme a-b-b-a-c-c:

- (7) *Een ander zij vervuld met schrik, / Wanneer hij God hoort noemen; / Ik mag m' in Hem beroemen, / Ik vrees voor Hem geen' oogenblik: / En waarom zou ik vreezen? / Hij wil mijn Vader wezen* [EG, 2013, LXXX, p. 380].

‘Another may be seized with horror / when he hears the name of God; / I can glorify Him. / I am not afraid of Him for a second. / And why should I be afraid? / He will be my Father.’

But the scheme of the melodic pattern reveals a greater independence of melody development in comparison with the example (6). Song repetition is used only for the first and second lines: a-a₁-x-x-x_T-x_T. As can be seen from the diagram, the structure of the musical text here is mainly not in the repeatability of the melody, but in its motivic development, in covering an ever larger range: from the third in the first line to the octave in the fourth. The fifth and sixth lines represent

the so-called pinning, showing the tonic (x_T). Thus, the last two lines differ not only melodically, but also in terms of rhyme. They represent a question-and-answer unity, united intonationally, rhythmically, as well as through musical design. On the top notes inside each line, the most significant words are sung denotatively: in the second line, *God* ‘God’; in the third, *beroemen* ‘boasting’ and so on.

The results of the discussion of empirical material can be presented in the form of a table.

Poetic dimensions and schemes of their melodic design

Example number in the text of the article	The number of the psalm in the Collection	The scheme of the verse size	Melody scheme
1	LVI	a-b-a-b	a-b-a-b
2	VII	a-b-a-b-c-b-c-b	a-b-a-b
3	XXIV	a-b-a-a-b-c-d-c-c-d	a-b-a-b
4	XXXV	a-a-b-c-c-b	a-a-b-x-x-b
5	XXXVII	a-a-b-c-c-b	a-b-c-a ₁ -b ₁ -c ₁
6	XLIX	a-b-b-a-c-c	a-a-b-x-b ₁ -x
7	LXXX	a-b-b-a-c-c	a-a ₁ -x-x-x-x _T -x _T

For melody schemes, the letters a, b, c denote song fragments of the original melody; a₁, b₁, c₁ — variational development of the original melody; the letter x stands for phrases based on new musical material; x_T — fixing, showing tonics.

In general, it can be assumed that if the chosen melody (for example, melody a-b) suited the further text of the psalm in mood and meaning, then it was used further. If not, then the melody could undergo significant processing (variation a₁-b₁) or be replaced by another motive (motive x). At the same time, all the psalms of the “own chant” still have at least elementary signs of a musical form and do not represent a spontaneously composed scale. And even those lines that at first glance do not create an integral logical structure within themselves are often clearly organized. They include standard melodic techniques: a jump with subsequent filling, the movement of the melody by the sounds of the chords of the main functions of the fret and other techniques in accordance with the internal laws of the musical language.

5. CONCLUSION

The main conclusions can be summarized as follows. The melodies of their own chant combine the motifs of folk music and their processing, depending on the pragmatic attitudes of the verbal text and the type of rhythmic organization of the verse. Comparative analysis of rhymes and melodies allows us to observe various types of interaction between music and text: from simple correspondences to complex relations of complementarity and enhancement of the function of aesthetic impact. In all cases, the determining factor in the choice of melodies and methods of their processing is the verbal text.

SOURCES

- EG — Evangelische Gezangen, om nevens het Boek der Psalmen bij den openbaren godsdienst in de Nederlandsche Hervormde Gemeenten gebruikt te worden. Available at: https://www.dbnl.org/tekst/_eva005evan01_01/index.php (accessed: 13.01.2023).
- Digitale bibliotheek voor de Nederlandsche letteren*. Available at: https://www.dbnl.org/tekst/_eva005evan01_01/index.php (accessed: 13.01.2023).

REFERENCES

- Denisenko G. V. Semiotic aspects of musical culture research. *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 1 (45), 2012. P. 242–246. (In Russian)
- Filippov K. A. *Text Linguistics and Modern Analysis of Spoken Language: handbook*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2016. 228 p. (In Russian)
- Filippov K. A. *Linguistics of the text: a course of lectures*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2003. 336 p. (In Russian)
- Lavilina N. P., Skripnik K. D. Music and language in a semiotic framework. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 3 (2), 2014. P. 384–389. (In Russian)
- Nefedov S. T. *Theoretical grammar of the German language. Syntax. Text: handbook*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2022. 374 p. (In Russian)
- Sadchenko V. T. Text as an object of linguistic semiotics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 5 (143), 2009. P. 104–111. (In Russian)
- Silinskaya A. S. The semantic aspect of the language of music: a comparative analysis. *Tomsk State University Journal*, 381, 2014. P. 84–86. (In Russian)
- Vorobjeva A. R. From the history of the formation of the Protestant chorale. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Cultural Studies. Art Studies. Museology*, 11 (91), 2012. P. 122–127. (In Russian)

Zorina V. V. On the question of the genre and intonation origins of the Protestant chorale. *Vestnik of Kostroma State University*, 20 (3), 2014. P. 241–244. (In Russian)

Мария Дмитриева

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЕРБАЛЬНЫЙ И НОТНЫЙ ТЕКСТЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМИОТИЧЕСКИХ КОДОВ

Для цитирования: *Dmitrieva M. Verbal and musical texts: Interactions of semi-otic codes // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып 1. С. 96–106.*

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.106>

Целью статьи является выявление механизмов взаимодействия двух знаковых систем: вербального текста нидерландских рифмованных псалмов XIX в. и нотного текста мелодий, на которые исполнялись псалмы во время церковной службы или домашней молитвы. Текст в широком смысле понимается как упорядоченный набор семиотических кодов, несущих определенную информацию. Обсуждение как языкового, так и нотного материала с применением музыковедческого и лингвопрагматического анализа является новаторским. В ходе исследования предпринята попытка установить взаимосвязь между типом рифмы и способом музыкального оформления текста. Для стихотворных текстов с перекрестной рифмой наблюдается тенденция использования повторов мелодии в соответствии с рифмой. Тексты с более сложной ритмической организацией стиха оформлены с помощью вариаций или авторской переработки исходной мелодии. При этом переработка музыкального материала подчиняется общепринятым закономерностям развития мелодии в рамках диапазона одной октавы. При более детальном аналитическом обзоре могут быть выявлены разнотипные способы использования исходных мелодий и их адаптации под потребности хорового церковного пения. Определяющим фактором выбора и интерпретации исходно народной мелодии является текст псалма. Мелодии не обладают самостоятельностью, а полностью подчинены вербальному тексту. Одновременно музыкальное оформление служит вспомогательным средством акцентного членения и усиливает эстетическую функцию поэтического текста. Языковые средства выразительности в совокупности с ритмическими возможностями формы псалма получают дополнительную окраску в многомерном пространстве литургического дискурса и проявляют свою прагматическую природу еще более ярко.

Ключевые слова: семиотический код, нотный текст, музыка и слово, лютеранский псалом, семиотика, нидерландский язык.

Maria Dmitrieva

PhD in Philology, Associate Professor,

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: m.n.dmitrieva@spbu.ru

Дмитриева Мария Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

E-mail: m.n.dmitrieva@spbu.ru

Received: December 30, 2022

Accepted: January 16, 2023

УДК 82.091

Андрей Коровин

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

ТЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА

У С. КИРКЕГОРА И Ф. ДОСТОЕВСКОГО

Для цитирования: *Коровин А. В.* Тема экзистенциального одиночества у С. Киркегора и Ф. Достоевского // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 1. С. 107–128. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.107>

Статья посвящена теме экзистенциального одиночества как категории поэтики, которая находит свое отражение в творчестве датского философа С. Киркегора и русского писателя Ф. Достоевского. Вопрос о типологических сходениях в картине мира Киркегора и Достоевского неоднократно поднимался в философских трудах, но в данном случае исследуется именно художественное воплощение онтологической категории одиночества, которая для Киркегора становится одним из самых важных концептов для понимания эволюции человеческой души (стадий на жизненном пути). Тема одиночества развивается в романтической литературе, где является одной из центральных, но Киркегор предлагает новый взгляд на человека, для чего вводится понятие экзистенции, тем самым одиночество личности в этом мире становится и предметом изображения, и предметом анализа, что подразумевает экзистенциальная диалектика. Подобное воплощение темы одиночества характерно и для произведений Достоевского, где герой, находящийся в поиске себя, должен сделать свой экзистенциальный выбор: принять или не принять собственное одиночество, и от этого выбора зависит его дальнейшая судьба: путь духовного возрождения или гибель. Тема одиночества тесно связана с концептом отчаяния, введенным Киркегором, который проецируется на желание героя быть самим собой. В ранних произведениях Достоевского («Двойник», «Бедные люди») наблюдается стремление героев избежать одиночества, отказавшись от собственного «я», что приводит к трагедии. В сочинениях зрелого периода одиночество становится средством обретения себя, которое может привести к жизненному краху героев (Человек из подполья, Смердяков, Иван Карамазов) или, наоборот, к духовному возрождению (Раскольников, Смешной человек). Осознанное одиночество могло быть спасительным для князя Мышкина, но он делает вы-

бор в пользу страсти. Достоевский не только изображает эмоциональное состояние своих одиноких героев, но анализирует феномен одиночества, в чем проявляется очевидное сходство с Киркегором.

Ключевые слова: Киркегор, Достоевский, одиночество, экзистенция, датская литература.

Вопрос о наличии соответствий между темами и идеями, присутствующими в сочинениях русских писателей, и философскими исканиями Киркегора в последнее время все чаще поднимается в отечественном литературоведении, что вполне закономерно, учитывая растущий интерес к творчеству Киркегора в нашем обществе. В большинстве случаев речь идет о типологических сходствах, а не об очевидном влиянии, но само неоспоримое их наличие уже можно интерпретировать как определенную тенденцию, заслуживающую всестороннего исследования. Фигура Достоевского тут занимает главенствующее место, поскольку именно он вместе с Киркегором стоит у истоков экзистенциализма. Б. Е. Гройс писал: «Имена Достоевского и Киркегора часто ставятся рядом в сочинениях философов и писателей, принадлежащих к экзистенциальному направлению. Творчество ни одного из них не повлияло на другого, поскольку они были разделены временем и культурной традицией своих народов. Их близость на страницах книг, принадлежащих другим мыслителям, может быть объяснена лишь близостью занимавших их вопросов и сходством решений» [Гройс, 1977, с. 89].

На общность мировоззрений Киркегора и Достоевского указал еще Л. И. Шестов в докладе «Киркегард и Достоевский», прочитанном в религиозно-философской Академии в Париже 5 мая 1935 г. Будучи религиозным философом, Шестов исследует интерпретацию и понимание темы первородного греха в сочинениях Киркегора и Достоевского, отмечая очевидную их близость: «И тут он до такой степени приближается к Достоевскому, что можно, не боясь упрека в преувеличении, назвать Достоевского двойником Киркегарда. Не только идеи, но и метод разыскания истины у них совершенно одинаковы и в равной мере не похожи на то, что составляет содержание умозрительной философии» [Шестов]. В 1934–1935 гг. Шестов читал курс «Достоевский и Киркегор» на русском факультете при Парижском университете, тем самым легитимизировав

компаративное изучение наследия Достоевского и Киркегора в рамках философской методологии. За Л. И. Шестовым следует философ С. А. Левицкий, который вспоминал: «Из моих занятий Киркегором выросла статья “Достоевский и Киркегор”, напечатанная в 1936 году в чешском журнале “Кварт”. Я находил много общего между Киркегором и Достоевским — что вскоре стало общим местом экзистенциализма, но что тогда таковым общим местом не было» [Левицкий, 1977, с. 182].

В тот период интерес к Киркегору в Европе и мире достигает своего апогея, его начинают воспринимать как одного из предшественников экзистенциализма, наряду с Достоевским. По словам А. В. Ломагиной, именно это время «порождает большое количество научных работ и закрепляет в литературе иконографический образ Киркегора — бескомпромиссного борца, одиночки и загадочного художника, его жизни как живой философии и жизни, превращенной в литературное произведение» [Ломагина, 2008, с. 440].

Очевидно, что для русских религиозных мыслителей Киркегор был особенно интересен, поскольку еще в середине XIX в. поднимал те вопросы, которые занимали их в настоящий момент. Л. Н. Чертков отмечал: «Шестов впервые узнал о Киркегоре в 1928 году от М. Бубера и Э. Гуссерля, что странно, так как до этого он углубленно занимался Ибсеном, Толстым и Брандесом. Как бы то ни было, Киркегор произвел на него сильное впечатление, так как он увидел в нем опыт, в чем-то близкий его собственному. Собственно, для него Киркегор вполне правомочно заместил Ибсена в триаде Ницше — Ибсен — Достоевский, сложившейся в философской публицистике еще в конце XIX века. Сам Шестов являлся одним из представителей философии экзистенциализма, которую можно назвать также философией религиозного отчаяния» [Чертков, 1986, с. 41].

Изучение мировоззренческих параллелей между Киркегором и Достоевским продолжается по сей день, но в основном в русле философских изысканий, а вот сходству поэтики обоих авторов уделяется гораздо меньшее внимание, хотя Киркегор мыслил свое творчество как литературное, отказываясь называть себя философом. Он стремился не к осознанию отвлеченных категорий, а к пониманию человека как такового, на что ориентирована

именно литература, что позволяет говорить о том типе познания мира и отражения реальности, который присущ художественному творчеству. К. М. Долгов отмечал: «Несомненно, Киркегор был поэтом, поэтом в своем творчестве, которое насквозь пронизано высокой художественностью, — поэтичности его произведений трудно найти аналог даже среди великих творений мировой философии и литературы» [Долгов, 1990, с. 19].

В большинстве научных работ объектом исследования становилась идейная близость Киркегора и Достоевского, а не сами произведения, что даже позволило А. Фришману заметить: «Тем более примечательно, что связи между творчеством Федора Достоевского и Сёрена Киркегора всегда констатируются, но никогда не исследуются и не анализируются. Хотя никто и не будет оспаривать литературно-философские параллели, а история исследований включает многочисленные утверждения о глубокой духовной связи, мы напрасно будем искать в известных трудах о Достоевском ее более глубокий анализ» [Fryszman, 1993, s. 122]. Соглашаясь с этим высказыванием, мы полагаем важным как раз попытаться проанализировать, как один из онтологических и поэтологических концептов, а именно концепт одиночества, находит воплощение в творчестве Достоевского.

Русской литературе, вернее, тому образу мира, который предстает в русской литературе, Киркегор оказался удивительно близок. В. В. Биbihин в статье «Кьеркегор и Гоголь» отмечает: «Речь идет не о “заимствованиях” и “влияниях”, которых в данном случае не надо даже искать: их просто не было и не могло быть между копенгагенским отшельником и поэтом русской тройки. Связь здесь другая — таинственная связь духовного мира, замеченная, между прочим, Карлом Ясперсом в его мысли об “осевом времени”. Как тогда, так снова и снова единая молния ищет пробиться сквозь тело человечества» [Биbihин, 1994, с. 82]. Именно эту таинственную связь, существующую между Достоевским и Киркегором, и иллюстрирует категория одиночества, которая уже в эпоху романтизма перестает быть сугубо мировоззренческим или эстетическим понятием, а превращается в онтологический концепт.

Тема одиночества является одной из наиболее важных в творчестве Достоевского, да важна она и для всей русской литературы, как и для литературы Скандинавских стран. Сама по себе про-

блема одиночества человека в этом мире не является новой или уникальной, но особую актуальность она обретает в эпоху романтизма, когда остро встают вопросы об отношениях личности и общества, выдающегося и обыденного, сиюминутного и вечного. Эта тема становится одной из ключевых в романтической литературе, где герой зачастую изолирован и оторван от среды, его не принимающей. Но свое философское наполнение (фактически формирование) одиночество как концепт получает в сочинениях Киркегора, а литературное воплощение — в творчестве Достоевского, который его исследует и художественно оформляет, тем самым подготавливая почву для дальнейшего развития этой темы в литературе и философии экзистенциализма.

Первое сочинение С. Киркегора — работа «Из записок еще живущего человека» (*Af en endnu Levendes Papirer*, 1838) — было ответом на роман Х. К. Андерсена «Всего лишь скрипач», где главный герой Кристиан, не реализовавший себя талантливый музыкант, обречен на одиночество и раннюю смерть. В творчестве Андерсена, особенно в его историях, написанных в 1850–1870 гг., образ одинокого героя становится одним из самых распространенных: «Ночной колпак старого холостяка», «История на дюнах», «Под ивою» и др. Сначала роман Киркегору понравился, и он захотел написать на него рецензию, но, перечитав текст, нашел там множество недостатков, о которых и не преминул упомянуть в своем сочинении. Надо сказать, что сам трактат не вызвал восторга у читателей, и даже ходила шутка, что только два человека смогли его осилить: сам Киркегор и Андерсен. Представляется, что сначала Киркегора привлекла в романе проблема одиночества, которая была для него близка и интересна, а затем он усмотрел в нем модель взаимоотношений таланта и общества, показавшуюся ему андерсеновской, с которой уже не мог согласиться. Очевидно, что Киркегор романа не понял, но это — предмет отдельного исследования. Андерсен как раз стремится разобраться в причинах, которые сделали героя несчастным и одиноким, а не представляет его безвинной жертвой обстоятельств, как это воспринял Киркегор. Андерсен писал: «Впоследствии я стал лучше понимать этого писателя, который тонко и сочувственно оценил мои более поздние работы» [Андерсен, 2005, с. 186–187]. На самом деле между произведениями Андерсена и сочинениями Киркегора довольно много

параллелей. Не исключено, что с этим связана и невероятная популярность сказок и историй Андерсена в России: Киркегор и Андерсен оказались созвучны настроениям, царившим в русской литературе.

В Дании Киркегор параллельно с Андерсеном разрабатывает тему одиночества, но наполняет этот концепт уже не только романтическим, но и экзистенциальным содержанием, когда одиночество оказывается уже не только качеством романтического героя, определяющим его отношения с обществом, но и внутренним состоянием, формой бытия. Вырастая из романтизма, Киркегор создает свою философскую антропологию, изучает человека, а потому ищет новый термин для описания «человеческого», и таким термином становится «экзистенция» (*eksistens*), при помощи которого уже можно осмыслить те моральные вопросы, которые встают перед каждой отдельной личностью. Это понятие появляется в труде «Заключительное ненаучное послесловие к “Философским крохам”» (*Afsluttende uvidenskabelig Efterskrift til de filosofiske Smuler*, 1846), где используется наряду с понятием «существование» (*tilværelse*) [Кьеркегор, 2005, с.97]. Подобный подход к изображению человеческого существования получил широкое распространение в литературе второй половины XIX в., прежде всего — литературе скандинавской и русской, которой идеи Киркегора оказались столь близки. Тем удивительнее эта «таинственная связь духовного мира», поскольку имя Киркегора громко зазвучало в Европе только в 1879 г., когда на немецком языке вышла книга Г. Брандеса «Сёрен Киркегор — литературный портрет» [Brandes, 1879].

В России Киркегор, скорее всего, упоминается впервые в 1878 г. в письме переводчика П. Ганзена к И. Гончарову: «Есть датский писатель (*Søren Kierkegaard*), который говорит гораздо более красноречиво и убедительно, переведа Вам разные места из его сочинения, я верно мог бы убедить Вас! Вот был *Dialektiker!* “Сам черт его не переспорит!” — говорили о нем, а Вы бы его полюбили!» [Гончаров, 1961, с.73]. Ганзен был с юности увлечен философией Киркегора, поддерживал связь с его племянником и всячески стремился познакомить русских читателей с идеями своего соотечественника, в которых он находил много созвучного современной русской литературе. Поскольку переписка Гончарова

и Ганзена была полностью опубликована только в 1961 г., вероятно, первое знакомство с именем Киркегора в России происходит только в 1885 г., когда в «Северном вестнике» в переводе Ганзена вышел в свет фрагмент книги «Или — или» (Enten — Eller, 1843) «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал», за чем последовали «Афоризмы эстетика» («Вестник Европы», 1886 г.). Эти публикации вызвали живейший интерес у Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева и даже у обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Внимание последнего, при его одиозных взглядах, конечно, не добавило весомости трудам датского философа в глазах русских интеллектуалов, но однозначно дало зеленый свет распространению его сочинений в России, интерес к которым неуклонно возрастал.

Достоевскому не могли быть известны труды Киркегора, и он даже не мог слышать о нем, но общая мировоззренческая база, сформировавшаяся на отрицании гегельянства, обеспечила удивительную схожесть их размышлений и миропонимания. Если Киркегор был глубоко знаком с идеями Гегеля, что позволяло ему их последовательно критиковать, то вопрос о том, насколько хорошо Достоевскому были известны сочинения немецкого философа, остается не до конца проясненным, хотя русский писатель и имел определенное представление о его учении. Достоевский в молодости входил в кружок Белинского, участники которого увлекались гегельянской философией, тесно общался с Н. Н. Страховым — знатоком творчества Гегеля, также в его письме к брату из Омска от 22 февраля 1854 г. есть строки: «...пришли непременно Гегеля. В особенности Гегелеву философию истории. С этим вся моя будущность соединена!» [Достоевский, 1985, с.173]. В. А. Бачинин отмечал: «Все это может служить свидетельством осведомленности Достоевского в основных положениях философии Гегеля. Но, разумеется, этого недостаточно, чтобы говорить о каком-либо непосредственном влиянии на писателя идей немецкой классической философии» [Бачинин, 1978, с. 14–15].

Киркегора и Достоевского в равной мере не устраивала умозрительность самого учения, оторванность от человека, от его сущности, то, что Киркегором было названо экзистенцией, и роднил интерес к исследованию процессов, происходящих с личностью на пути поиска себя и осознания своих взаимоотношений с Богом.

А путь этот во многом связан с одиночеством и ощущением отчужденности. Очевидно, что особое внимание к теме одиночества является отражением духовного состояния обоих мыслителей; по выражению Шестова, «Достоевский, как и Киркегард, “выпал из общего” или, как он сам выражается, из “всемства”. И вдруг почувствовал, что к всемству нельзя и не нужно возвращаться, что всемство — т. е. то, что все, всегда и везде считают за истину, есть обман, есть страшное наваждение, что от всемства, к которому нас призывает наш разум, пришли на землю все ужасы бытия» [Шестов]. Таким образом, для обоих авторов путь к Богу через одиночество оказывается единственно возможным, и на этом пути человек не может оставаться безучастным к себе и происходящему вокруг, поэтому спутником человека становится страстность: страстью наполнены книги Киркегора, страстями одержимы герои Достоевского. Именно этим рассуждения Киркегора и душевные метания персонажей Достоевского и интересны нам, читателям, по сей день. Мы имеем дело не со святыми и праведниками, не с образцами для подражания, а с обычными людьми, в которых узнаем себя.

Внимание к отдельному человеку своим гуманистическим пафосом делает Достоевского близким Киркегору автором; еще 16 августа 1839 года в письме брату Михаилу он писал: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский, 1985, с. 63]. Фактически все творчество Достоевского — это постижение человека, человека отдельного и человека одинокого, несмотря на приверженность писателя идее соборности, порожденной, по всей видимости, имперским официозом, но с большим энтузиазмом подхваченной русскими религиозными мыслителями. Тут, очевидно, проявляется один из парадоксов Достоевского, когда воззрения писателя приходят в противоречие с художественным миром, им творимым. Его герои остаются отдельными людьми, так и не обретающими единения с другими на путях движения к Богу, даже там, где они на этот путь и вступают, как Алеша Карамазов.

Концепт одиночества, столь широко представленный в романтической литературе, получает новые смыслы благодаря его видению под новым углом зрения, преломлению через призму

экзистенции, когда экзистенция, непосредственно соотносимая с каждой отдельной личностью, предстает иррациональной формой человеческого бытия, ощущаемой, но непостижимой. Перед человеком стоит задача обнаружить в себе экзистенцию, а для этого необходимо принять себя как личность единичную, как бы обрубив все связи, которые существуют между отдельным человеком и остальным человечеством. В романтической картине мира личность, противопоставленная обществу, никогда не рвала окончательно этих связей, поскольку тогда бы нарушилась сама романтическая оппозиция: романтический герой — мир филистеров. В своей работе «Болезнь к смерти» (*Sygdommen til døden*, 1849) Кьеркегор говорит: «Человек — это синтез бесконечного и конечного, временного и вечного, свободы и необходимости» [Кьеркегор, 1993, с. 255]. В этом синтезе и проявляется человек как экзистенция, что необходимо принять личности, чтобы прожить свою жизнь, избегая отчаяния (*fortvivelse*), которое сопровождает его и которое датский мыслитель определяет как «болезнь к смерти», но это влечет к неизбежному одиночеству. Собственно, принятие или непринятие себя мы и наблюдаем во многих произведениях Достоевского, герои которого либо решаются на это, либо нет.

Одиночество становится необходимым условием движения по пути к Абсолюту, на пути к Богу. Оно предстает средством спасения человеческой души и необходимым условием этого спасения. Говоря о человеке, Кьеркегор пишет: «Напротив, очень часто его охватывает потребность одиночества, столь же необходимая для него порой, как потребность дышать или, в иные времена, спать. То, что он наделен этой жизненной потребностью в большей степени, чем это обычно свойственно людям, служит для него знаком, что природа его более глубока. Потребность в одиночестве всегда служит для нас доказательством духовности и мерой последней» [Кьеркегор, 1993, с. 296]. Из отчаяния вырастает вера, из одиночества вырастает отношение к Богу. Это утверждение кажется приходящим в противоречие с воззрениями Достоевского, но концепт одиночества оказывается ключевым и для русского писателя: глубины человеческой души, фактически — экзистенция, раскрываются через одиночество, которое сопутствует многим его героям.

В картине мира Кьеркегора личность последовательно проходит стадии эволюции, что было сформулировано в трактате «Стадии

на жизненном пути» (Stadier paa Livets Vei, 1845): эстетическую, этическую и религиозную, и это — путь отчуждения личности от действительности. Разрыв между отдельным человеком и человечеством в целом увеличивается в процессе духовного роста, поскольку одиночество становится необходимым условием этого роста, единственным способом сохранения себя.

Преодолев романтическое понимание одиночества, Киркегор и Достоевский должны были предложить новый дискурс для выражения его экзистенциальной сути. Перед ними обоими вставал вопрос: выбрать для этого язык эмоций, чувств, внутренних переживаний героя, что присуще художественной литературе, или язык мыслей, где одиночество подвергается анализу, выявляются его причины и следствия, что характерно для философских трактатов? Если страсть неизбежно сопровождает личность на путях экзистенциального восхождения, то должна доминировать эмоция, но эмоция сокращает возможности познания себя, того, что мыслится как сверхзадача на путях этого восхождения.

Мысль и эмоция оказываются двумя противоположными средствами отображения одиночества: эмоция — быть внутри, отражать только то, что ты испытываешь, вместе с тем теряя из виду саму суть одиночества, его онтологическую сущность. Находиться снаружи — видеть проявления одиночества, осмыслить его и подвергнуть анализу как факт бытия, но не понять самого главного — что оно для каждого отдельного человека. Суть экзистенциальной диалектики в том и состоит, что одиночество рассматривается и снаружи, и изнутри, когда автор — мыслитель и художник, субъект и объект анализа, поскольку явление должно быть предьявлено читателю во всей его полноте, не только изображено, но и осмыслено. Одиночество в творчестве Киркегора и Достоевского выступает одновременно и как философская категория, и как категория поэтики — важнейшее средство создания художественного образа.

Большинство писателей, стремившихся говорить об одиночестве до Киркегора и Достоевского, занимали позицию стороннего наблюдателя: они не были одиноки сами и изображали одиночество других, но не свое собственное. Киркегор и Достоевский кардинально меняют ситуацию: они перестают говорить об одиночестве с позиции объективного наблюдателя, когда одиноче-

ство предстает концептом примерно одинаковым для всех, а потому переживаемым героем произведения исходя из неких общих принципов. Так, зачастую в романтических текстах одиночество становится средством типизации героя, работает на создание литературного штампа. Экзистенциальный взгляд на одиночество является абсолютно субъективным и глубоко гуманистическим, поскольку одиночество предстает сугубо личным переживанием каждого человека, в котором он не может сравниться с другими. Один из первых русских исследователей Киркегора Н. А. Егоров писал: «Киркегор как сам был “одинок”, так “к одинокому” он хочет теперь держать речь свою» [Егоров, 1986, с. 87].

Киркегор и Достоевский были сконцентрированы на себе, на собственных переживаниях, собственном внутреннем мире, в котором и открывалась экзистенциальная бездна. Б. Э. Быховский писал: «Кьеркегору глубоко чужды душевный покой, инерция, равнодушие. Его стихия — беспокойство, волнение, страх и трепет, неудовлетворенность. Эта рефлексия беспокойного самосознания и есть то, что он называет “экзистенциальной диалектикой”...» [Быховский, 1972, с. 14]. В равной мере это суждение может быть отнесено и к Достоевскому, чьи переживания и внутренние противоречия дали возможность столь глубоко проникнуть в человеческую сущность, нашедшую отражение в его героях.

Уже в ранних сочинениях Достоевского звучит нота бесконечного одиночества, в котором пребывает, например, господин Голядкин — герой «Двойника» (1846), неспособный слиться с обществом, которое его отвергает, и неспособный обрести себя вне общества. Типичный романтический мотив двойничества получает новое звучание: человек не может обрести собственную самость вне людского окружения, которого ищет, будучи абсолютно одиноким. Подобный мотив звучит и в новелле Э. А. По «Человек толпы» (1840), где одним из кошмаров бытия предстает нивелирование личности, утрата себя. Трагедия Голядкина — это трагедия непризнания «одиночества», которое может быть спасением, поскольку является условием духовного роста, но он не желает быть единичной личностью, мечтает слиться с толпой, что в целом соответствует позднеромантическому пафосу. Духовная опустошенность и безумие главного героя становятся следствием отказа от главной ценности романтизма — стремления остаться самим

собой, цена чему зачастую — одиночество. В этом произведении одиночество Голядкина выражено с помощью романтического языка, языка внешнего описания, где дистанция между авторским переживанием действительности и его героем очевидна. Голядкин обречен на жизненный крах, поскольку, утверждая себя, он уничтожает собственную личность: «Сверх того, этот взгляд вполне выражал независимость господина Голядкина, то есть говорил ясно, что господин Голядкин совсем ничего, что он сам по себе, как и все, и что его изба во всяком случае с краю» [Достоевский, 1972а, с. 115]. Филистерское убогое отношение к реальности исключает осознание необходимости одиночества во имя спасения себя. Двойник главного героя символизирует страх одиночества, страх, оказывающийся разрушительным для личности. Уже в этом произведении, пронизанном аллюзиями на разные романтические тексты, наряду с другими смыслами обнаруживается стремление Достоевского проникнуть в глубины человеческой души, терзаемой поиском себя. Герой «Двойника» — один из первых в творчестве писателя, чей образ целиком мотивирован одиночеством.

Персонажи в ранних произведениях Достоевского зачастую остаются один на один со своим одиночеством, что и определяет трагизм ситуации. И перед ними встает главный вопрос: принять его или нет? Путь экзистенциального восхождения — это принятие одиночества, непринятие его — путь к гибели. Вспомним Макара Девушкина из «Бедных людей» (1846), который пишет в своем последнем письме к Вареньке: «Я умру, Варенька, непременно умру; не перенесет мое сердце такого несчастья! Я вас, как свет господень, любил, как дочку родную любил, я все в вас любил, маточка, родная моя! и сам для вас только и жил одних!» [Достоевский, 1972а, с. 107]. Смысл жизни несчастного героя был в помощи Вареньке, потеря ее для него равна потере жизни. Он не хочет и не может смириться с одиночеством как экзистенциальным вызовом, что на самом деле могло его спасти. Макар Девушкин впадает в отчаяние, и тут опять прямая переключка с Киркегором, который называл отчаяние самым страшным грехом, тем, что обрекает человека на гибель — болезнью к смерти: «...отчаяние — это не просто худшее из страданий, но наша гибель» [Кьеркегор, 1993, с. 257]. Киркегор говорит о двух видах отчаяния: о нежелании быть самим собой и об отчаянном стремлении быть самим собой. Обре-

сти себя возможно для человека, только приняв собственное одиночество. Представляется, что и Голядкина, и Макара Девушкина роднит первый тип отчаяния: они не желают быть собой. Первый старается уподобиться окружающим, а второй — раствориться в любви к Вареньке, которая не только смысл всей его жизни, но фактически основа его личности. Без Вареньки его просто нет, что определяет невозможность для героя выбора: он уже отказался от себя, а потому он не может и остаться в одиночестве, тогда он просто перестанет существовать как личность.

Мечтатель из «Белых ночей» (1848) — другой тип героя. Безмерно одинокий, он — именно тот, кто начал своей экзистенциальный путь, очень похожий на тот путь, который был указан Киркегором, когда человек, обретая себя, проходит через эстетическую и этическую стадии, поднимаясь до высшей — религиозной. По словам Достоевского, мечтатели — странные люди, существа среднего рода, ведущие особую жизнь, непохожую на жизнь других людей: «Вот эта-то жизнь и есть смесь чего-то чисто фантастического, горячо-идеального и вместе с тем (увы, Настенька!) тускло-прозаичного и обыкновенного, чтоб не сказать: до невероятности пошло-го» [Достоевский, 1972b, с. 112]. Они сторонятся живых людей, но долгие часы проводят среди «волшебных призраков», в «восторженных грезах», в воображаемых «приключениях». Герой Достоевского минует эстетическую стадию, где эротическое переживание оказывается наибольшим искушением не двигаться дальше, а остановиться в попытках обрести счастье. Настенька для него так и остается недостижимым идеалом, поэтому он поднимается на этическую стадию, которая приближает его к пониманию себя и дает возможность радоваться счастьем других. Но о дальнейшем движении вверх в этом произведении речь не идет. История героя пресекается. Очевидно, что мечтатель принимает одиночество как свой экзистенциальный выбор, что и позволяет ему не только сохранить себя, но стать примером душевного роста.

В ранних произведениях Достоевского очевидным образом наблюдается тяготение к анализу человеческого бытия и отдельной личности практически в экзистенциальном ключе, когда концепт одиночества оказывается абсолютно необходимой поэтологической категорией, без которой невозможно передать характер героя. Эмоциональная составляющая — изображение внутреннего мира

персонажа доминирует, оказывается главным средством создания художественного образа, а вот аналитическая еще не получает своего развития. Достоевский постепенно приходит к выработке того языка, который позволит одновременно выразить глубинное личное переживание и дать оценку внешнему его проявлению, т. е. языка экзистенциальной диалектики. В его зрелых произведениях одиночество, ощущение отдельности от других людей становится не просто чертой характера героя, а обретает качества духовного опыта, неотъемлемой личностной составляющей персонажей, переживающих экзистенциальный кризис.

«Записки из подполья» (1864) можно считать первым текстом Достоевского, где наблюдается уже окончательно сформировавшийся концепт экзистенциального одиночества. Писатель стремится не только изобразить одиночество как таковое, передавая чувства и эмоции героя, но и всесторонне осмыслить, проникнуть в его суть: вскрыть его причины и выявить то воздействие, которое оно оказывает на личность. Неоспоримо, что персональный опыт писателя находит здесь отражение в личном переживании, которое становится необходимым условием создания экзистенциальной ситуации осознания героем своей отдельности от мира. Достоевский предлагает нам взгляд на персонажа одновременно изнутри и снаружи, дает своего рода онтологическую перспективу, где частное, личностное оказывается важнее и интереснее всеобщего.

Герой «Записок из подполья» предстает зеркальным отражением мечтателя из «Белых ночей», поскольку для них обоих выбор одиночества становится экзистенциальным, но для мечтателя это путь духовного роста и выбора себя единичного, а для человека из подполья это путь самоуничтожения. Если применить киркегоровский принцип стадий на жизненном пути, то мечтатель поднимается до этической стадии, а человек из подполья остается на стадии эстетической, поскольку не способен осознать, что возможен дальнейший духовный рост. Он наслаждается своим положением, считая, что нашел себя: «Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, — вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит

и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту. И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотения? С чего это непременно вообразили они, что человеку надо непременно благо-разумно выгодного хотенья? Человеку надо — одного только *самостоятельного* хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела» [Достоевский, 1973а, с. 113]. Его образ предстает уродливой карикатурой на мыслящего человека, поскольку мир его создан отчаянием — отчаянным желанием быть самим собой, но столкновение со своей сущностью оказывается для героя настоящим кошмаром, из которого нет выхода, кроме как скрыться в подполье.

В романе «Преступление и наказание» (1866) Достоевский развивает тему экзистенциального одиночества, поднятую в «Записках из подполья». Раскольников предстает некой новой ипостасью отчаявшегося человека, находящегося в поисках собственного «я». Этот поиск и отражают ставшие хрестоматийными слова героя: «Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...» [Достоевский, 1973b, с. 322].

Одиночество Раскольникова определяется его мировоззрением, которое зиждется на неумемном эгоизме и ощущении собственной нереализованности и никчемности, что порождает его безумные идеи, приведшие к убийству. Тут встает вопрос: что первично — изначальное одиночество героя, давшее пищу для формирования его взглядов и толкающее его на преступление, или его система ценностей, которая в нравственном отношении не выдерживает критики, приводит к одиночеству? В любом случае именно одиночество дает старт и его падению, и началу экзистенциального восхождения, которое должно закончиться именно религиозной стадией, обретением себя в познании Бога. Страстность Раскольникова делает его одним из самых живых героев, поскольку ради удовлетворения своей страсти он готов переступить не только через мораль или закон — он готов переступить через собственную человеческую природу; фактически отказываясь от «я», от личности, он уходит в ту пучину одиночества, где нет даже себя. Но,

оказавшись на дне, Раскольников находит в себе силы подняться и начать своей экзистенциальный путь.

Одинок и князь Мышкин из романа «Идиот» (1868), пребывающий в окружении множества людей. Он — единственный в романе — носитель христианских добродетелей, воплощение некоего «этического» взгляда на мир, чем, собственно, и объясняется его одиночество, поскольку мир не является по своей сути таким, каким его видит герой. Очевидно, что степень сближения героя и автора в этом романе очень велика: Достоевский наделяет Мышкина той же болезнью, какой страдал сам. Вероятно, и у Киркегора была эпилепсия, что могло быть причиной его разрыва с невестой Региной Ольсен, поскольку в те времена в Дании эпилепсия была отнесена к категории болезней, опасных для общества, наряду с венерическими заболеваниями. Мышкин становится сублимацией тех переживаний, которые были присущи самому Достоевскому и, возможно, Киркегору. Принципы, на которых строится образ главного героя, прекрасно демонстрируют тот тип экзистенциальной диалектики, когда внутреннее неотделимо от внешнего, когда эмоции и страсти не только изображаются, но и подвергаются глубокому анализу, вскрывающему их суть.

Князь Мышкин обречен на гибель, поскольку этот мир не предназначен для него. Его спасение было именно в осознанном одиночестве, в уходе от этой реальности, где бушуют страсти, которые он не может и не хочет принять. Он — одиночка по своей натуре, — вместо того чтобы изолироваться, отдалиться от действительности, найти свой путь самосовершенствования, бросается в пучину страстей, для него неподъемных и невозможных, что приводит к полному разрушению личности и безумию.

Тема одиночества и его преодоления звучит в рассказе «Сон смешного человека» (1877), где поднимается экзистенциальная проблема познания себя, своего предназначения и постижения собственных стремлений. Герой рассказа, окунувшийся в бездну одиночества, не видит другого выхода для себя, кроме самоубийства, но пригрезившийся ему странный сон не только спасает от смерти, но указывает путь в будущее, который подразумевает совершенствование души. Во сне герой оказывается в некоем пространстве, где царит абсолютная гармония: люди живут в мире и благоденствии, не зная греха и пороков, но именно он становит-

ся источником разрушения этой гармонии, он привносит разлад, страсти и преступления. Герой осознает это и, уподобившись Христу, пытается спасти мир, который рушится на его глазах, но окружающие люди ему не внемлют, видя в нем лишь умалишенного. Проснувшись, герой понимает, что он должен не умирать, а употребить все свои силы на то, чтобы сделать действительность лучше. Одиночество становится для героя отправной точкой для роста души — преодоления собственной греховной натуры, но могло оказаться и причиной его гибели.

«Братья Карамазовы» (1880) — фактически завещание Достоевского, где находят отражение практически все темы и проблемы, характерные для его творчества. Концепт одиночества также оказывается одним из ключевых и сюжетообразующих в этом произведении, представляющем собой своего рода галерею одиночеств. Принятие и осознание персонажами романа своего одиночества приводит к абсолютно разным результатам: к спасению или гибели. Быть одиноким — это еще не значит начать своей путь экзистенциального восхождения.

Одиночество может дать старт и саморазрушению, что происходит и с Иваном Карамазовым, и со Смердяковым. Смердяков — существо самого низкого порядка, который в своем одиночестве омерзителен: он не способен на благородные чувства, на любовь, а потому априорно одинок: «Человек еще молодой, всего лет двадцати четырех, он был страшно нелюдим и молчалив. Не то чтобы дик или чего-нибудь стыдился, нет, характером он был, напротив, надменен и как будто всех презирал» [Достоевский, 1976а, с. 112]. В детстве у него были странные развлечения: он любил вешать кошек и хоронить с церковными церемониями, изображая священника. Еще одной отличительной его чертой является эпилепсия, которая выводит его из круга «нормальных» людей, как и князя Мышкина, но формирует совершенно другую личность, изначально отвергающую Бога. Смердяков принимает свое одиночество, поскольку оно позволяет ему оставаться самим собой, а потому любая эволюция для этого героя невозможна. Он делает свой экзистенциальный выбор — выбор отчаянного желания быть собой, говоря словами Кьеркегора, что ввергает его в пучину греха, приводит к гибели.

Трагедия же Ивана не столько в крушении его мировоззрения, сколько в неприятии своего одиночества, на которое он обречен

с детства, которое сознательно культивирует и которым тяготится. Иван не может замкнуться на себе, он одержим идеями и желает, чтобы эти идеи с ним разделял мир. Это в конечном итоге приводит к тому, что он фактически подталкивает Смердякова к убийству. Иван, вероятно, самый сложный и противоречивый персонаж романа, который стремится к познанию себя, но он не способен начать экзистенциальное восхождение, принять свое одиночество. Его поиски себя заканчиваются ничем, поскольку его личность раздваивается, как и в «Двойнике», но там персонаж как раз пытается уйти от себя, а Иван, как и другие герои Достоевского, о которых говорилось выше, отчаянно желает обрести себя. На этом пути он сталкивается с той стороной своей личности, которую воплощает черт: «Ты ложь, ты болезнь моя, ты призрак. Я только не знаю, чем тебя истребить, и вижу, что некоторое время надобно протраждать. Ты моя галлюцинация. Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых» [Достоевский, 1976b, с. 72]. Осознав это, Иван оказывается неспособным принять свою сущность, преодолеть ее, потому что у него нет Бога.

Одинок и Алеша Карамазов, но это уже одиночество другого порядка: Алеша противостоит всему тому, что являет собой воплощенное зло в романе, и его одиночество сродни одиночеству старцев-пустынников, коими являются Зосима или Тихон. Но это тоже одиночество без восхождения, поскольку Алеше нет надобности проходить свой путь; по мысли Достоевского, он уже достиг того, к чему нужно стремиться, а потому образ предстает несколько неестественным, отдельным от других и не имеющим потенциала к развитию. Экзистенциальная диалектика нарушается, когда речь идет об Алеше, поскольку персонаж не склонен к саморефлексии, не спроецирован на себя, отсутствует та самая внутренняя составляющая в изображении душевных переживаний героя, присутствующая экзистенциальной диалектике. Тут Достоевский как бы возвращается к позиции стороннего наблюдателя, создавая готовый идеал.

В произведениях Достоевского фактически утверждается киркегоровский тезис о том, что постичь себя и подняться над реальностью, где бушуют страсти, человек может, только приняв одиночество, сделав свой экзистенциальный выбор. Одиночество, таким

образом, оказывается не только и не столько изолированностью от общества и мира людей, сколько свободным волеизъявлением индивида, принимающего ответственность за свое решение. Герои Достоевского по-разному подходят к возможности подобного выбора, зачастую ошибаются в нем, что приводит к трагедии. Одиночество как осознанное состояние — обособленность человека от других — может привести на экзистенциальный путь познания себя, а соответственно, и на путь приближения к божественному началу, а с другой стороны, одиночество может оказаться путем к ничто, если на этом пути нет конечной цели — Бога.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсен Х. К. *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 3. М.: Вагриус, 2005. 704 с.
- Бачинин В. А. Достоевский и Гегель (К проблеме «разорванного сознания»). *Достоевский. Материалы и исследования.* Т. 3. Л.: Наука, 1978. С. 13–20.
- Бибихин В. В. Кьеркегор и Гоголь. *Мир Кьеркегора.* Ред. А. Фришман. М.: Ad Marginem, 1994. С. 82–90.
- Быховский Б. Э. *Кьеркегор.* М.: Мысль, 1972. 238 с.
- Гончаров И. А. Переписка И. А. Гончарова с П. Г. Ганзеном. 1878–1885. Предисл. и коммент. М. П. Ганзен-Кожевниковой. *Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения.* Ред. М. П. Алексеев. Т. 6. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 37–105.
- Гройс Б. Достоевский и Киркегор. *Вестник русского христианского движения,* 123, 1977. С. 89–110.
- Долгов К. М. *От Киркегора до Камю.* М.: Искусство, 1990. 399 с.
- Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 1. Л.: Наука. 1972а. 519 с.
- Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 2. Л.: Наука. 1972б. 527 с.
- Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 5. Л.: Наука. 1973а. 407 с.
- Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 6. Л.: Наука. 1973б. 423 с.
- Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 14. Л.: Наука. 1976а. 511 с.
- Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 15. Л.: Наука. 1976б. 624 с.
- Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 28 (I). Л.: Наука. 1985. 572 с.
- Егоров Н. Киркегор. *Вестник русского христианского движения,* 148, 1986. С. 83–94.

- Кьеркегор С. *Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 679 с.
- Кьеркегор С. *Страх и трепет*. М.: Республика, 1993. 383 с.
- Левицкий С. А. Воспоминания о Лосском. *Новый журнал*, 126, 1977. С. 171–187.
- Ломагина А. В. Рецепция философской прозы Сёрена Киркегора в датской литературе XX в. *Скандинавские чтения 2006 года: этнографические и культурно-исторические аспекты*. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 438–451.
- Чертков Л. Серен Киркегор в русской литературе. *Вестник русского христианского движения*, 148, 1986. С. 27–55.
- Шестов Л. *Киркегард и Достоевский*. Режим доступа: <https://filosoff.org/shestov/tvorchestvo/kirgegard-i-dostoevskij/> (дата обращения: 01.12.2022).
- Brandes G.M.C. *Sören Kierkegaard: Ein literarisches Charakterbild*. Leipzig: J. A. Barth, 1879. 263 s.
- Fryszman A. Kierkegaard og Dostojevski. *Kierkegaard 1993 — Digting, Filosofi, Teologi*. Red. F.H. Mortensen. Odense: Odense Universitet, 1993. S. 122–129.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2022 г.,
рекомендована к печати 5 января 2023 г.

Andrey Korovin

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

**THE THEME OF EXISTENTIAL LONELINESS IN SØREN KIERKEGAARD'S
AND FYODOR DOSTOYEVSKY'S WORKS**

For citation: Korovin A. V. The theme of existential loneliness in Søren Kierkegaard's and Fyodor Dostoevsky's works. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 107–128. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.107> (In Russian)

The article deals with the topic of existential loneliness as a category of poetics, which is reflected in works of the Danish philosopher Søren Kierkegaard and Fyodor Dostoevsky's novels. The question of typological convergences in the world view of Kierkegaard and Dostoevsky has been discussed in philosophical writings, but the question of literary interpretation of the ontological category of loneliness in books of both of writers has not been raised. Loneliness becomes one of the most important concepts for understanding the evolution of human soul (stages on life's way) in Kierkegaard philosophy. The theme of loneliness has been developed in Romantic literature and it was one of the central problems for it, but Kierkegaard invents a new understanding of human being and uses the concept "existence" to describe it. The human loneliness in this world becomes both the subject of reflection and the subject of analysis, which displays the existential dialectics. The similar embodiment of the theme of loneliness is also the characteristic of Dostoevsky's works, where a hero, who tries to find himself, should make his existential choice: to accept or not his own loneliness. And his further life depends on this choice: he can go to the way of spiritual rise or to death. The theme of loneliness is closely related to the concept of despair, which was introduced by Kierkegaard, because it is a human desire to be oneself. In the early Dostoevsky's books

(“The Double”, “Poor Folk”) heroes desire to avoid loneliness abandoning their own self, and it leads to tragedy. In later books, loneliness becomes a way to find oneself with different results: it can lead to the collapse of hero’s life (the man from underground, Smerdyakov, Ivan Karamazov) or to spiritual rise (Raskolnikov, the ridiculous man). Prince Myshkin could except his loneliness and save himself, but he makes a choice in favor of passion. Dostoevsky not only describes the emotional state of his lonely heroes, but he analyzes the phenomenon of loneliness the same way as Kierkegaard does it.

Keywords: Kierkegaard, Dostoevsky, loneliness, existence, Danish literature.

REFERENCES

- Andersen H. C. *Collected Works in 4 vols.* Vol. 3. Moscow: Vagrius Publ., 2005. 704 p. (In Russian)
- Bachinin V. A. Dostoevsky and Hegel (To the Problem of Discrete Consciousness). *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia.* Vol. 3. Leningrad: Nauka Publ., 1978. P. 13–20. (In Russian)
- Bibikhin V. V. Kierkegaard and Gogol. *Mir Kjerkegora.* Ed. A. Frishman. Moscow: Ad Marginem Publ., 1994. P. 82–90. (In Russian)
- Brandes G. M. C. *Sören Kierkegaard: Ein literarisches Charakterbild.* Leipzig: J. A. Barth, 1879. 263 s.
- Bykhovsky B. E. *Kierkegaard.* Moscow: Mysl’ Publ., 1972. 238 p. (In Russian)
- Chertkov L. Søren Kierkegaard in Russian Literature. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniia,* 148, 1986. P. 27–55. (In Russian)
- Dolgov K. M. *From Kierkegaard to Camus.* Moscow: Iskusstvo Publ., 1990. 399 p. (In Russian)
- Dostoevsky F. M. *Completed Collected Works in 30 vols.* Vol. 1. Leningrad: Nauka Publ., 1972a. 519 p. (In Russian)
- Dostoevsky F. M. *Completed Collected Works in 30 vols.* Vol. 2. Leningrad: Nauka Publ., 1972b. 527 p. (In Russian)
- Dostoevsky F. M. *Completed Collected Works in 30 vols.* Vol. 5. Leningrad: Nauka Publ., 1973a. 407 p. (In Russian)
- Dostoevsky F. M. *Completed Collected Works in 30 vols.* Vol. 6. Leningrad: Nauka Publ., 1973b. 423 p. (In Russian)
- Dostoevsky F. M. *Completed Collected Works in 30 vols.* Vol. 14. Leningrad: Nauka Publ., 1976a. 511 p. (In Russian)
- Dostoevsky F. M. *Completed Collected Works in 30 vols.* Vol. 15. Leningrad: Nauka Publ., 1976b. 624 p. (In Russian)
- Dostoevsky F. M. *Completed Collected Works in 30 vols.* Vol. 28 (I). Leningrad: Nauka Publ., 1985. 572 p. (In Russian)
- Egorov N. Kierkegaard. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniia,* 148, 1986. P. 83–94. (In Russian)
- Fryszman A. Kierkegaard og Dostojevski. *Kierkegaard 1993 — Digting, Filosofi, Teologi.* Red. F. H. Mortensen. Odense: Odense Universitet, 1993. S. 122–129.

- Goncharov I. A. I. A. Goncharov and P. G. Hansen correspondence. 1878–1885. Ed. and comment. by M. P. Ganzen-Kozhevnikova. *Literaturnyi arkhiv. Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia*. Ed. by M. P. Alekseev. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Publ., 1961. P. 37–105. (In Russian)
- Groys B. Dostoevsky and Kierkegaard. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniia*, 123, 1977. P. 89–110. (In Russian)
- Kierkegaard S. *Concluding Unscientific Postscript to the Philosophical Fragments*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2005. 679 p. (In Russian)
- Kierkegaard S. *Fear and Trembling*. Moscow: Respublika Publ., 1993. 383 p. (In Russian)
- Levitsky S. A. Memoirs about Lossky. *The New Review*, 126, 1977. P. 171–187. (In Russian)
- Lomagina A. V. Reception of Søren Kierkegaard's Philosophical Prose in Danish Literature of 20th Century. *Skandinavskie chteniia 2006 goda: etnograficheskie i kulturno-istoricheskie aspekty*. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2008. P. 438–451. (In Russian)
- Shestov L. *Kierkegaard and Dostoevsky*. Available at: <https://filosoff.org/shestov/tvorchestvo/kirgegard-i-dostoevskij/> (accessed: 01.12.2022). (In Russian)

Коровин Андрей Викторович

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а
E-mail: avkorovin2002@mail.ru

Andrey Korovin

PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a, Povarskaya ul., Moscow, 121069, Russian Federation
E-mail: avkorovin2002@mail.ru

Received: December 20, 2022

Accepted: January 5, 2023

УДК 821.113.6

Артем Морозов

Независимый исследователь

СПЕЦИФИКА СЮЖЕТА В ТРАВЕЛОГЕ «МОЙ СЫН НА ГАЛЕРЕ» Я. ВАЛЛЕНБЕРГА

Для цитирования: *Морозов А. Д.* Специфика сюжета в травелоге «Мой сын на галере» Я. Валленберга // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 1. С. 129–140. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.108>

В статье рассматривается специфика сюжета в известном травелоге «Мой сын на галере» (1781) шведского автора Якоба Валленберга. Исследуются особенности, характерные для сюжетной структуры романа странствий (термин М. М. Бахтина) и литературного путешествия. «Мой сын на галере» представляет собой описание путешествия, совершенного автором из Швеции в Китай в 1769–1771 гг. Произведение обладает линейным, хронологическим сюжетом, включающим не только путевые, документальные материалы (в частности, информацию о географическом и демографическом положении стран, посещенных героем-повествователем, описания местной природы, традиций и др.), но и авантурные эпизоды (например, о старых девах, напуганных появлением шведов; о судне, которое моряки приняли за пиратское; и др.). Разного рода отступления от основной темы — путешествия — иллюстрируют мысли героя-повествователя, а природно-географические, этнографические, культурные и другие сведения, типичные для путевой прозы, занимают в книге «Мой сын на галере» незначительное место. В качестве основного предмета повествования выступает не посещение героем той или иной страны, а второстепенные, мало значительные, на первый взгляд, реалии окружающей действительности, а также навеянные путешествием размышления. В произведении встречаются также и главы, в которых речь идет о вещах, не имеющих прямого отношения к путешествию (например, насилие в семье и неверность жен). В результате предполагается, что травелог «Мой сын на галере» стоит у истоков шведской сентименталистской прозы, получившей развитие в конце XVIII в.

Ключевые слова: Якоб Валленберг, сюжет, травелог, литература путешествий, шведская литература.

Шведская художественная проза XVIII в. занимает скромное место в истории мировой литературы. Авантюрно-героические («Приключения Адальрика и Ётильды», 1742–1744, Я. Х. Мёрка), авантюрно-психологические («Приключения шведского дворянина», 1759, Х. Г. Роламба), сатирико-фантастические («Индийские письма», 1770, Х. Бергестрёма) романы и другие произведения того времени, написанные под значительным влиянием французских и английских образцов, известны ныне в основном узкому кругу специалистов. Исключением из этого ряда малоизученных текстов можно назвать неоконченный травелог «Мой сын на галере» (Min son på galejan), написанный Якобом Валленбергом (1746–1778) во время плавания в Китай в качестве капеллана шведской Ост-Индской компании в 1769–1771 гг. Изначально книга создавалась для членов экипажа — товарищей автора — и до первой подцензурной публикации в 1781 г. бытовала в виде оригинальной (анонимной) рукописи и нескольких списков. Помимо «Моего сына на галере», Валленберг написал более краткий травелог «Правдивое описание путешествия» (Sanfärdig resebeskrifning, 1781), в котором нашли отражение его впечатления от поездки по странам Европы в 1769 г., драму в стихах на религиозный сюжет «Сусанна» (Susanna, 1778), неоконченную поэму «Выборгский гром» (Wiborgska smällen, 1767) на тему Русско-шведской войны 1495–1497 гг., стихотворения и проповеди.

«Мой сын на галере» занимает центральное место в литературном наследии Валленберга. В отличие от многих подражательных, малоизвестных произведений восемнадцатого столетия, этот травелог пользуется популярностью в Швеции и за ее пределами по сей день: на родине автора его переиздавали более 25 раз (последний — в 2022 г.) и переводили на немецкий (1783, 1975), датский (1944), итальянский (1971) и английский (1993) языки.

Свое произведение Валленберг называл «resebeskrifning» (букв. «описание путешествия»), что можно перевести как «путевой очерк». В современном англоязычном литературоведении по отношению к путевой прозе нередко применяют термин «травелог», под которым понимается описание путешествия, имевшего место в действительности. В русскоязычной традиции травелог как литературному жанру, расцвет которого приходится на XVIII в. в связи со стремительным развитием морской торговли и научных

экспедиций, соответствует термин «путешествие». По определению Н. Г. Чернышевского, путешествие — это жанр, сочетающий «элементы истории, статистики, государственных наук, естествознания и приближающийся к так называемой легкой литературе своею формою, как рассказ о личных приключениях, чувствах и мыслях отдельного человека в столкновениях его с другими людьми» [Чернышевский, 1948, с. 222]. Среди важных жанровых признаков литературного путешествия В. М. Гуминский называет «сложное взаимодействие документальных, художественных и фольклорных форм» [Гуминский, 1987, с. 314], определяющее мозаичность его композиции.

Сюжет как один из основных формальных признаков литературного текста развивается по определенной жанровой логике; иными словами, «построение сюжета тесно связано с жанровой структурой произведения» [Михайлов, Михайловский, 1939, с. 149]. При анализе сюжета, который, по замечанию Г. Н. Поспелова, есть форма произведения, «не предмет художественного изображения, а лишь его средство» [Поспелов, 1983, с. 173], можно определить степень традиционности или уникальности книги. Постараемся же выявить специфику сюжета, а вместе с тем и степень оригинальности травелога «Мой сын на галере».

Книга состоит из пяти частей, у каждой из которых есть название: «Первое плавание “Финляндии” из Гётеборга в Норвегию» (Första finska tåget ifrå Götheborg til Norge), «Второе... из Норвегии на мыс Доброй Надежды» (Andra... ifrå Norge til Goda Hopps-udden), «Третье... на остров Ява» (Tredie... til Java), «Четвертое... в Китай» (Fjärde... til China) и его «Продолжение...» (Fortsättning...).

Первая часть начинается с описаний приготовлений к отплытию: анонимный герой, от лица которого ведется повествование, говорит о том, что осенью 1769 г. его вызвало начальство шведской Ост-Индской компании и в скором времени он отправится из Гётеборга в Кантон на судне «Финляндия» под командованием капитана К. Г. Экеберга. Зимой, после визита вахтенного, герой и его товарищи пришли в портовый район Клиппан в трактир старины Карнеги. Там они распевали песни и напились до такого состояния, что вынудили хозяина доставлять их на «Финляндию» на своей лодке. Перед отплытием они по приказу капитана разыскивали

находившихся на судне портовых девок, а после отправили их на шлюпке в город. В Северном море шведы отчаянно противостояли водной стихии в шторм и причалили к норвежской гавани Свинёрсунд. Там они чинили и готовили судно к дальнейшей экспедиции, а также торговали, охотились и проводили веселые вечера в компании местных крестьянок.

Во второй части шведские моряки отчалили из Норвегии и, потеряв семерых товарищей, которые скончались от неизвестной эпидемии, достигли Канарских островов. Далее герой-повествователь знакомит читателя с судовыми помещениями и моряцким жаргоном, прославляет женский пол, рассказывает о встречаемых морских животных, повадки которых сравнивает с недостатками людей. По словам рассказчика, он и другие члены экипажа, страдая от монотонной жизни на корабле, решили обратиться к словесному творчеству. Для этого они организовали литературно-питейное общество *Runius Sacrum*, названное в честь шведского поэта Юхана Руниуса (1679–1713). С 7-й по 10-ю главы герой-повествователь описывает, как проходили их заседания, а также цитирует стихотворные произведения, которые он и его товарищи тогда сочинили. Поздней весной моряки достигли Капского полуострова и встали на якорь в заливе Саймона.

В начале третьей части главный герой прославляет шведских моряков и рассказывает о том, как он и несколько человек из числа экипажа преодолели опасный путь, прежде чем оказались в Капстаде. Там в поле их зрения попали местные порядки и нравы горожан, в частности европейских колонизаторов (англичан, французов, голландцев, датчан). Далее рассказчик оценивает местные сады и развлечения, а именно музыкальный концерт, который давали дочери господина Хемми, а после — танцы в доме коменданта. Помимо этого, он описывает и местных женщин (жен и дочерей колонизаторов), сравнивая их со шведками, и морских животных, которых он и его товарищи видели за кормой после того, как отчалили из Капстада в Индонезию. По пути моряки зарезали последнего вола, взятого в Норвегии, после чего герой приводит 13 строф из сочиненной им «Волиады» — ироикомической поэмы на смерть животного. С 14-й по 16-ю главы рассказчик приводит высказывания моряков относительно семейной жизни, отношения к женам и права мужей их наказывать.

В четвертой части моряки достигли яванского городка Аньер, торговали с местными жителями, исследовали леса и постройки, познакомились с капралом Йострином, шведом по происхождению. Со слов этого попутчика главный герой вкратце пересказывает историю острова Ява, а после описывает посещенные вместе с капралом религиозные церемонии и внешность его темнокожей малопривлекательной наложницы. Далее следуют главы, посвященные яванским женщинам, которые сравниваются со шведками, а также экзотическим растениям и животным, найденным на острове. В седьмой, заключительной главе этой части шведские моряки вышли в Южно-Китайское море и в начале осени пришвартовались на острове Вампоа.

В последней части, являющейся продолжением предыдущей и включающей всего три главы, говорится о том, что шведы видели в Китае: множество судов у причала, толпы людей и др. Главный герой ставит под вопрос правдивость описаний Кантона и Китая своими современниками. Он приводит географические, исторические и этнографические сведения, подтверждающие, что численность населения Китая составляет не 60 миллионов человек, как принято считать, а значительно меньше. «Точное число назвать не могу, однако мне представляется неправомерным считать, что оно составляет 60 миллионов совершеннолетних людей в возрасте от 20 до 60 лет» [Wallenberg, 1999, s. 181] (здесь и далее перевод мой. — А. М.) — на этом предложении травелог завершается.

Таковы основные, самые занимательные эпизоды в «Моем сыне на галере». Все они следуют один за другим в хронологической последовательности, а географические места, посещенные героем, повторяют и настоящий, и описанный в книге маршрут. В данном случае есть все основания считать маршрут «тематическим и структурным стержнем» [Шачкова, 2008, с. 281] произведения. Помимо того, что сюжет в «Моем сыне на галере» линейен, он еще и цикличен — в его основе лежит путешествие в Ост-Индию, которое состоит из пяти в целом однотипных отрезков-плаваний. В каждой части повторяются одни и те же мотивы: отчаливания и высадки, знакомства с местностью, его жителями и т. д.

На протяжении всего повествования главный герой находится в постоянном движении в пространстве. В «Моем сыне на галере» прослеживается т. н. хронотоп дороги, при котором, по замечанию

М. М. Бахтина, «пересекаются в одной... точке пространственные и временные пути многообразнейших людей — представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов» [Бахтин, 1975, с. 276]. Центральным мотивом, а вместе с ним и предметом повествования в «Моем сыне на галере» является путешествие. В связи с этим произведение можно сопоставить как минимум с двумя жанрами: просветительским романом странствий (термин Бахтина; к нему относятся «Приключения Телемака» Ф. де Фенелона (1699), «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта (1726–1727) и др.), в котором герой находится не в своем привычном, а в экзотическом, чужом мире, и литературным путешествием (среди известных шведских образцов: «Путешествие на Эланд и Готланд» (1745), «Путешествие в Вестергётланд» (1747) и другие травелоги К. Линнея).

В центре внимания романа странствий, как правило, — жизнь главного героя, взаимоотношения его с другими персонажами и внешним миром. Для романа странствий путешествие хотя и является неотъемлемым мотивом, однако не самоценно. Путешествие здесь — лишь средство, сюжетный элемент, с помощью которого герой имеет возможность познакомиться с неизвестными ему реалиями. В литературном путешествии же, по словам Е. Р. Пономарева, именно «процесс передвижения в пространстве формирует текст» [Пономарев, 2014, с. 17]. Природа, климат, социально-политические, исторические и другие реалии — вот что составляет ядро повествования, а личная жизнь героя-очевидца, его внутренний мир, если он выражен, есть лишь средство для раскрытия центральной темы — путешествия. Если для романа характерна череда сюжетных элементов (мотивов) в их причинно-временной связи и, как следствие, интрига, то для путешествия, как правило, — дескриптивное (описательное) повествование, не имеющее внутренней связи.

В травелог «Мой сын на галере» сюжет непредсказуем, в отличие от романа с многолинейным типологически традиционным содержанием, а основная тема — путешествие — раскрывается здесь посредством дорожных описаний. В то же время произведение включает не только путевые, документальные материалы, но и во многом авантюрные эпизоды, характерные для романа. В 17-й главе первой части, например, речь идет о том, как главный

герой и его товарищи, находясь на одном из островов норвежского архипелага, заметили странные следы. Решив, что их оставил лось, шведы пошли по ним и вскоре оказались у одинокой хижины, в которой, как выяснилось, жили «две испуганные нимфы» [Wallenberg, 1999, s. 53] — старые девы. При виде незваных гостей женщины перепугались и с криками убежали, но затем одна из них все же вернулась и напоила их молоком. Другой романтный, не лишенный интриги эпизод представлен в шестой главе второй части. По пути в Капстад моряки заметили на горизонте странное судно, которое, лавируя, постепенно к ним приближалось. Посчитав его пиратским, т. к. в знак мирного прохода на нем не поднимали флаг, шведы начали готовиться к сражению. И в самый последний момент, когда они прокричали «огонь», намереваясь палить из пушек, «пиратское» судно подняло английский флаг, опустило паруса и легло в дрейф, передав им «вместо цепных ядер несколько сотен картофелин» [Wallenberg, 1999, s. 77].

Сюжет в «Моем сыне на галере» нельзя считать в полной степени романтным, т. к. и в количественном, и в качественном отношении авантюрные и, как правило, комические эпизоды занимают в книге незначительное место. В этом травелоге они не самоценны и вкраплены в основное повествование как отдельные красочные иллюстрации, подтверждающие те или иные мысли главного героя. Так, эпизод со старыми девами представлен в главе, высмеивающей деятельность натуралистов, а именно персонажа, принявшего женские следы за те, которые оставил лось, а история о несостоявшемся морском сражении подтверждает мысли рассказчика о том, что шведские моряки — самые отважные моряки на свете.

Многие эпизоды, претендующие на авантюристичность и остросюжетность, не имеют в «Моем сыне на галере» соответствующей им романной развязки. В качестве примера можно привести эпизод из второй главы третьей части. В нем говорится о том, как герой-повествователь и еще несколько человек из числа команды отправились из Ложной гавани в Капстад. В начале эпизода рассказчик отмечает: «Я сидел верхом на старом, крепко державшемся на ногах Росинанте, а рядом находился мой Санчо Панса» [Wallenberg, 1999, s. 102]. Отсылка к персонажам из романа «Дон Кихот» (1605) М. де Сервантеса (а именно к коню и оруженосцу главного героя) предвещает авантюристичное содержание. Далее, по словам рассказчи-

ка, он и другие моряки «преодолевали две нескончаемые мили, идя то посреди волн вдоль залива, то по откосам высоких скал» [Wallenberg, 1999, s. 102], рисковали оказаться в пропасти вместе с лошадьми и телегой, а после сбились с пути. В итоге, не имея возможности ни вернуться, ни продолжить путь из-за топкой местности, шведы обратились за помощью к сопровождающим их рабам, после чего те, измеряя глубину болота бамбуковыми палками, перенесли моряков на плечах в безопасное место. Так, несмотря на интригующее начало и необычность самой ситуации, этот эпизод завершается просто, в духе путевого очерка.

Помимо приключений (немногочисленных и реалистичных), сюжет в «Моем сыне на галере» составляют эпизоды, не имеющие причинно-временной связи. Природно-географические, этнографические, культурные и прочие сведения, типичные для литературы путешествий, как и романские, занимают здесь незначительное место. За исключением ряда отдельных малозначимых описаний (природа Капстада, история и традиции острова Ява, географическое и демографическое положение Китая) о посещенных шведами странах практически ничего не сказано. В свою очередь, эпизоды, а иногда и целые главы посвящены второстепенным путевым реалиям: помещениям и предметам на судне «Финляндия», жаргонной и профессиональной лексике моряков, их творческим изысканиям, пьяным выходкам и эротическим подвигам. Быт, нравы, поведение шведов и иногда встречаемых ими людей — вот что представляет главный интерес для рассказчика. На протяжении всей книги он задается вопросами о патриотизме, семейной жизни, европейском колониализме и сексуальной эксплуатации темнокожих женщин, о современных нравах и моде. Мысли на эти и другие темы посещают главного героя не спонтанно, но в связи с пережитым опытом, конкретной ситуацией. Так, в третьей главе третьей части рассказчик, оказавшись на мысе Доброй Надежды, становится свидетелем похорон местного губернатора. После того как «толпа людей подошла к могиле и тут же повернула назад, не произнеся ни слова» [Wallenberg, 1999, s. 105], он начинает размышлять о религии, смерти и смысле жизни: «Видя, как наделенного властью человека похоронили словно лошадь, я разволновался, и это не могло не укрепить меня в лютеранской вере. Она — разумная, золотая середина между склонным к излишествам католи-

чеством к простоте протестантством <...> Мы носимся по свету с целью обогатиться, а в итоге получаем три лопаты земли. Сегодня мы владеем половиной громадной Африки, а завтра — лишь маленькой, длиной в шесть футов ямой» [Wallenberg, 1999, s. 105].

П. Грейвс отмечал, что путевые, документальные материалы в «Моем сыне на галере» вторичны и являются лишь «трамплином» (springboard), с которого рассказчик пускается в юмористические или морализаторские отступления, но на самом деле они являются не отступлениями, а квинтэссенцией содержания книги [Graves, 1994, p. 13]. Так, можно говорить о лирическом и сентиментальном начале, свойственном травелогу «Мой сын на галере». С последней трети XVIII в. в европейской и в частности шведской литературе наблюдаются тенденции, характерные для сентиментализма. Именно тогда, как пишет К. Н. Атарова, в литературе происходит «смещение “центра тяжести”, переход от объективного описания внешнего мира... к описанию душевного мира повествования, когда события мира внешнего становятся лишь поводом для размышлений и переживаний» [Атарова, 1988, с. 37–38]. С выходом в свет романа «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768) Л. Стерна эта тенденция в художественной прозе стала одной из ведущих. Автора-повествователя в «Моем сыне на галере», как и главного героя у Стерна, путешествие интересует лишь в аспекте мыслей и ощущений, которые оно вызывает. Расцвет сентиментализма в шведской литературе с его значительными образцами (романы «Одинокый, или Философ сердца» К. Б. Любекера (1793), «Отшельник, или Письма молодого человека из деревни к другу из города» П. А. Гранберга (1800), «Письма к другу в поездке по провинции» П. Вальстрёма (1800) приходится на конец XVIII в., однако Валленберга можно считать предвестником этого направления, а его «...сына на галере» — шведским предсентиментальным путешествием.

Внимание рассказчика в «Моем сыне на галере» зачастую направлено не на плавание и даже не на посещенные места. В каждой из первых четырех частей встречаются главы, посвященные и внешности местных женщин, и жизни на «Финляндии», и даже содержанию самой книги. Есть и такие главы, в которых речь идет о вещах, не имеющих прямого отношения к путешествию (например, насилие в семье и неверность жен). При этом о самом путе-

шествии (где и когда проплывали шведы) в «Моем сыне на галере» сказано значительно меньше (как правило, о нем говорится в начале и в конце каждой части).

Травелог «Мой сын на галере» обладает линейным, хронологическим сюжетом, включающим не только путевые, документальные материалы, но и авантюрные эпизоды. В качестве основного предмета повествования выступают не посещенные героем страны, а второстепенные, малозначимые, на первый взгляд, реалии окружающей действительности, а также навеянные путешествием размышления. С точки зрения сюжета «Мой сын на галере» является в высшей степени оригинальным произведением, сочетающим элементы художественной и документальной, путевой прозы.

ЛИТЕРАТУРА

- Атарова К.Н. *Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии»*. М.: Высшая школа, 1988. 95 с.
- Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
- Гуминский В.М. *Путешествие. Литературный энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 314–315.
- Михайлов П., Михайловский Б. *Сюжет. Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 11*. М.: Художественная литература, 1939. С. 140–151.
- Пономарев Е.Р. *Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–1930-х годов*: дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014. 577 с.
- Поспелов Г.Н. *Сюжет и ситуация. Вопросы методологии и поэтики*. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 34–59.
- Чернышевский Н.Г. *Письма об Испании* В.П.Боткина. В кн.: Чернышевский Н.Г. *Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 4*. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1948. С. 222–245.
- Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского*, 3, 2008. С. 277–281.
- Graves P. Introduction. In: Wallenberg J. *My son on the gallej*. Norwich: Norvik Press, 1994. P. 7–14.
- Wallenberg J. *Min son på galejan. Samlade skrifter i tre delar*. D. II. Lund: Svenska Vitterhetssamfundet, 1999. S. 13–181.

Статья поступила в редакцию 2 января 2023 г.,
рекомендована к печати 16 января 2023 г.

Artem Morozov

Independent researcher

PLOT FEATURES OF THE TRAVELOGUE *MY SON ON THE GALLEY*

BY J. WALLENBERG

For citation: Morozov A. D. Plot features of the travelogue *My Son on the Galley* by J. Wallenberg. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 129–140. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.108> (In Russian)

The paper deals with the specific plot features of a popular Swedish travelogue *My Son on the Galley* (1781) in which Jacob Wallenberg describes his journey from Sweden to China in 1769–1771. The object of analysis is the general plot structure in travel novels (using Mikhail Bakhtin's terminology) and travelogues. As a result, it is proved that *My Son on the Galley* is a travelogue with a linear, chronological plot structure. It includes not only description of the itself and documentary information (about the geographical and demographic position of the countries visited by the narrator, descriptions of local nature, traditions, etc.), but also there are adventurous episodes (for example, about old maids, frightened by the appearance of the Swedes; about the ship, which the sailors mistook for a pirate one, etc.) in the text. Digressions from the main theme — the journey — are interspersing as colorful illustrations of the thoughts of the narrator, and as natural-geographical, ethnographic, cultural content etc. which are so typical for travelogues, although they do not play significant role in this book. The main object for the narrator is not visit to one country or another, but secondary details of the surrounding reality, as well as author's thoughts inspired by the journey. There are also chapters that deal with things that are not directly related to the journey (for example, domestic violence and infidelity of wives). The travelogue *My Son on the Galley* stands at the origins of Swedish sentimentalist prose, which was developed at the end of the 18th century.

Keywords: Jacob Wallenberg, plot, travelogue, travel literature, Swedish literature.

REFERENCES

- Atarova K. N. *Laurence Sterne and his "A Sentimental Journey Through France and Italy"*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1988. 95 p. (In Russian)
- Bakhtin M. M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. P. 234–407. (In Russian)
- Chernyshevskii N. G. V. P. Botkin's Letters about Spain. In: Chernyshevskii N. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 15 t.* Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1948. P. 222–245. (In Russian)
- Graves P. Introduction. In: Wallenberg J. *My son on the galley*. Norwich: Norvik Press, 1994. P. 7–14.
- Guminskii V. M. Travelogue. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaiia entsiklopediia Publ., 1987. P. 314–315. (In Russian)
- Mikhailov P., Mikhailovskii B. Plot. *Literaturnaia entsiklopediia: v 11 t.* Vol. 11. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1939. P. 140–151. (In Russian)

- Ponomarev E. R. *Typology of Soviet Travel Literature of the 1920s and 1930s*. Dr. Sci. thesis. St. Petersburg, 2014. 577 p. (In Russian)
- Pospelov G. N. Plot and Situation. *Voprosy metodologii i poetiki*. Moscow: Moscow State University Publ., 1983. P. 34–59. (In Russian)
- Shachkova V. A. Travelogue as a Genre of Fiction: Theoretical Issues. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 3, 2008. P. 277–281. (In Russian)
- Wallenberg J. Min son på galejan. *Samlade skrifter i tre delar*. D. II. Lund: Svenska Vitterhetssamfundet, 1999. S. 13–181.

Морозов Артем Дмитриевич

кандидат филологических наук, независимый исследователь,
Российская Федерация, 127238, Москва, Локомотивный проезд, 5
E-mail: morozov-msu@mail.ru

Artem Morozov

PhD in Philology, Independent researcher,
15, Lokomotivnyi proezd, Moscow, 127238, Russian Federation
E-mail: morozov-msu@mail.ru

Received: January 2, 2023
Accepted: January 16, 2023

UDC 821.113.6

Vladislav Surkov

*A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences*

THE POWER OF TIME IN LYRICAL POETRY BY PER ATTERBOM AND VIKTOR RYDBERG

For citation: Surkov V. The power of time in lyrical poetry by Per Atterbom and Viktor Rydberg. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 141–151. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.109>

The article focuses on the concept of time in human and global perspective in the poetry of two Swedish authors of the 19th century: Per Atterbom and Viktor Rydberg. These two poets belong to different branches of the Romantic movement. Atterbom represents the early mystic Romanticism and he is one of the first Romantic authors in Sweden. Rydberg is a post-Romantic poet: his poetic works contain features that are characteristic of the literature of Romanticism, but they were written in the last decades of the century. The theme of the power of time is one of the most important for both authors, it determines characters of lyrical heroes and poetics in many of their poems but in different ways. Atterbom represents the destructive power of time. Thus, the main characters of his fairy tale play “The Isle of Bliss”, Hyperborean king Astolf and nymph Felicia, live on a magical island and aspire to escape from Time, but Time overcomes them. Atterbom shows in his poetry that time hasn't its limits in the world beyond. Rydberg represents the characters who try to apprehend the rules of time. The immortal mythological creatures in his poems (the Tomten, the elf of a river) cannot explain why time has such an influence on man and mankind. This theme corresponds with a philosophical matter of the meaning of human life. The humans in Rydberg's lyrics do not try to overcome time as they perceive the nature and its rules throw their senses.

Keywords: Romanticism, time, Swedish literature, lyrics, Rydberg, Atterbom.

The History of Swedish Romanticism started at the turn of the 1800s and 1810s. There is not any specific date that marks the end of the Romantic period. In major European literatures, Romanticism was replaced by

Realism. But in Sweden, Realism was not developed as a literary movement. Only a few examples of Realistic literature (novels by Frederika Bremer, Sophia von Knorring) began to appear in the 1830s. At the same time, Romantic tendencies continued to exist in Swedish literature until the 1880s, when Romanticism was replaced by Naturalism represented by the group called “Young Sweden”, members of which adopted ideas of a Danish literary critic Georg Brandes. However, in the 1890s the neo-Romantic tendencies started to develop (poems by Verner von Heidenstam, Oscar Levertin and Gustav Fröding, novels by Selma Lagerlöf). But there are some post or late Romantic writings in the end of the 19th century, and the question is: can they be regarded as Romantic?

Our analysis is devoted to works of two authors, who belong to two different branches of Swedish Romantic movement: Per Atterbom, the leader of the Aurora League — the first Romantic literary group in Sweden; and Viktor Rydberg, whose poetic works relate to the end of the century. We will be assessing the concept of time in their works, because it is one of the important themes in Romanticism. The task is to define which common characteristics and differences the two authors had in their approaches regarding this matter. The problem of the power of time has intrigued writers and philosophers of all centuries. In the literature of Romanticism this topic is particularly well developed because the Romantic poets paid special attention to exceptional characters and the inner world of a human being.

Swedish Romanticists adopt the ideas of German Romantic philosophy. They were also influenced by the concept of Swedish philosopher C. J. Boström; his ideas have something in common with German Romanticism. Philosophy of the personal being is central to Boström's concept. He comes to the conclusion that true reality is subjective, and that it is always determined by self-consciousness. At the same time in the art of Romanticism the personality which is opposed to society comes to the fore. A Romantic character stands against a hostile environment. He aspires to freedom, which is one of the most important Romantic ideals. There is a point in the Romantic worldview that time limits freedom. A person (as well as all mankind) feels the impact of time, even when he tries to hide away from it. Freedom is one of the most important Romantic ideals.

Per Daniel Amadeus Atterbom (1790–1855) led that branch of Romanticism, which is characterized by a mystical perception of reality.

He regarded poetry as a special form of spirit, which arose from nature. Poetry was a religious language for him. The ideas of pantheism are inherent to poets of his circle who were raised on German Romantic philosophy. Atterbom considers time as a part of nature.

The destructive power of time is represented in the poem “Ruins of Stegeborg” (“Stegeborgs ruiner”, 1813). The central image of the poem is the destroyed castle called Stegeborg. The first lines praise the firmness of its last remaining tower. It is compared to the greatness of will, which aspires to rise. The strong will, which is able to challenge nature and fight against fate, is one of the most important features of a Romantic character.

The next stanzas express sadness about bygone times:

<i>Ej längre ljuder du af fröjd och sorg,</i>	‘You no longer ring for joy and sadness,
<i>Ej hvimlar du af vapnare och svärd.</i>	You don’t teem with weapon and sword.’

[Atterbom, 1813, s. 70]

The contemplation of the castle leads the observer to “the shadows of the heroes” (“hjelteskuggor”). In the fourth stanza the image of Disa appears. She is a heroine from a Medieval legend. In the poem, the motif of recollection of the past is also associated with her.

Then, in several stanzas, the deeds and battles of the knights are described, crusades in particular. The latter evoke biblical images in the mind of the lyrical hero. Thus, the events that took place in the castle fit into the global context. There is heroic and patriotic pathos in the part of the text describing battles of knights. The description is complemented by images of Svea — the symbolic personification of Sweden — and King Carl X Gustav, who owned the castle in the 17th century.

Another focus in the poem develops the concept of time. All presented events belong to bygone centuries. Abstract nouns related to the semantics of time are repeated in the text: eternity (“evighet”), infinity (“oändlighet”), memories (“minnen”). The ruins of the castle become an indication of past events.

There is also a motif of overcoming time in the text. First of all, it is the keeping of these events in memory, which belongs to the world beyond. At the beginning and at the end of the poem an image of heaven appears. In the first stanza, it is associated with the image of the last remaining tower of the castle. In the last stanza, a collective image of Northern Saints observes all events in the castle and keeps them in

memory. At the same time, the Saints are associated with legendary and historical figures who were mentioned earlier. They seem to live on top of the last tower of the castle, and all these events are preserved only for them. So, it turns out that overcoming time is only possible in the world beyond.

In the fairy tale play “The Isle of Bliss” (“Lycksalighetens Ö”, 1824–1827) the poet introduces the image of personified time. This story is based on a French medieval legend. While hunting Astolf, the king of the Hyperboreans, is lost and finds himself in the cave of the winds. He learns about the fabulous Isle of Bliss from the Western wind Zephyr. Then Zephyr helps the king to get to this island. Soon Astolf meets the queen of nymphs Felicia, who descended from the sphere of heaven. The characters develop a romantic relationship one with each other, and they eventually get married. Astolf drinks from the fountain of youth and lives on the island for three hundred years. In fact, he is out of time. One day the king realizes that he must return home. Upon his return, he discovers that a constitutional republic has been established in the Kingdom of the Hyperboreans. Astolf is unable to find a place for himself in the renewed state and is going to return to the Isle. Along the way, time overtakes him, and the king dies. The Isle of Bliss perishes. This is the plot of the play.

This play contains a multifaceted literary expression of the author’s views on Romantic poetry, as well as a satire on contemporary liberalism. The ideas in the text have already been analyzed in works of literary critics¹. We will not focus on this matter in detail. We are primarily interested in the image of Time in the last act of this play.

Time in this text is presented as relentless. It is, in fact, associated with death as it takes Astolf. This is how Time speaks about himself:

Mig en högre makt beväpnar och jag för dess vilja ut!

<...>

Jag det sköna kan förkrossa.

[Atterbom, 1985, s. 503]

‘The highest power arms me and I fulfil its will!’

<...>

I can crush beauty.’

¹ First of all, in the work “Tecknets tragedi: Symbol och allegori i Atterboms sagospel ‘Lycksalighetens ö’” by O. Fischer [Fischer, 1998].

Astolf and Felicia are Romantic characters who struggle with their fate and defy Time. The Isle of Bliss becomes a way to hide themselves from it. But the island itself is not eternal. Eventually, the perishing of the island symbolizes the death of sensual poetry. However, Felicia still does not die. She returns to her sphere of heaven, where rules of Time do not work. In fact, this means that the power of time has its limits, but these limits are beyond the earthly perception.

Viktor Rydberg (1828–1895) also addresses the theme of time and its influence on man and mankind, but his poetics is significantly different from Atterbom's.

Poetic works of Viktor Rydberg relate to the last decades of the 19th century. His poetry consists of two collections, published in 1882 and 1891. We lack an unambiguous definition of to what tradition we should relate his works. Some literary critics call him a Romanticist. Thus, the Swedish researcher Karin Nykvist notes that “[Rydberg] was a Romanticist in his views on children and childhood despite his biography” [Nykvist, 2008, s. 141]. Then she adds that “There is [in his poetry. — V.S.] the Romantic sadness for bygone times that was typical for Romanticism” [Nykvist, 2008, s. 142]. Rydberg has been described in “Cyclopedia of World Authors” as “one of the last of Romanticists, and certainly, one of the first idealists of the period” [Magill, 1958, p.928]. Meanwhile, Hans Granlid underlines ambiguous position of Rydberg's works in literature: “Rydberg's lyrics is a heart of Swedish poetry of the 19th century. The dark venous blood of Romanticism flows into it, but the light arterial blood of Christian liberalism, realism and expressionism flows out of it” [Granlid, 1973, s. 159].

Rydberg's lyrics indeed contain features that are characteristic of the literature of Romanticism. Thus, he often refers to the Middle Ages, as well as to national folklore and Scandinavian mythology. Motifs and images from Antiquity often appear in his poems as well. At the same time, the poet criticized the literature of Swedish Romanticism of the beginning of the century, in particular the work of the Aurora League.

On the one hand, Rydberg denounces the aspirations of Romanticists to return to the medieval way of thinking. He said the following about the idea in question: “Reason was mocked without shame, cultivated with tenderness and observed with admiration the weeds of superstition, generated by the spirit of the people, which the Enlighteners could not eradicate, and sowed new ones where they could” [Warburg,

1913, s. 120]. As the Swedish literary critic Karl Warburg rightly notes, “His perception is dictated rather by a political and cultural position than by an aesthetic one” [Warburg, 1913, s. 122].

On the other hand, Rydberg criticized the poetic principles of Atterbom and the poets of his circle. He was convinced that a poetic work should contain some idea related to real life, therefore he criticized the Romanticists, for whom poetry was intrinsically valuable. In accordance with this attitude, Rydberg does not present exceptional characters in his works related to the concept of time. The central element in these poems is an attempt to explain reasons established by nature (and by time as a part of it). Rydberg’s characters unlike those by Atterbom do not try to overcome the power of time.

Poem “Tomten” (1881) presents to us a character from Swedish folklore. Tomten is a household spirit who lives in the yard and takes care of people and their household animals. In the poem, he lives in a home-stead. At night when all the human and nature kind fall asleep, Tomten goes around to make sure everything is in order in the yard. He takes care of peasants and their animals. The main philosophical idea is contained in the question, which Tomten asks to himself. It is the question about the significance of replacing one generation by another:

*Så har han sett dem, far och son,
ren genom många leder
slumra som barn; men varifrån
kommo de väl hit neder?
Släkte följde på släkte snart,
blomstrade, åldrades, gick... men vart?
[Rydberg, 1996, s. 70]*

‘So has he seen them, sire and son,
Year by year in that room there
Sleep first as children every one.
Ah, but whence did they come there?
This generation, to that was heir,
Blossomed, grew old, and was gone — but where?’²

Tomten as a mythological creature cannot understand the rules of the human world. The mystery, which he tries to solve is, in fact, the matter of the meaning of human life. The entire poem is imbued with

² Translated by Ch. W. Stork.

the motif of the cyclic movement of time. This motif relates to the image of alternation of day and night, and as for the composition of the text. The last stanza is almost identical to the first one. All activities of Tomten are shown as recurrent actions: “tittar, som många vintrar förr” [Rydberg, 1996, s. 115] (‘Looks, as oft he has looked before’).

Tomten does not find an answer to his question, but the cyclical nature of mankind’s existence is presented in the poem as a harmonious part of the world.

Rydberg develops the same matter in another poem with the self-explanatory name “Where from and where to?” (“Vadan och Varthän?”, 1876). There is antithesis in the first two stanzas of the text. The first of them presents an idyllic spring landscape with images of a rural house and its inhabitants:

<p><i>När sist jag färdades denna led, då smyckade våren lund och hed, med spegeln bäcken till blommor sprang, och rymden fylldes med klockors klang, och solen lyste ur morgonsky, och stugan vid grinden där var ny.</i></p> <p>[Rydberg, 1996, s. 47]</p>	<p>‘When I traveled this way the last time, Spring adorned the grove and the heath, The stream like a mirror ran to the flowers, And the space was filled with the ringing of bells, And the sun shone from the morning sky, And the new hut was at the gateway.’</p>
--	---

The lyrical hero of this poem is a traveler. In the place described above, he meets a young peasant and his bride. They cheerfully greet the stranger and ask him where he comes from and where he is going. The question does not possess any philosophical context yet.

In the second stanza, the traveler returns to the same place, but the life-affirming atmosphere is replaced by desolation. This change is expressed in the system of images: spring replaced by autumn, the river and the sky turn dark, and the house turns gray. Instead of a young couple, the traveler observes a funeral procession. The question from the title is repeated by the traveler but with a different meaning: this is a philosophical question about life and death.

This idea is developed in the third stanza:

<p><i>[Jag] hör Tiden rulla ut sin ked, han mäter sekundernas snabba fart med pickande hjärtan, som brista snart; han mäter skeden av år vid år med släkten, som trampa varandras spår...</i></p> <p>[Rydberg, 1996, s. 48]</p>	<p>‘[I] hear Time unreel his chain, He measures the rapid flight of time by pricking hearts which will soon burst; He measures periods year by year by generations which trample each other’s trails...’</p>
---	--

Here the motif of the movement of time is corresponded with the question about the meaning of human life. Rydberg uses the word “Time” (“Tiden”) with a capital letter and applies the pronoun “he” (“han”) to it. Like Atterbom he creates an image of Time as a personification.

The last two stanzas describe the dreams of the lyrical hero, who tries to find an answer to an unsolvable question. In these dreams the traveler enters the world beyond. He sees himself among many suns. He hears his question about the human race from the stars, but the answer remains hidden.

In the last stanza, an image of a mother with a child appears:

<i>Jag drömde mig sen i den bästa hamn: jag var ett barn i min moders famn. På frågan, jag hört från stjärnorna nyss, gav hon mig svar med en ljuvlig kys.</i>	“Then I dreamed of the best haven: I was a child in my mother’s arms. She answer with a lovely kiss For the question I heard from the stars.”
--	--

[Rydberg, 1996, s. 49]

It could be seen as a Christian image. But the character of the poem does not associate himself with Jesus Christ. Moreover, in this stanza Rydberg describes feelings, which every man is apt of experiencing. The lyrical hero looks at his mother and sees the infinity of the universe in her eyes. Time stops for him at this moment. So, it is impossible for Rydberg’s character to find the answer to his philosophical question in a logical way. The idea is that the meaning of human life, as well as the movement of time, is only comprehensible by the senses.

A similar idea is reflected in the poem “The Elf to the Girl” (“Älvan till flickan”, 1881). Rydberg uses a mythological image again. The main character of this poem is a female natural spirit. She is a personification of a forest river. The elf tries to figure out the mystery of human existence. She looks at a young girl bathing in the river and compares the destiny of a human being with her own. The elf realizes that the life of the girl will repeat the life of every other human who lived before her.

The contraposition of the elf and the girl is represented in the composition of the poem. The text includes three stanzas, and every stanza consists of twelve lines: two short tetrapodies are followed by a long octonarian: this structure is frequently repeated in the poem. The long lines describe the elf’s thoughts and feelings about her own being. Short lines, on the other hand, depict her thoughts about the girl’s life. The repetition of the last line in every stanza and the invariability of the rhyme in the octonarians underlines the static nature of the elf’s life.

The symbolism of water and fire also represents the role of antithesis in the poem: water is directly related to the image of the elf, and a metaphor of fire and burning corresponds with the image of the girl. A human “lights up” with a feeling and “burns out” when he dies, while water remains indestructible. Thus, the elf is an eternal creature, who lives for centuries without any changes. In fact, she is free from the influence of all-consuming time, while the girl, on the contrary, grows old. The elf gets to observe all stages of this process. In the first stanza, the girl’s youth is described. In the second stanza, the elf contemplates the woman’s adult life. The third stanza is about the death of the woman. The elf is jealous of the girl and asks a question about the meaning of human’s life. The answer is in her own reflections: she perceives that *målet* <...> *av livets fröjd förklarad och förklarad av dess kval* (‘The purpose <...> is explained by the joy of life and explained by its sorrows’).

Rydberg expounds the concept of freedom in a new context, which is not typical for Romanticism. The elf as an immortal creature is not confined by time, but as a personification of a river, she is destined to live an eternal life in a static condition. This independence from time does not mean freedom for her — on the contrary, this is a kind of imprisonment. A human being undergoes changes day by day due to the influence of time. And these changes ensure free existence for mortals. The girl in the poem is the one who is capable of experiencing emotions and turning from one state into another. Eventually she has more freedom than the elf of a river. As a result, the matter of overcoming the power of time is not mentioned at all.

So, although we have discussed only one theme which is common for Atterbom’s and Rydberg’s works, the analysis of their lyrics shows the difference between the two authors’ poetic principles and views. Atterbom presents the problem of the influence of time on a man from the point of view of mystical Romanticism. Characters of his lyrics try to escape from the destructive power of time. They aspire to free themselves from the latter, but this freedom turns out to be possible only outside the earthly world and everything that has been created by man.

Viktor Rydberg uses mythological imagery, but his main intention is in conveying the theme of time and man is to search for answers to perennial issues. His characters attempt to answer the question: why does time have such an influence on man and mankind? He shows mythological characters who have not ever experienced the power of time

and who cannot explain why mankind is dependant on it. In the artistic world of the poet, only mortal men understand nature, and time in particular. But these poems present no logical answers for philosophical matters of the human being. Rydberg's characters realize the meaning of life through their senses.

To conclude, Rydberg's and Atterbom's understanding of time differ from one each other. Which is a manifestation of the distance between the poetics of a post-Romantic author and the poetics of Romanticism. Certainly, Rydberg was influenced by Romantic poets, but still he represents a new period in the history of Swedish literature.

REFERENCES

- Atterbom P.D. *A. Lycksalighetens Ö: sagospel i fem afventyr*. Stockholm: Beijer, 1985. 516 s.
- Atterbom P.D. A. Stegeborgs ruiner. *Poetisk kalender*. Uppsala, 1813. 306 s.
- Fischer O. *Tecknets tragedi: Symbol och allegori i Atterboms sagospel "Lycksalighetens Ö"*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1998. 246 s.
- Granlid H. *Nya grepp i Rydbergs lyrik*. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1973. 159 s.
- Magill F.N. *Cyclopedia of World Authors*. 3rd ed., rev. Vol. 4. 1958. 1205 p.
- Nykvist K. Ån ljuder kattens silverhorn. *Våra favoriter bland Viktor Rydbergs dikter*. Red. Sjöberg B. Lund: Lunds universitet, 2008. S. 141–148.
- Rydberg V. *Dikter*. Stockholm: Atlantis, 1996. 254 s.
- Warburg K. *Viktor Rydberg, hans levnad och diktning*. Stockholm: Bonniers, 1913. 663 s.

Владислав Сурков

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

ВЛАСТЬ ВРЕМЕНИ В ЛИРИКЕ ПЕРА АТТЕРБУМА И ВИКТОРА РЮДБЕРГА

Для цитирования: *Surkov V. The power of time in lyrical poetry by Per Atterbom and Viktor Rydberg // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 1. С. 141–151. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.109>*

Статья посвящена концепции времени с точки зрения человека и человечества в поэзии двух шведских авторов XIX в.: Пера Аттербума и Виктора Рюдберга. Поэты принадлежат к двум разным ветвям романтической традиции. Аттербум принадлежит к традиции раннего мистического романтизма, являясь одним из первых авторов-романтиков в шведской литературе. Рюдберг — постромантический поэт: его стихотворения содержат ряд особенностей, характерных для литературы романтизма, но написаны они в последние десятилетия века. Власть времени — одна из важнейших тем в творчестве рассматриваемых шведских поэтов. Она определяет различия в характерах лирических героев и

в поэтике стихотворений двух авторов. У Аттербума представлена разрушительная сила времени. Так, главные герои его сказочной пьесы «Остров блаженства», король гиперборейцев Астольф и нимфа Фелиция, живут на волшебном острове и стремятся скрыться от Времени, но оно настигает их. Аттербум показывает, что время утрачивает свои границы в запредельном мире. Виктор Рюдберг представляет персонажей, которые пытаются понять законы времени. В его поэзии представлены бессмертные мифологические существа (такие как домовый и речная фея), которые стремятся понять, почему время оказывает влияние на человека и человечество, но они не могут найти логическое объяснение законам мироустройства. Данная тема связывается с философским вопросом о смысле человеческой жизни. Персонажи-люди в лирике Рюдберга не пытаются преодолеть время, поскольку они на уровне чувств понимают природу и принимают ее законы.

Ключевые слова: романтизм, время, шведская литература, лирика, Рюдберг, Аттербум.

Vladislav Surkov

Postgraduate Student, Junior Researcher,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a, Povarskaya ul., Moscow, 121069, Russian Federation
E-mail: surk.vladislav@yandex.ru

Сурков Владислав Витальевич

аспирант, младший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а
E-mail: surk.vladislav@yandex.ru

Received: December 20, 2022

Accepted: January 15, 2023

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

УДК 81.255.2

Наталья Светозарова

Санкт-Петербургский государственный университет

КРИСТИАН МОРГЕНШТЕРН И ГЕНРИК ИБСЕН

(ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА)

Для цитирования: *Светозарова Н.Д.* Кристиан Моргенштерн и Генрик Ибсен (эпизод из истории художественного перевода) // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 1. С. 152–161.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.110>

В статье рассматривается история творческих контактов великого норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906) и немецкого поэта Кристиана Моргенштерна (1871–1914). Жизнь последнего была короткой и омраченной физическими страданиями, но в творческом отношении фантастически наполненной и разнообразной. Значительная часть лирического и эпистолярного наследия поэта была опубликована только после его смерти благодаря стараниям его жены и друзей. Переводы произведений Генрика Ибсена, сделанные Кристианом Моргенштерном, относятся к тому периоду конца XIX в., когда новое берлинское издательство Соломона Фишера (S. Fischer Verlag) приняло решение выпустить полное собрание сочинений Ибсена в переводах на такой немецкий язык, который был бы достоин языка оригинала. Издательство обратилось к молодому и в то время еще малоизвестному поэту, который, будучи влюбленным в скандинавскую литературу и в Генрика Ибсена, с огромным энтузиазмом взялся за работу, поселился в семейном пансионе в окрестностях Христиани, за короткое время выучил норвежский язык, неоднократно консультировался и переписывался с Ибсеном и в результате создал для его пьес переводы, немецкий язык которых вызвал восторг и заслужил высокую оценку драматурга. Авторизованное издание переводов печаталось в Германии в период с 1898 по 1904 г. и в настоящее время является библиографической редкостью. Однако многие сочинения Ибсена до сих пор публикуются в Германии

в переводе Кристиана Моргенштерна — непревзойденного мастера стихотворных миниатюр в уникальном жанре лирического юмора.

Ключевые слова: Генрик Ибсен, Кристиан Моргенштерн, авторизованный перевод, норвежский язык, немецкий язык, S. Fischer Verlag.

Бывают, как известно, странные сближения. Казалось бы, что может связывать удивительного немецкого поэта, известного прежде всего как создатель лирических миниатюр, маленьких шедевров в уникальном жанре юмористической лирики, Кристиана Моргенштерна (рис. 1), и его старшего современника, великого норвежского драматурга, мастера крупных форм Генрика Ибсена (рис. 2)? Тем не менее связь есть, и это факт биографический, нашедший отражение в истории как немецкой, так и скандинавской литературы.

Жизнь Кристиана Моргенштерна была короткой и омраченной физическими страданиями, но в творческом отношении фантастически наполненной и разнообразной. Он родился в 1871 г.

Рис. 1. Кристиан Моргенштерн (1871–1914)

Источник: https://www.medienwerkstatt-online.de/lws_wissen/vorlagen/showcard.php?id=4117&edit=0 (дата обращения: 27.03.2023).

Рис. 2. Генрик Ибсен (1828–1906)

Источник: <https://www.biography.com/writer/henrik-ibsen> (дата обращения: 27.03.2023).

в Мюнхене в семье художника, в десятилетнем возрасте потерял мать, в 1883 г. переехал с отцом в Бреслау, где до 1892 г. учился сначала в гимназии, а затем в местном университете. В 1893 г. он заболевает, как и его мать, туберкулезом, и эта болезнь наложила тяжелый отпечаток на всю его жизнь. В 1894 г. он переезжает в Берлин и начинает заниматься литературным творчеством. В 1895 г. он публикует свой первый сборник лирических стихотворений, написанных под сильным влиянием Ницше, *In Phanta Schloß* («Во дворце фантазии»). В 1905 г. вышло в свет первое издание его знаменитых «Висельных песен» (*Galgenlieder*)¹, список которых пополнялся при последующих прижизненных изданиях. Следует отметить, что конец века отмечен увлечением скандинавской поэзией, особенно драматургией Генрика Ибсена. В 1910 г. Моргенштерн женится на Маргарете Гозебрух фон Лихтенштерн, которая сыграла огромную роль в сохранении поэтического наследия рано умершего поэта. К этому времени относятся ознаменовавшие последние годы жизни Моргенштерна увлечение философией Рудольфа Штайнера² и знакомство с Андреем Белым. В 1910 г. выходит в свет сборник стихов «Пальмштрём». Моргенштерн живет в Италии, Швейцарии, лечится. В 1914 г. выходит последний сборник стихов *Wir fanden einen Pfad* («Мы обрели свой путь»), и в этом же году поэт умирает в Базеле. Значительная часть лирического и эпистолярного наследия поэта была опубликована только после смерти поэта, благодаря стараниям его жены и друзей.

На русский язык лирика Кристиана Моргенштерна до недавнего времени переводилась мало, и перевод не всегда был достоин оригинала. Для переводчика его миниатюры представляют огромную трудность, потому что их суть состоит в постоянной игре словами, звуками, рифмами, ритмикой, строфикой, но при всем остроумии, блеске и совершенстве формы в них всегда заложен глубокий, часто неожиданный, парадоксальный смысл и тонкая лиричность. Поэзия Моргенштерна — это целый мир, в который переводчик должен проникнуть и полностью в него погрузиться.

¹ Существует в переводах также под названием «Песни висельника».

² Рудольф Штайнер (Rudolf Steiner, 1861–1925) — австрийский философ-мистик, писатель, педагог, лектор, основоположник антропософии и Антропософского общества с центром и храмом в Дорнахе (Швейцария), а также Вальдорфской методики обучения.

Одна из особенностей этого мира поэзии Моргенштерна заключается в том, что наряду с населяющими его одушевленными предметами и понятиями, фантастическими животными и не менее фантастическими человеческими существами в ней нередко появляются и реальные имена собственные, немецкие и иностранные. Естественно, задача переводчика состоит в том, чтобы узнать, кто это, и, что намного сложнее, понять, почему автор упомянул данное имя. Часть из этих имен, скорее всего, выдумана поэтом, в том числе и просто «рифмы ради»³ (например, профессор Штайн, столяр Бартельс или слуга Мампе), другие — имена широко известные, прецедентные: Мафусаил — воплощение долголетия, Демосфен — символ красноречия, троица всем известных ученых-физиков: Реомюр, Цельсий и Фаренгейт, энциклопедисты Брэм, Мейер и Брокгауз. Они понятны и знакомы носителям языка оригинала и потенциальным читателям перевода, хотя так бывает не всегда: имя, широко известное в одном народе, может не быть таковым в другом. Тут переводчику надо хорошенько подумать. Но даже если имя достаточно известно, при переводе важно понять, почему поэт употребил именно его, можно ли его заменить на другое, также рифмы (или размера стиха) ради.

Среди исторических лиц есть в стихотворениях Моргенштерна и несколько писателей, например Диккенс, Стендаль, и в том числе Генрик Ибсен. Вот стихотворение с упоминанием Ибсена в оригинале (цит. по: [Morgenstern, 2021, S. 273]) и в переводе автора данной статьи:

Christian Morgenstern. Der Sündfloh

Als schauerlich und grausenvoll
die Sündflut um die Berge schwoll,
kam noch im siebenten Moment
ein junger Floh herzugerennt.

Doch da das obligate Paar
von Flöhen schon im Kasten war,
so musste Noah ihn bestimmen,
ins nasse Grab zurückzuschwimmen.

³ Выражение «рифмы ради» (um des Reimes willen) Моргенштерн остроумно обыгрывает в одном из самых известных своих стихотворений — Das ästhetische Wiesel («Ласка-эстет») (см.: [Светозарова, 2021]).

Voll Eifer gleichfalls protestierten
die beiden, die bereits logierten,
weil — riefen sie (besonders er) —
ein dritter nicht gestattet wär.
Der Sündfloh (denn er war es) blieb,
obschon verborgen wie ein Dieb —
und zwar (trotz Jahwen in der Höhe)
vom einen der zwei beiden Flöhe.

Von welchem braucht man nicht zu sagen.
Doch ward hierdurch aus Vorzeittagen
das Dreieck, von dem Ibsen schreibt,
der Neuzeit wieder einverleibt.

Кристиан Моргеништерн. Блоха-грешница

Когда потопа грозный вал,
шумя и пенясь, с гор бежал,
примчалась к Ною впопыхах
с надеждой юная Блоха.

Но так как старых блох чета
в ковчег была уж принята,
пришлось решать бедняге Ною,
как поступить еще с одною.

И он велел ей плыть назад.
Чему, конечно, был не рад
один из старожиллов судна
(который — угадать нетрудно).

К неудовольствию супруги
он дал приют молодой подруге.
В ковчеге грешницу пригрев,
навлек он Иеговы гнев.

Так в древности седой невольню
возник любовный треугольник,
и дожил он до наших дней,
что Ибсен описал поздней.

Размышления о том, почему здесь назван именно Ибсен, приводят переводчика к известному (хотя, возможно, и не всем) факту, что выражение «любовный треугольник» восходит к драме Ибсена

«Гедда Габлер», написанной в 1890 г., впервые поставленной в 1981 г. в Мюнхене и пользовавшейся в Германии огромным успехом. Поэтому имя в переводе сохранить надо. Но для Моргенштерна упоминание имени Ибсена связано с большой ролью, которую этот писатель сыграл в его биографии. И удивляет скорее не то, что поэт упомянул его, а то, что он сделал это только один раз и при том мимоходом. Однако мимоходом — только в лирике, а вот в письмах и дневниках поэта имя великого норвежца появляется неоднократно.

1890-е годы — расцвет популярности Ибсена в Германии. Одно из молодых, но уже известных берлинских издательств — издательство Соломона Фишера (S. Fischer Verlag)⁴ — задумывает выпустить полное собрание сочинений Ибсена на немецком языке и ищет переводчика, который, как было весьма амбициозно заявлено в проспекте издательства, «мог бы представить немцам его творчество в языковом отношении на уровне языка оригинальной немецкой поэзии». Выбор падает на молодого и еще очень малоизвестного поэта, который, правда, только что перевел на немецкий язык автобиографический роман шведа Августа Стриндберга «Инферно», но перевел с французского. Норвежского он не знает. Однако Моргенштерн счастлив, он влюблен в Ибсена и в Норвегию, к тому же заказ издательства дает ему достойные средства существования на ближайшие три-четыре года. Он прекрасно понимает сложность и ответственность задачи и пишет об этом своей подруге Марии Гёттлинг в июле 1897 г.: «Die Aufgabe ist gewiß sehr schwer, aber ich wüßte mir keine Ehrevollere und mehr den Ehrgeiz entflammende. Die Übersetzungen sind für die einzige autorisierte deutsche Ausgabe von Ibsen bestimmt und wären demnach für alle Zukunft die allein maßgebende und mustergültige»⁵ [Morgenstern, 2005, S. 372].

В октябре 1897 г. поэт подписывает договор с издательством и принимается за работу. Но, как уже было сказано, норвежского языка он не знает. И поэт совершает настоящее чудо. В мае 1898 г. он

⁴ Издательство С. Фишера было основано в 1886 г. и в дальнейшем получило большую известность среди прочего благодаря изданию переводов иностранных писателей, в том числе русских. Интересно, что первым из таких изданий стала пьеса Ибсена «Росмерсхольм», которая вышла в свет в Германии в 1887 г.

⁵ «Задача, безусловно, очень трудная, но я не могу придумать более почетной задачи, которая больше вдохновила бы мое честолюбие. Переводы предназначены для единственного авторизованного немецкого издания Ибсена и поэтому станут в будущем единственным авторитетным и образцовым изданием».

едет в Норвегию, поселяется в норвежском семейном пансионе недалеко от Христиании, изучает язык и встречается с Ибсеном. Ибсен чрезвычайно доволен общением с молодым немецким поэтом, принимает самое активное участие в переводе и высоко оценивает результаты работы переводчика. Свидетельства об этом сохранились в письмах Ибсена и в дневниках и письмах Morgenштерна⁶. Так, в 1899 г. Morgenштерн цитирует в своем норвежском дневнике слова Ибсена о его переводах: «Ja, ich finde sie außerordentlich gelungen, die Verse sind in so fließendem Deutsch, wie ich das bei einer Übersetzung gar nicht für möglich gehalten hätte»⁷ [Morgenstern, 2001, S. 138]. А Ибсен пишет в том же году о молодом переводчике своему издателю: «Er ist ein höchst begabter, wirklicher Dichter <...> Außerdem ist er vollständig vertraut mit der norwegischen Sprache, ein Vorzug, den zu finden ich früher nicht bei vielen meiner deutschen Übersetzer das Glück hatte...»⁸ [Bauer, 1941, S. 112].

Morgenштерн полостью поглощен работой, приносящей ему огромное удовольствие. В одном из писем он рассказывает: «Ibsen macht mir immer mehr Freude. Es ist ein merkwürdiges Schicksal, das gerade mich dazu bestimmte, ihn meinen Landsleuten zu verdolmetschen, denn obwohl man es an und für sich gewiß noch viel besser machen könnte, so glaube ich doch, daß es augenblicklich vielleicht keinen andern bei uns drüben gibt, in dessen Entwicklung jene Werke... mehr Mitströmung finden dürften, als bei mir»⁹ [Morgenstern, 2005, S. 456].

Быстрота, с которой переводы Ибсена появляются один за другим, не может не поражать, при том что в свой норвежский период Кристиан Morgenштерн пишет также некоторые из стихотворений, вошедших позднее в его знаменитый сборник «Висельные

⁶ Опубликованы в полном собрании произведений, дневников и писем К. Morgenштерна, цит. по: [Ibsens Übersetzer].

⁷ «Да, я нахожу их чрезвычайно удачными, в стихах такой живой немецкий язык, что я и не подумал бы, что это возможно в переводе».

⁸ «Он высокоодаренный, настоящий поэт <...> Кроме того, он прекрасно владеет норвежским языком, в чем я вижу большое преимущество, которого мне раньше не посчастливилось найти у многих моих немецких переводчиков».

⁹ «Ибсен доставляет мне все больше и больше радости. Удивительная судьба заставила именно меня переводить его произведения для моих соотечественников, и хотя, безусловно, это могло бы быть сделано гораздо лучше, я полагаю, что в данный момент у нас, пожалуй, нет никого другого, кому эти произведения... были бы более созвучны, чем мне».

песни» (Galgenlieder, 1905). Фантастическую работоспособность переводчика Ибсен отмечает в одном из своих писем, проникнутом теплотой и благодарностью:

Kristiania, 2. Januar 1900.

Lieber Herr Morgenstern!

Seit langem hätte ich Ihnen schreiben sollen und Ihnen danken für Ihre meisterliche, feine Übertragung meines neuen Stückes ins Deutsche. Vergessen Sie, daß dies erst heute geschieht. Ich habe die Übersetzung sorgfältig durchgelesen und begreife nicht, wie Sie sie in so kurzer Zeit fertigbringen konnten. Und so vollkommen haben Sie jede einzelne Wendung nachgedichtet! Ich danke Ihnen recht aus meinem innersten Herzen! Seien Sie versichert, daß ich gut verstehe, welchen Anteil Sie an der freundlichen Aufnahme haben, welche das Buch in Deutschland gefunden hat.

Lieber Freund — ich habe Ihnen für so vieles zu danken. Zuerst für Ihr warmes gutes Telegramm, als Ihre Arbeit beendet war. Dies war die erste Botschaft, die ich von draußen aus der Ferne empfang, die darum für mich doppelt wertvoll war.

Und dann haben Sie meiner Frau und mir Ihre schönen stimmungsvollen Sommergedichte gesandt, aus denen ich sehen kann, daß Sie ein Sommerleben auf echte Dichterweise gelebt haben. Herzlichen Dank und gut Glück für das Buch.

Und wann werde ich die Freude haben, Sie wieder hier oben zu sehen? Leben Sie wohl bis dahin und seien Sie in Verbundenheit begrüßt und bedankt von

Ihrem ergebenen

Henrik Ibsen¹⁰

[Ibsens Übersetzer]

¹⁰ Христиания, 2 января 1900 г. Дорогой господин Моргенштерн! Я давно должен был написать Вам и поблагодарить Вас за Ваш мастерский, прекрасный перевод на немецкий язык моей новой пьесы. Простите меня за то, что это происходит только сегодня. Я внимательно прочитал перевод и не могу понять, как Вы смогли выполнить его за такое короткое время. И притом Вы воссоздали каждую фразу, каждый оборот так идеально! Спасибо Вам от всего сердца! Будьте уверены, что я хорошо понимаю, какую большую роль Вы сыграли в том дружеском приеме, который книга нашла в Германии. Дорогой друг, у меня так много всего, за что я должен поблагодарить Вас. Во-первых, за Вашу теплую добрую телеграмму, которую я получил, когда работа была закончена. Это было первое сообщение, полученное издалека, поэтому оно было для меня вдвойне ценным. А потом Вы прислали нам с женой свои прекрасные душевные летние стихи, из которых я вижу, что Вы прожили летнюю жизнь в настоящей поэтической манере. Большое спасибо и удачи Вам с книгой. Когда я буду иметь радость видеть Вас здесь снова? А пока прощайте и примите дружеский привет и благодарность от Вашего преданного Генрика Ибсена.

Осенью 1899 г. Morgenstern возвращается в Берлин и до 1903 г. продолжает работать над переводами Ибсена. Авторизованный перевод собрания сочинений Ибсена в десяти томах выходит в свет в 1898–1904 гг. и сейчас является редкостью. Однако некоторые произведения Ибсена и в наше время издаются в Германии в переводе немецкого поэта Кристиана Morgensterna, авторизованном Ибсеном. Для специалистов по рецепции произведений Ибсена за пределами Норвегии это интересный документально зафиксированный факт. А для переводчиков — возможность еще раз вспомнить автора переводов произведений Ибсена на немецкий язык, выдающегося немецкого поэта Кристиана Morgensterna.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bauer M. *Christian Morgensterns Leben und Werk*, dritte neu bearbeitete Ausgabe. München, 1941. 315 S.
- Ibsens Übersetzer*. Von Aenne tom Dieck. Available at: <https://norroena.hypotheses.org/209> (accessed: 28.09.2022).
- Morgenstern Ch. *Gesammelte Werke*. Herausgegeben von Klaus Schuhmann. Mit Anmerkungen von Renate Beyer. München: Anaconda Verlag, 2021. 784 S.
- Morgenstern Ch. *Werke und Briefe*. Stuttgarter Ausgabe. Kommentierte Ausgabe. Band IV. Stuttgart: Urachhaus, 2001. 1247 S.
- Morgenstern Ch. *Werke und Briefe*. Stuttgarter Ausgabe. Kommentierte Ausgabe. Band VII. Stuttgart: Urachhaus, 2005. 1266 S.
- Svetozarova N. D. Is it possible to translate the untranslatable? (Working on poetic translations of humorous poems by Christian Morgenstern). *Po sledam uchitel'ia. Issledovaniia po skandinavistike i germanistike: Sbornik statei k 90-letiiu so dnia rozhdeniia professora V. P. Berkova*. Ed. by E. V. Krasnova. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2021. S. 74–86. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2022 г.;
рекомендована к печати 28 декабря 2022 г.

Natalia Svetozarova

St. Petersburg State University

CHRISTIAN MORGENSTERN AND HENRIK IBSEN (AN EPISODE IN THE HISTORY OF LITERARY TRANSLATION)

For citation: Svetozarova N. Christian Morgenstern and Henrik Ibsen (an episode in the history of literary translation). *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 152–161. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.110> (In Russian)

This article discusses the history of creative contacts between the great Norwegian playwright Henrik Ibsen and the German poet Christian Morgenstern (1871–1914). Christian Morgenstern's life was short and marred by physical suffering, but fantastical-

ly full and diverse in creative terms. A significant part of Christian Morgenstern's lyrical and epistolary legacy was published only after his death thanks to the efforts of his wife and friends. Christian Morgenstern's translations of Henrik Ibsen's works date from the late 19th century, when the new Solomon Fischer's publishing house (S. Fischer Verlag) in Berlin decided to publish the complete works of Ibsen in a translation into a German language that would be worthy of the original language. The publishing house turned to a young and at the time still little known poet who, being in love with Scandinavian literature and with Henrik Ibsen, set to work with great enthusiasm, settled in a family boarding house near Christiania, in a short time learned Norwegian, consulted and corresponded with Ibsen several times and as a result created translations for his plays, the German of which was delighted and earned the high praise of the playwright. An authorized edition of the translations was printed in Germany between 1898 and 1904 and is now a bibliographic rarity. However, many of Ibsen's works are still published in Germany in the translation of Christian Morgenstern, known primarily as an unsurpassed master of poetic miniatures in a unique style of lyrical humor.

Keywords: Henrik Ibsen, Christian Morgenstern, authorized translation, Norwegian language, German language, S. Fischer Verlag.

Светозарова Наталия Дмитриевна

доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: ndsvetozar@gmail.com

Natalia Svetozarova

Dr. Sci. in Philology, Professor,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: ndsvetozar@gmail.com

Received: December 3, 2022
Accepted: December 28, 2022

UDC 741.9

Vladislav Statkevich

*St. Petersburg State University,
State Hermitage Museum*

TEKENINGEN VAN PIETER QUAST IN DE COLLECTIE VAN DE HERMITAGE

Voor citaat: Statkevich V. Tekeningen van Pieter Quast in de collectie van de Hermitage. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, artikel 1, pp. 162–180.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.111>

In dit artikel worden vijf tekeningen van de Nederlandse schilder Pieter Quast (c. 1606–1647) uit de collectie van het State Hermitage Museum beschreven. De bladen zijn nooit eerder gepubliceerd. Ze zijn uitgevoerd in de voor de kunstenaar kenmerkende techniek: met zwart krijt op perkament. Sommige bladen zijn gesigneerd en gedateerd. Ze stammen uit drie verschillende verzamelingen. Vier van de tekeningen kwamen al in de 18e eeuw in het bezit van het museum en één werd pas in 1972 aangekocht. Het gevarieerde oeuvre van de grotendeel onbekende kunstenaar is in museale en particuliere collecties vooral vertegenwoordigd door grafisch materiaal, waaronder talrijke tekeningen. De voorkeur van de meester voor tekenen lijkt ook te zijn aangewakkerd door zijn slechte financiële situatie. Over de biografie van Quast is slechts weinig bekend en uit gepubliceerd archiefmateriaal wordt zijn complexe loopbaan duidelijk. Een studie van zijn werken uit de collectie van de Hermitage bevestigt dat hij de maker is en ze geeft aanleiding tot speculatie over de onderwerpen. De thema's die hij kiest zijn onlosmakelijk verbonden met de picturale traditie. Hij is geïnteresseerd in 16^e eeuwse schilders, in het bijzonder Pieter Bruegel de Oude. Maar hij wendt zich ook tot het werk van zijn tijdgenoten als Adriaen Brouwer, Adriaen van Ostade en anderen. Een belangrijke inspiratiebron voor hem waren theatervoorstellingen: zowel bijbelse iconografie als volkse komische schetsen. In dit artikel worden zijn tekeningen zowel qua iconografie als qua formele en stilistische methodologie geanalyseerd. Er wordt een vergelijkende analyse toegepast, de tekeningen worden vergeleken met andere, beroemde werken van de kunstenaar.

Slutelwoorden: tekening, Pieter Quast, State Hermitage Museum, 17^e eeuwse kunst van de Noordelijke Nederlanden, genrekunst, volkstheater.

Pieter Quast, Nederlandse schilder uit de eerste helft van de 17e eeuw, is vrijwel onbekend bij het publiek en heeft weinig aandacht gekregen in kunsthistorische studies. Zijn nalatenschap is gevarieerd: Quast werkte als tekenaar, schilder, beeldhouwer [Leeuwenberg, 1966] en mogelijk als graveur. Hij voelde zich vooral aangetrokken tot scènes uit het dagelijks leven, maar hij bekwaamde zich ook in portretten en in historieschilderkunst. Hij beschikte verder over een ruime artistieke blik en hij leende vaak motieven en stilistische technieken van andere meesters. Uit de 16e eeuw kiest hij Pieter Bruegel de Oude en diens leerlingen, en van zijn tijdgenoten staat hij het dichtst bij Adriaen Brouwer en Adriaen van Ostade. Quast was bijzonder productief als tekenaar. In dit artikel worden vijf tekeningen van de kunstenaar besproken die zich in de collectie van het State Hermitage Museum bevinden en nog niet eerder zijn gepubliceerd en er is nooit eerder over geschreven.

Het levensverhaal van de kunstenaar is tamelijk vaag en alleen bekend uit schaarse schriftelijke bronnen. De meeste werden gepubliceerd door de eminente Nederlandse kunsthistoricus Abraham Bredius [Bredius, 1902]. Zijn uitgebreide biografie van Quast is nog steeds van belang. Barbara Stanton-Hirst vulde se biografie van Bredius met enkele nieuwe gegevens aan in haar proefschrift [Stanton-Hirst, 1978] en haar daarop gebaseerde artikel [Stanton-Hirst, 1982]. Het geboortjaar en de geboorteplaats van de kunstenaar blijven onbekend, maar blijkbaar werd hij rond 1606 geboren in Amsterdam, waar zijn grootvader Andries Quast in 1589 vanuit Antwerpen naartoe verhuisde [Stanton-Hirst, 1982, p. 234]. Jan — de vader van meester — verhuisde waarschijnlijk mee, maar hij wordt in de Amsterdamse registers niet vermeld. Er is niets bekend over het vroege leven van de kunstenaar tot aan zijn huwelijk met Annetje Splinters in 1632. Uit de documenten die aan het huwelijk voorafgingen blijkt dat Quast toen 26 jaar oud was en in de Molensteekstraat in Amsterdam woonde. Het is interessant dat hij zich aan het huwelijk probeerde te onttrekken door de verloving te verbreken, maar door een gerechtelijk bevel en een rechtszaak die door de familieleden van de bruid was aangespannen tochgedwongen werd met haar te trouwen.

In 1632, vóór het huwelijk, werd in het huis van Quast een inventaris van zijn schilderijen opgemaakt, waarin zowel historische als genrestukken worden vermeld [Kovacs, 2006, p. 101]. De kunstenaar liet zich echter pas in 1634 inschrijven bij het Sint-Lucasgilde in Den Haag

[Bredius, 1902, p. 69], waar zijn vrouw vandaan kwam. Quast woonde in de Groene Burchwal, waar destijds veel ambachtslieden en kunstenaars gevestigd waren, onder anderen Jan van Goyen en Paulus Potter. In 1639 werd hij vader van een dochter Constantia, en in 1641 van nog een kind [Bredius, 1902, p. 69]. In deze periode had hij weinig success. In documenten wordt herhaaldelijk vermeld dat hij schulden had en zijn rekeningen niet op tijd betaalde. Zijn moeilijke financiële situatie ontkracht de opvatting dat hij wellicht de schilderleraar was van de jonge prins Willem II (1626–1650). Deze veronderstelling, gemaakt op basis van verschillende portretten van de prins [Starting, 1953] die eerder aan Quast werden toegeschreven en vermeende tekeningen van de jonge erfgenaam zelf, blijkt onhoudbaar. Het wordt door geen enkele bron ondersteund.

Quast keert in 1643 terug naar Amsterdam omdat hij in Den Haag geen success heft gehad. Hij vestigt zich in de Kalverstraat, maar zijn financiële situatie verbetert niet. De naam van het echtpaar Quast komen voor in twee strafzaken. In juni 1643 kreeg Annetje ruzie met een Utrechtse priester, Casper Ruybergen, die eindigde in een steekpartij tussen de geestelijke en de kunstenaar. In februari 1644 braken Alexander de Nijs en Joris Glaude in bij Quast. Ze kwamen zijn schulden innen en vernielden een portret waar hij aan werkte door er zwarte verf op te gooien en het doek kapot te snijden [Bredius, 1902, p. 71]. In hetzelfde jaar besloot Quast te verhuizen naar de Nes, waar hij een goedkopere woning had gevonden. De woning heette De Witte Sterre en verkeerde in een staat van verval. In 1646 klaagde Quast bij een rechtbank over het achterstallig onderhoud en hij weigerde huur te betalen tot noodzakelijke werkzaamheden waren verricht. Hij stierf plotseling in mei 1647 en werd op 29 mei begraven in de Nieuwe Kerk. Zijn vrouw betaalde de schulden die haar man achterliet tot 1650, toen zij voor de tweede keer trouwde met kunstenaar Jacob van Spreeuwen [Kovacs, 2006, p. 102].

Uit een korte biografie van Quast blijkt dat hij wel getalenteerd, maar weinig financieel succes had. Zijn tekeningen nemen een grote plaats in zijn overgeleverde oeuvre. Ze zijn gemaakt in een eigenaardige en voor de eerste helft van de 17^e eeuw enigszins archaische techniek: met zwart en rood krijt op perkament, vaak grote bladen met voltooide composities en een handtekening van de meester. Volgens A. Bredius was dit een manier om snel geld te verdienen [Bredius, 1902, p. 66]. Quast maakte zijn tekeningen als zelfstandige werken, niet als voorbereidende stuk-

ken voor een toekomstig schilderij. Het contrast tussen de bescheiden onderwerpen en het dure materiaal waarop ze waren gemaakt, gaf ze wellicht een aantrekkelijk karakter. Perkamert was ook sterker dan papier en was beter bestand tegen zonlicht. Dit was belangrijk omdat de tekeningen van Quast vaak niet in schetsboeken en mappen van kenners werden opgenomen, maar de interieurs van burgers versierden. Uit de inventaris van Floris Soop's bezittingen van 1654 weten we dat in zijn huis in Amsterdam 11 tekeningen van Quast hingen, naast schilderijen van Jan van Goyen en Hercules Seghers. Uit de inventaris van het Maerten Day uit 1659 zijn nog vijf tekeningen van de kunstenaar bekend. Die zouden naast Rembrandts voorstelling van een oude man in dat huis hebben gehangen [Bredius, 1902, p. 80]. Quast moet in Den Haag met perkament zijn gaan werken, want zijn tekeningen zijn pas bekend vanaf het midden van de jaren 1630. Het is opmerkelijk dat perkament in de mode kwam bij de Haagse kunstenaars van de jaren 1630 en 1640 als materiaal voor tekeningen. Het werd gebruikt door Hendrik Hondius de Oude, Gerrit de Heer en Paulus Potter.

Er zijn elf tekeningen van Pieter Quast in de verzameling van de Hermitage. Zes ervan behoren tot de serie met boerenfiguren. Dit is een kopie van types uit de beroemde serie "Naer het leven" van Roelant Savery. Quast staat vrij dicht bij het origineel en kopieert onderwerpen van zijn succesvollere oudere tijdgenoot. We zullen niet verder ingaan op deze serie. Yuri Kuznetsov publiceerde er in 1973 een uitgebreid artikel over [Kuznetsov, 1973].

Op het eerste blad (OR-46252, 15,5 x 20,6 cm) (afb. 1) staat de handtekening van Quast, die overeenkomt met die op zijn andere werken, en het jaartal 1637. De tekening is gemaakt met zwart krijt op perkament. Het blad kwam pas laat in de collectie van de Hermitage terecht, het werd in 1972 verworven door O. Desnitskaya. Het bevindt zich in een vroeg 19e-eeuws album met diverse tekeningen, voornamelijk van Italianen uit de 18e eeuw. In de inventaris werd het werk aangeduid als een "Bijbelscène" zonder dat een specifieke verhaal werd gedefinieerd. We mogen aannemen dat dit een scène uit het Oude Testament is van het bezoek koning Saul's aan de geestenbezwearerster van Endor (1 Samuel 28). Een aantal details wijst hierop. Op de voorgrond, in het midden van de compositie, staat een figuur van een oude vrouw, geknield, met haar borsten ontbloot. Zij houdt een boekrol in haar rechterhand en een brandende kaars in haar linker. Te-

Afb. 1. Pieter Quast. Koning Saul en de heks van Endor. 1637. Perkamant, zwart krijt. 15,5×20,6 cm. OR-46252

genover haar staat een man met een boek en een dunne, lange stok in zijn handen. Het is een magisch tafereel. De oude vrouw bevindt zich in een magische cirkel, wat benadrukt wordt door de schaduw van haar figuur. De man met het boek, blijkbaar een assistent van de heks, leest een spreuk voor. Het voorgestelde tafereel komt overeen met de Nederlandse iconografische traditie om oude en moderne heksen af te beelden.

Een voorbeeld van een 16^e-eeuwse voorstelling van dodenbezwester van Endor is te vinden op een schilderij van Jacob Cornelisz van Oostanen (1526, Rijksmuseum). Quast heeft zich bewust gericht op afbeeldingen uit de eeuw voor hij leefde, zowel in zijn keuze als in zijn behandeling van de onderwerpen. Van Oostanen was de eerste die een zeldzaam oudtestamenteel onderwerp combineerde met de iconografie van demonische hekserij, die ook in werken van Hans Baldung Grien en Albrecht Dürer te zien is. De geestenbezwester is afgebeeld met een ontblote oude borst, net als de heks die op een geit rijdt in de

beroemde ets van Dürer [Hollstein, 1962] en de tovenaars in Quast's werk. Dit detail wordt door onderzoekers van de vroegmoderne demonologie geïnterpreteerd als een aanwijzing dat heksen worden afgezet tegen deugdzaamere vrouwen [Schade, 1983]. In plaats van gebeden spreken heksen spreken uit, in plaats van lekker eten bereiden ze stinkende drankjes, en hun lichamen kunnen geen bron zijn voor nieuw leven, hun borsten kunnen geen kind voeden. De dodenbezweerster van Endor bij van Oostsanen zit in een magische cirkel, in haar ene hand houdt ze een scepter waarmee ze die heeft getrokken, en in de andere een kaart die gedooft is. De assistent is een geitenvoetige satyr, en hij overhandigt de heks een magisch grimoire. Dezelfde details zijn afgebeeld op de tekening van Pieter Quast. Maar de scepter wordt aan de bediende overhandigd en de tovenaars ontvouwt een rol met onleesbare inscripties. Het is ook onmogelijk om de opschriften in het boek op het schilderij van Van Oostsanen te lezen, hoewel afzonderlijke letters wel leesbaar zijn. Het zou magische eigenschappen van deze teksten kunnen betekenen, de opzettelijk onbegrijpelijk dienden te zijn.

Op de linkerkant van het blad beeldt Quast toeschouwers af die een magisch ritueel gadeslaan. Hun gezichtsuitdrukkingen en gebaren zijn levendig. De ene man krabt peinzend en vol ongeloof aan zijn baard, de andere glimlacht breeduit. Deze personages worden voorgesteld als boeren in eenvoudige kleding en vilten hoeden of wollen mutsen. Rechts op de achtergrond, achter de heks, staat de figuur van koning Saul. Hij is te herkennen aan een kroon op zijn tulband en een bontrand op zijn gewaad. De koning zit onder een baldakijn waarvan de draperieën theateraal aan een fraai gevormde elegante zuil hangen. Personages uit de bijbelse geschiedenis die in oosterse kostuums gekleed zijn, werden overgenomen en zijn bijna overal te vinden in de kunst van die tijd. Op een andere tekening van Quast (1644, privé-verzameling, No. 62987) [RKD] bekronen fantasievolle tulbanden de hoofden van de Wijzen. Deze hoofdtooi van koning Saul komt voor op een schilderij van Van Oostsanen en op een andere afbeelding van dit onderwerp die wordt toegeschreven aan de weinig bekende kunstenaar A. Neranus (Abraham van der Neer(?)) (1639–1640, privé-collectie. Christie's, London, 21 feb. 2002, lot No. 19) [Christie's]. Het is niet helemaal duidelijk waarde profeet Samuel, die door de geestenbezweerster geroepen, zich bevindt. Misschien is het ritueel nog niet afgesloten. Maar we kunnen aannemen dat koning Saul de geest van zijn voorvader nog niet heeft opgemerkt.

Het is een andere figuur met een tulband en een grijze baard, links achter de rug van de heerser. De mannen in het gevolg van de koning kijken hem angstig aan. De figuur van de vrouw rechts is bijzonder expressief; zij draait zich om en opent haar mond van schrik.

Quast's tekening is nogal ongewoon, met een zeldzaam onderwerp uit het Oude Testament. De ruimte is duidelijk verdeeld in tweeën, en het interieur is vaag geschetst: het bestaat uit een zuil met een gordijn en een kandelaar aan de muur in het midden. Dit suggereert dat de kunstenaar niet alleen een bijbelse scène uitbeeldt, maar ook de theatrale belichaming ervan. De belangstelling van Quast voor drama is door iedereen ogemerkt die zich met zijn werk heft beziggehouden, met name door B. Stanton-Hirst [Stanton-Hirst, 1982]. En dit plot is populair bij toneelschrijvers sinds de tweede helft van de 16e eeuw. Het verhaal van de Joodse koning wordt verteld door Hans Sachs in "Koning Saul en David" ("Tragedia könig Sauls, mit verfolgung könig Davids"), 1557 [Sachs, 1885]. In 1640 wendde Joost van den Vondel, een klassieker in de Nederlandse literatuur [Vondel, 1929], zich er ook toe.

In hetzelfde jaar, 1637, maakte Quast nog een tekening over een zeldzaam oudtestamentisch onderwerp, Amnon verkracht Tamar (2 Samuel 13:1) (privé-verzameling, 22 × 19 cm. Sotheby's, Amsterdam, 2 nov. 2004, lot No. 217) [Sotheby's]. Het is uitgevoerd in zijn favoriete techniek: zwart en rood krijt op perkament. Amnon ligt op een bank met een hoge helm op. Dezelfde helm is afgebeeld op een genreportret van een jonge krijger uit een Hongaarse privéverzameling [Kovacs, 2006, p. 106] en de bewakers op de tekeningen van de serie Passie van Christus. Hij grijpt Tamar, gekleed naar vroege 17e eeuwse mode, rukt haar kleren van haar lichaam en ontbloot haar borsten. Het afgebeelde interieur is beperkt tot een bed met luifel. Het lijkt op het baldakijn in de scène van de heks van Endor. En de poot van Amnons bed en de onderkant van de zuil dicht bij Saul hebben een identieke vorm — een decoratief element dat in een spiraal is gedraaid. Blijkbaar kijken we ook naar een schets van een theaterscène. Een andere Nederlandse schilder, die passie had voor theater, interpreteert het onderwerp op een vergelijkbare manier. Een soortgelijke iconografie is te vinden op het schilderij Tamar en Amnon van Jan Steen (circa 1661, Wallraf-Richartz Museum, Keulen). De theatraliteit wordt duidelijk in de verdeling van de ruimte in twee lagen, de actieve gebaren en de neutrale achtergronden door het gebruik van draperieën. Ook Piotr Borusowski, een onderzoeker van het Nationaal

Afb. 2. Pieter Quast. De reizende arts. 1643. Perkament, zwart krijt.
26 × 44,5 cm. OR-7984

Museum van Warschau, stelt deze kenmerken vast in een analyse van een serie tekeningen uit 1639–1640, waarop van het lijdensverhaal van Christus is afgebeeld [Borusowski, Janiszewska, 2017, p. 251] (“Maria en Johannes bij de kruisiging”, NM, Warschau, 1639; “Christus voor Pilatus”, Schlossmuseum in Weimar, 1640; “De geseling van Christus” 1640, privécollectie, Christie’s, Amsterdam, 16 nov. 2005, lot No. 211 [Christie’s]).

Het tweede blad (OR-7984, 26 × 44,5 cm) (afb. 2) uit de verzameling van de Hermitage toont een complete scène met een groep boeren en een kwakzalver die ze zijn wondermiddelen probeert te verkopen. Het werk is ook op perkament in zwart krijt, gesigneerd en gedateerd met jaartal 1643. De tekening kwam naar de Hermitage als onderdeel van de collectie van graaf Heinrich von Brühl uit Dresden, gekocht door Catharina II in 1768. Het werk is in een van de albums geplakt (de collectie telde in totaal 1076 tekeningen in 14 albums). Het blad is zwaar versleten en verkleurd, waardoor het een bruinachtige tint krijgt. Het

heft hoogst waarschijnlijk binnenskamers gehangen voordat het in het album kwam, want het heeft jarenlang geleden onder lichtstralen.

Dit verhaal gaat over menselijke dwaasheid, die sinds de late middeleeuwen wordt beschouwd als bron van vele zonden. De menigte boeren luistert goedgegelovig naar de charlatan, bereid om de pseudo-arts hun laatste geld te geven. Dit plot was populair in de 16^e eeuw en is terug te vinden in een aantal volkstoneelstukken. Het werd vaak afgebeeld door kunstenaars, met name Pieter Bruegel de Oude in *De heks van Mallegem* [Hollstein, 2003]. Quast beeldt het vele malen af op zijn tekeningen. Hij verplaatst de hoofdpersonen in de verschillende composities, met als belangrijkste de charlatan zelf. Die is ouderwets en overdreven luxueus gekleed. Stanton-Hirst vergelijkt zijn dragt met het kostuum van Capitano uit de *commedia dell'arte* en met de theaterwereld in het algemeen [Stanton-Hirst, 1982, p.225]. Terecht wijst zij ook op het ongewone en komische karakter van de dokterskleding op de schilderijen van Jan Steen [Gudlaugsson, 1975, p.26]. Op alle tekeningen van Quast heeft de genezer een guitig uiterlijk (haakneus, dun snorretje, sluwe knijpoo, hoge hoed). Soms is dit karakter zo komisch dat hij heel klein wordt afgebeeld, zoals op de tekening uit 1642 uit een particuliere collectie (Sotheby's, London, 4 Jul. 2018, lot No. 138) [Sotheby's]. Maar het werk uit de collectie van de Hermitage benadrukt de flamboyante luxe van zijn outfit nog sterker. Het kostuum van de charlatan valt op door een gesteven molensteenkraag, kousen en schoenen met strikjes. Het doet denken aan werken waarin de spot wordt gedreven met de archaische mode en de arrogantie van Zuid-Nederlandse immigranten. Als voorbeeld kan een tekening van Quast uit 1644 uit de collectie van het Rijksmuseum dienen. Daar zien we een soortgelijk personage met een buitenproportioneel grote molensteenkraag en een hoge hoed met een struisvogelveer, hij is omringd door narren.

De meest goedgegelovige boeren, kinderen en oude mensen, benaderen de dokter. De gezichten van deze personages zijn karikaturaal, op sommige tekeningen zijn oudere vrouwen aan het lezen. Ze dragen een bril die symbool staat voor blindheid en hun pseudo-wetenschap verdraagt. Kreupelen luisteren ook naar de charlatan. Een van hen strekt zijn been met zweren uit. Een ander heeft helemaal geen ledematen en beweegt zich voort op speciale steunen. Een soortgelijke figuur komt voor op bovengenoemd blad met de kleine dokter, op een tekening uit de collectie van het Hessisches Landesmuseum in Darmstadt (1645), en

op twee andere bladen (Christie's, New York, 29 Jan. 2015, lot No. 47) [Christie's] uit particuliere collecties (Sotheby's, New York, 27 Jan. 2010, lot No. 138) [Sotheby's]. De figuur van een boer met een uitgestrekt been komt ook vaak voor. Het staat dicht bij de iconografie van de voetchirurgische scènes waarin dorpsgenezers hun dwaze en goedgegelovige patiënten misleiden en hen lichamelijk lijden toebrengen. Quast verwees meerdere malen naar dit onderwerp, een treffend voorbeeld is een schilderij uit de collectie van de Hermitage (GE-1005) [Sokolova, 2017, p. 211]. Daar verwijderd een louche dokter het eelt van een zwaarlijvige boer die kronkelt van de pijn. Lichamelijke kwalen en nog meer misvormingen werden in de late middeleeuwen beschouwd als straf van God en een teken van de duivel. De ongelukkige kreupelen wekten geen medelijden op bij hun tijdgenoten; zij werden eerder gezien als een gevaarlijke en marginale laag van de samenleving, net als de Sinti en Roma. Vaak werden bedelaars beschuldigd van fraude en valse verwondingen. De ironische en zelfs sceptisch wrede houding van Quast tegenover de armen blijkt ook uit zijn behandeling van deze personages in een serie gravures [Hoop Scheffer, 1974] op basis van zijn tekeningen. Daar worden ze getoond als komische personages in de geest van Jacques Callot.

Een ander motief benadrukt het ongepaste karakter van de scène en versterkt het satirische effect ervan — een hond. Hij poept naast de charlatan. Dezelfde hond staat op de andere twee bladen. En weer in een andere wordt hij vervangen door een jongen die betrapt wordt op hetzelfde. Opmerkelijk is dat de scène door Quast op alle tekeningen in een vergelijkbaar landschap wordt geplaatst. Dat is een plein van een kleine nederzetting, met een kerk in de verte. Het gebouw ziet er vervallen uit en wijst op de zondigheid van de bewoners. Een soortgelijk detail wordt door Pieter Quast gebruikt op andere tekeningen die verwerpelijk boerengedrag uitbeelden. Een voorbeeld zijn twee tekeningen uit het Szepmuveszeti Museum in Boedapest [Gerszi, 2005, p. 201].

Nog eens drie tekeningen in de Hermitage zijn afkomstig uit de collectie van graaf Carl Cobenzl en kwamen in 1768 in het museum terecht. Philip, de neef van de verzamelaar, heeft de collectie op een identieke manier ondergebracht. Hij bevestigde de bladen op dikke paarse kartonnen platen met opschriftplaatjes [Lugt, No. 2858B]. Het grootste blad van Quast (OR-5184, 29,2 x 32 cm) (afb. 3) is een scène uit een klucht. Folkloristische personages hebben een handgemeen en bespotten een oude man in het centrum van de compositie. Het blad is ongesigneerd

Afb. 3. Pieter Quast. Scène uit een klucht. 1640–1647. Perkamant, zwart krijt. 29,2×32 cm. OR-5184

en ongedateerd, maar behoort met grote zekerheid tot de nalatenschap van Quast. Het is uitgevoerd met zwart krijt op perkament — de favoriete techniek van de kunstenaar. De tekening is stilistisch vergelijkbaar met zijn werk van na de jaren 1640. Het is een complexe meerfigurencompositie waarbij de figuren met elkaar verweven zijn tot één collectieve actie. Hun gezichten met eniszins scheve neuzen zijn karikaturaal en hebben karakteristiek voor Quast. Maar hun uiterlijk is niet zo grotesk als op een aantal werken van Adriaen Brouwer.

De figuren op de schets zijn volkse personages die vaak voorkomen in de Nederlandse kunst vanaf de 16^e eeuw. Rechts staat dus vermoedelijk Hansworst, een vrolijke, gulzige man. Hij was, samen met Peeckelhaeringh, een schelm en speelde een rol verwant is aan die van Arlecchino in de Italiaanse commedia dell'arte. Hij is getooid met een ketting van worsten en een lepel in zijn hoed, een detail dat vaak voorkomt bij arme

boeren in het werk van Pieter Brueghel de Oude. Met zijn gezicht in een plagerige grimas trapt Hansworst de oude man met zijn voet. Hij komt ook voor op andere tekeningen van Quast, vaak tussen de narren die in de manier van Callot zijn afgebeeld. Deze tekening sluit dus aan bij een groep schetsen van kluchten met narren uit het Boijmans van Beningen Museum in Rotterdam [Stanton-Hirst, 1982]. De congruentie van figuren, theatrale bewegingen en gebaren en neutrale achtergrond van de tekening behoren tot de gemeenschappelijke kenmerken. De behandeling van de personages op de tekening uit de collectie van de Hermitage is echter minder grotesk en doet minder denken aan Callots afbeeldingen. Dit blad kan ook vergeleken worden met de tekeningen van Quast die boerentaferelen voorstellen en een stichtelijke betekenis hebben. Vaak zijn dergelijke composities gebaseerd op spreekwoorden en verwijzen ze naar een folkloristische traditie. Het Szepmuveszeti Museum in Boedapest bewaart twee van dergelijke bladen, één gewijd aan de veroordeling van dronkenschap [Gerszi, 2005, p. 200], het illustreert het gezegde: “Het slaet als een tang op een varken”, dat de hoogste graad van vernedering van een dronken persoon betekent. De tweede tekening steelt een dorpsfeest voor [Gerszi, 2005, p. 200], scènes van boerenvermaak voor een vervallen kerk.

Het onderwerp van het schilderij in de collectie van de Hermitage levert een aantal problemen op. Het grootste probleem is de interpretatie van de oude man, omringd door boeren die hem bespotten. Door zijn kleding wordt gesuggereerd dat hij een Jood is. Hij wordt bespot om zijn niet-christelijk geloof en de geestelijke blindheid waarin hij zijn leven doorbrengt. Zijn oosterse kleding is nogal ongebruikelijk. Hij is gekleed in een kamerjas met lange mouwen en zijn hoofd is bedekt met een brede hoofddoek. Dezelfde kostuums zijn te vinden bij de Joden in scènes uit de cyclus het Nieuwe Testament de meester. De ouderling met een hoofddoek is te zien op de tekening *De Kruisdraging* (1640, privé-verzameling) [Onno van Seggelen]. Een soortgelijk type is afgebeeld in de eerste rij onder een menigte toeschouwers in de compositie “*Ecce homo*” (1641, privé-verzameling, No. 31109) [RKD]. Een andere indirecte bevestiging van deze veronderstelling is de serie tekeningen van Praagse Joden door Roelant Savery [Spicer, 1996]. Uit een andere reeks van zijn werken heeft Quast de boerentypes overgenomen die Yu. Kuznetsov [Kuznetsov, 1973] heeft geanalyseerd. Bovendien publiceerde Rulants neef Solomon Saveray een serie gravures van Quast [Hoop Scheffer, 1974]. Natuurlijk is de kleding van de Joden die Savery schetste in de Joodse gemeenschap in Praag

historisch veel nauwkeuriger. Maar de algemene snit en de dikke baarden van de mannen komen goed overeen met het uiterlijk van het personage op de tekening van Quast.

De oude man laat het boek en de schrijfstift vallen, die waarschijnlijk de nutteloosheid van zijn kennis en geloof betekenen. Men kan aannemen dat zijn beroep onfatsoenlijk is. Met boeken werden in de 17de eeuw vaak alchemisten afgebeeld die, volgens een traditie die teruggaat op de werken van de noordelijke renaissance en literaire humanistische traditie, werden berispt omdat ze hun leven verspilden in het vergeefse streven naar rijkdom. Dit onderwerp is vertegenwoordigd in het werk van David Teniers de Jonge, Adriaen van Ostade en vele anderen. Pieter Quast is geen uitzondering en er zijn schilderijen die aan hem of aan kunstenaars uit zijn kring worden toegeschreven (Privé collectie, Christie's, New York, 6 Apr. 1989, lot No. 141) [Christie's]. De sterkste gelijkenis toont de oude man op de tekening met een van de genezers op het schilderij van de meester — een bezoek van een eenvoudige boer aan een kwakzalver (Musée des Beaux-Arts, Dole). Deze interpretatie wordt tegengewerkt door de afwezigheid van het gereedschap dat typisch is voor het beroep van het personage, of het nu gaat om een kolf met analyses of een drankje bij een genezer of chemische apparatuur bij een alchemist.

De oude man wordt omringd door boeren, die voorwerpen vasthouden die verband houden met zinloosheid en vergankelijkheid van het leven, dat wil zeggen de symboliek van vanitas. Dit zijn gedoofde kaarsen en een zandloper. Ze hebben ook de attributen van domheid: de blaasbalg, die symbool was voor winderig karakter en een grote lamp, verwijzend naar het spreekwoord “Een grote lantaarn met weinig licht”. Veel van de personages bespelen pijpen en maken lawaai. Dit moet stichtelijkheid van de scène verhogen door de kijker te herinneren aan de traditie van de berisping die sinds de middeleeuwen in Europa bestond. In de Russische geschiedschrijving is deze traditie bekend onder de Franse naam “charivari” [Bakhtin, 1990, p. 163]. In Nederland werd het “scherminkeken” of “ketelmuziek” genoemd. De eerste term verdient de voorkeur, aangezien het woord “ketelmuziek” ook vaak gebruikt werd om lawaai tijdens feesten en carnavals aan te duiden [Moens, 1994, p. 38]. Dergelijke vernederende processies maakten deel uit van het leven in Nederlandse dorpen van de Vroegmoderne Tijd (16de, 17de eeuw). Aan deze straf werden veel misdaden tegen de goede zeden onderworpen. Het was gebruikelijk om snel gesloten huwelijken, zwangerschap, verlies van maagdelijkheid voor

Afb. 4. Pieter Quast. Man met pijp. 1635–1640.
Perkament, zwart krijt. 18,5×12 cm. OR-5180

het huwelijk, weigering om te trouwen te berispen. Afbeeldingen van dergelijke processies zijn ook elders te vinden, met name op een aantal schilderijen van David Ryckart III [Statkevich, 2021].

Een andere tekening van Pieter Quast uit de collectie van Karl Kobenzl (OR-5180, 18,5×12 cm) (afb. 4) toont een boer die op een laag krukje zit en een pijp rookt. De tekening in zwart krijt op perkament is ondertekend met een paraaf door de kunstenaar. Soortgelijke boerenfiguren werden door Quast vaak in de tweede helft van de jaren 1630 opgenomen. Dit blad kan daarom worden toegeschreven aan deze datum.

Het thema roken was in de 17^e eeuw erg populair in de Nederlandse kunst. Hoewel tabak pas in de tweede helft van de 16^e eeuw in Europa arriveerde en eerst voor medische doeleinden als pijnstillers diende, won het als onderdeel van vrijetijdsbesteding al snel aan populariteit. Het werd in de 17^e eeuw door veel mensen in pijpen gerookt, ook snuiftabak was populair. Fascinatie voor tabak in de lagere klassen werd een populair onderwerp voor kunstenaars, en afbeeldingen van rokende boeren

overspoelden de kunstmarkt. We vinden ze bij Adriaen Brouwer, David Teniers de Jonge, Adriaen van Ostade, Adriaen van de Venne en vele anderen. Roken werd echter gezien als levensverspilling, waarbij de snelle levensstroom vergeleken werd met tabaksrook. Nederlandse pijpen waren echter van aardewerk en dus breekbaar. Een van deze gebroken dunne pijpen legt Quast op de grond, om de kijker te waarschuwen voor vluchtige en twijfelachtige genoegens.

Rokende boeren komen vaak voor op de tekeningen van Quast. Een man op een blad uit het Schlossmuseum in Weimar (No. 197617) [RKD] en een boer in een andere herbergscène uit een Nederlandse privéverzameling [Onno van Seggelen] doen aan deze activiteit. De figuur van de boer is ook kenmerkend — een dikkere man met een grote neus, een lage hoed op zijn hoofd en een losgeknoopte wambuis. Een soortgelijk type is een zieke op het reeds genoemde schilderij uit de collectie van de Hermitage [Sokolova, 2017, p.211]. Een soortgelijk personage is ook afgebeeld op een klein schilderij uit een Hongaarse privé-collectie [Kovacs, 2006, p.216]. Hij zit op een vat, naast een olielamp en een kruik bier.

Het laatste blad (OR-5181, 17,8 x 15,2 cm) (afb. 5) toont een magere boer met een muts op, zittend op een laag krukje met een bierpul in de hand. Vanachter de deur gluurt een ontevreden oude vrouw. Hoewel de tekening ongesigneerd en ongedateerd is, lijkt zij qua stijl op het vorige blad en is gemaakt met zwart krijt op perkament. Waarschijnlijk is zij ook gemaakt in de tweede helft van de jaren 1630. Er zijn twee schetsen van een soortgelijke boerenkop in het Wallraf-Richartz Museum in Keulen en in een particuliere verzameling (Sotheby's, London, 9 Jul. 2008, lot No. 33) [Sotheby's]. Deze dienden als basis voor twee gravures uit een serie boerentypes [Hollstein, 1993]. Kenmerkend voor Quast is de afbeelding van een oude vrouw, een komisch personage dat haar man ter verantwoording roept of deelneemt aan zijn losbandigheid, wat in veel tekeningen van Quast te zien is. Er is er een in rood krijtwerk uit de collectie van Yale University [Boorsch, Marciari, 2006, p.148], op een blad uit Boedapest waarop een spreekwoord is afgebeeld [Gerszi, 2005, p.201] en vele andere. De verschijning van alleen een vrouwenhoofd dat vanachter de deur naar binnen gluurt, sluit aan bij de iconografische traditie. In de boerenscènes van Adriaen Brouwer en David Teniers de Jonge worden de raisonneur personages (boze oude vrouwen of lachende boeren) vaak op die manier afgebeeld. Ze zijn ook aanwezig in Quast's eigen werken, zoals een nieuwsgierige jongeman die in

*Afb. 5. Pieter Quast. Zittende man met een kroes.
1635–1640. Perkamant, zwart krijt. 17,8×15,2 cm.
OR-5181*

een taveerne gluurt waar twee drinkende boeren zitten op een tekening uit een privécollectie (No. 57428) [RKD]. En op het schilderij met de kwakzalver uit de Hermitage [Sokolova, 2017, p.211] is de dood zo'n onverwachte bezoeker.

Uit dit overzicht van de tekeningen van Quast die zich in de collectie van de Hermitage bevinden kan samenvattend worden gezegd dat de Hermitage over een van de beste grafische collecties van deze kunstenaar beschikt. Het omvat werken van verschillende aard die voor verschillende doeleinden gemaakt. De grafische nalatenschap van Quast is vrij uitgebreid en ongewoon van techniek, vaak met zwart of rood krijt op perkament. Zijn tekeningen tonen aan hoe flexibel de kunstenaar was in de keuze van zijn onderwerpen: hij maakt zowel gemakkelijke genretaferefen, waaruit zijn fascinatie voor kluchten blijkt, als afbeeldingen met scènes uit het Oude Testament, die gekenmerkt worden door zijn belang-

stelling voor de barokke wereld van het 17e-eeuwse theater. Quast verwijst ook naar het werk van andere kunstenaars en ontleent verschillende motieven, compositieschema's en stijluitingen aan Pieter Brueghel de Oude, Adriaen Brouwer, Adriaen van Ostade en vele anderen. De tekeningen die in Yu. Kuznetsov's artikel worden geanalyseerd en gepresenteerd zijn kopieën van werken van Roelant Savery. De andere vijf bladen worden in dit artikel voor het eerst gepubliceerd. Ze kunnen interessant zijn voor onderzoekers van de 17^e-eeuwse Nederlandse kunst en licht werpen op onbekende bladzijden in de oeuvergeschiedenis van de kunstenaar. Een uitgebreide studie van zijn oeuvre is nog niet uitgevoerd, en veel van de feiten van zijn leven en werken blijven nog onbekend.

Met dank aan: De auteur dankt A. Yakovleva, A. Larionov, I. Michailova, O. Tilkes en J. Grave voor hun hulp bij het verwerken van het onderzoeksmateriaal en het vertalen van het artikel.

REFERENCES

- Bakhtin M. M. *The work of François Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 541 p. (In Russian)
- Boorsch S., Marciari J. *Master drawings from the Yale University Art Gallery*. New Haven: Yale University Press, 2006. 280 p.
- Borusowski P., Janiszewska A. *In the Workshop of a Netherlandish Master. Dutch and Flemish drawings from the collection of the National Museum in Warsaw*. Warszawa: Muzeum Narodowe w Warszawie, 2017. 303 p.
- Bredius A. Pieter Jansz. Quast. *Oud Holland*, 20 (2), 1902. P. 65–82.
- Gerszi T. *17th-Century Dutch and Flemish Drawings. A Complete Catalogue*. Budapest: Budapest Museum of Fine Arts, 2005. 393 p.
- Gudlaugsson S. J. *The comedians in the work of Jan Steen and his contemporaries*. Soest: Davaco, 1975. 68 p.
- Hoop Scheffer D. de. Een serie bedelaars door Pieter Quast: 'T Is Al Verwart-Gaeren'. *Bulletin van het Rijksmuseum*, Jaarg. 22, Nr. 4. Amsterdam: Stichting het Rijksmuseum, 1974. P. 166–172.
- Kovacs Z. "The Witty Pieter Quast": The Works of an Amsterdam Master in Hungary Then and Now. *Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-arts*, 104, 2006. P. 101–128.
- Kuznetsov Yu. I. Pieter Quast Copied Savery's 'Naer het leven'-Drawings. *Album amicorum J. G. van Gelder*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1973. P. 215–218.
- Leeuwenberg J. Beeldhouwwerk van de schilder Pieter Quast. *Bulletin van het Rijksmuseum*, 14de Jaarg., Nr. 2. Amsterdam: Stichting het Rijksmuseum, 1966. P. 60–64.

- Moens K. *Muziek & Grafiek: Burgermoraal en muziek in de 16de- en 17de-eeuwse Nederlanden*. Antwerp: Hessenhuis, 1994. 160 p.
- Sachs H. *Werke*. Band XV. Tübingen: BLVS, 1885. 558 s.
- Schade S. *Schadenzauber und die Magie des Körpers: Hexenbilder der frühen Neuzeit*. Worms: Wernersche, 1983. 163 s.
- Sokolova I. A. *Dutch painting from the 17th to 18th centuries. Collection catalogue*. Vol. 2. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2017. 384 p. (In Russian)
- Spicer J. The Star of David and Jewish Culture in Prague around 1600, Reflected in Drawings of Roelandt Savery and Paulus van Vianen. *The Journal of the Walters Art Gallery*, 54, 1996. P.203–224.
- Stanton-Hirst B. A. *The Influence of the Theatre on the Works of Pieter Jansz Quast*. Dr. Sci. thesis. Madison: University of Wisconsin-Madison, 1978. 570 p.
- Stanton-Hirst B. A. Pieter Quast and the Theatre. *Oud Holland*, 96 (4), 1982. P.213–237.
- Starting A. Een vroeg portrettype van Prins Willem II. *Oud Holland*, 68 (4), 1953. P.237–238.
- Statkevich V.O. Landscapes with Children's Images in the Painting of David Reikart III. *Proceedings of the national scholar conference of students, post-graduate students and young scholars "Kurbatovskie chteniia"*. St. Petersburg: Skifiia-Print, 2021. P.397–403. (In Russian)
- Vondel J. van den. *De werken van Vondel*. Deel III. Amsterdam: De Maatschappij voor goede en goedkoopere lectuur, 1929. 949 p.

GUIDES

- Hollstein F.W.H. *German and Flemish Engravings, Etchings and Woodcuts ca. 1450–1700*. Vol. 7. Amsterdam: Van Gendt, 1962. 292 p.
- Hollstein F. W. H. *Dutch and Flemish Engravings, Etchings and Woodcuts ca. 1450–1700*. Vol. 42. Roosendaal: Koninklijke Van Poll, 1993. 211 p.
- Hollstein F. W. H. *Dutch and Flemish Engravings, Etchings and Woodcuts ca. 1450–1700*. Vol. 59. Rotterdam: Sound & Vision Publishers, 2003. 218 p.

INTERNET SOURCES

- Christie's. Official website. Available at: <https://www.christies.com/> (accessed: 22.11.2022).
- RKD — *The Netherlands Institute for Art History*. Official website. Available at: <https://rkd.nl/nl/> (accessed: 22.11.2022).
- Lugt F. *Les Marques de Collections de Dessins & d'Estampes*. Official website. Available at: <http://www.marquesdecollections.fr/introduction.cfm> (accessed: 22.11.2022).

Onno van Seggelen. Official website. Available at: <https://www.onnovanseggelen.com/> (accessed: 22.11.2022).

Sotheby's. Official website. Available at: <https://www.sothebys.com/en/> (accessed: 22.11.2022).

Vladislav Statkevich

*St. Petersburg State University,
State Hermitage Museum*

PIETER QUAST'S DRAWINGS IN THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM

For citation: Statkevich V. Pieter Quast's drawings in the collection of the State Hermitage Museum. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 162–180. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.111> (In Dutch)

The article analyses five drawings by the Dutch painter Pieter Quast (circa 1606–1647) from the collection of the State Hermitage Museum. The sheets shown are unpublished. They are executed in the artist's characteristic technique: in black chalk on vellum; some sheets are signed and dated. They come from three different collections, four of the drawings came into the museum in the 18th century and one is a late acquisition and was purchased in 1972. The little-known master's diverse body of work is represented in museum collections and private collections mainly by graphic material, including numerous drawings. The artist's passion for drawing seems to have also been caused by his poor financial situation. Although Quast's biography is known in fragments, published archival materials reveal the artist's complex creative path. A study of his works from the national collection confirms their authorship and gives grounds for speculation about the reading of the subjects. The themes chosen by the master are inextricably linked with the pictorial tradition: the work of the 16th century masters, in particular Pieter Bruegel the Elder, and Quast's contemporaries Adriaen Braouwer, Adriaen van Ostade and others. The artist relied heavily on theatrical representations, both biblical and humorous folk sketches, as an important source of inspiration. This research paper analyses the master's drawings both in terms of iconography and using the formal and stylistic method, using comparative analysis and putting the works in line with the artist's other famous works.

Keywords: drawing, Pieter Quast, State Hermitage Museum, 17th century Dutch art, genre art, popular theatre.

Vladislav Statkevich

Postgraduate Student, Laboratory Assistant,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
State Hermitage Museum,
34, Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russian Federation
E-mail: vlstat@yandex.ru

Received: December 1, 2022

Accepted: January 9, 2023

UDC 811.113.5

Irina Taratonkina

St. Petersburg State University

ALEXANDER KUCHIN (1888–1913?) AND HIS SMALL RUSSIAN-NORWEGIAN DICTIONARY

For citation: Taratonkina I. Alexander Kuchin (1888–1913?) and his *Small Russian-Norwegian dictionary*. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 1, pp. 181–192. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.112>

The article introduces Alexander Kuchin and his “Small Russian-Norwegian dictionary”, which was published in 1907 by the publishing house “Pomor” (Finnmarken) in Vardø (Norway) and was very popular at that time. Its author, Alexander Stepanovich Kuchin, a man with a unique destiny, is known to compatriots as the only Russian who participated in the discovery of the South Pole in the Roald Amundsen’s expedition, and also as the first of our countrymen who, after the discovery of Antarctica in 1820 by the expedition of Faddey F. Bellingshausen and Michael P. Lazarev, landed on the coast of the Southern continent. A talented young man who died in the expedition of Vladimir A. Rusanov at the age of only 25, made a great contribution to science, research and navigation. Born in the village of Kushereka in the Onega district of the Arkhangelsk province, Alexander received a good education for that time. He graduated from a two-grade parochial school in Kushereka, brilliantly studied at the Onega City School, attended classes at the Tromsø school for a year and was the only one in the course graduated from the Arkhangelsk Merchant and Maritime School with a gold medal. He read H. Ibsen, K. Hamsun, J. Falkberget and other writers in the original. Alexander was also lucky to work at the biological station in Bergen under the direction of Bjørn Hjølland-Hansen, one of the founders of oceanography as a science; here he also met Fridtjof Nansen, one of the national Norwegian heroes, which played a significant role in A. Kuchin’s life. The “Small Russian-Norwegian dictionary” was published in 2,000 copies and was very popular that time. The dictionary contains around 4,000 words on 48 pages. There are no proper names in it, but at the end of the dictionary basic information about the phonetics and grammar of the Norwegian language is disposed. It is focused on Russian users and arouses undoubted interest among linguists, since it appeared in 1907, two years after the termination of the union with Sweden. It is valuable that Alexander Kuchin, not being a linguist, fixed the language

used by common people such as fishermen and trawlermen in the North of Norway (particularly in Finnmark and Troms). Such a democratic version of the language is also of special scientific interest. In general, the dictionary was caused by necessity, appeared at a proper time, was well compiled and completely fulfilled the functions assigned to it.

Keywords: Norwegian, bilingual dictionaries, Russian-Norwegian dictionaries, small dictionaries, Alexander Kuchin.

One of the first Russian-Norwegian dictionaries was printed in the printing house “Pomor” (Finnmark, Norway) in 1907. Its author, Alexander Stepanovich Kuchin (28.09.1888–1913?), is a man with a unique destiny [Aliev, 2016; Borovoi, 1989; Bregman, 1962; Bulatov, 2001]. At the age of 18 he was already the captain of a fishing vessel in Norway. At the age of 21 Alexander was responsible for the research part of Roald Amundsen’s expedition to Antarctica and being 23-year-old young man was the only candidate for captain in the campaign of Vladimir Rusanov to Svalbard. He is also known as the first of our compatriots who, after the discovery of Antarctica in 1820 by the expedition of Faddey Bellingshausen and Michael Lazarev, landed on the coast of the Southern continent [Bregman, 1962; Bulatov, 2001; Gorbato, 1987; Terent’ev, 2011].

Alexander Kuchin was born in a pomor family in the village of Kushereka in the Onega district in the Arkhangelsk¹ province. Kushereka (from Finnish *koski* — “river threshold”) was a large rich settlement and the administrative center of the district. His father Stepan Grigorievich was an educated and competent sailor respected by his fellow villagers. His mother Fekla Andreevna came from a wealthy family and was a domineering and order-loving woman. Alexander received a good education for that time. He graduated from a two-grade parochial school in Kushereka and then brilliantly studied at the Onega city school from 1899 up to 1903.

Onega was only two times larger than Kushereka at that time. It was an international trade and port city, where fish and timber were changed for flour and cereals. It was called the “Pomor trade”² [Niemi, 1992, p. 122]. It lasted for more than two centuries and contributed to

¹ The city is also known in English as Archangel and Archangelsk.

² The trade (“*byttehandel*” in Norwegian) carried out between the Pomors living near the White Sea (the North-West of Russia) and Norwegians along the coast of Northern Norway.

the mutual influence of two cultures and the economic development of Norway and Russia. There were several sawmills owned by the British and Norwegians in Onega and nearby settlements. High-tech equipment required maintenance, and therefore inhabitants (clerks from sawmills) sent their children to study to England and St. Petersburg, and captains and skippers — to Norway. “Onega is the same Norway, only speaking differently,” — was a widely used phrase (cit. [Simakova, 2015, p. 18]).

After the school according to the regulations on city schools of 1872, Alexander Kuchin had the right to receive the first class rank in public service without an exam and enjoy benefits during military service. However in summer 1903, Alexander’s father took him to Tromsø to improve his Norwegian, since the captain of the ship and the ship owner needs to have a good command of language. Alexander fell in love with the town, later he called the year spent in Tromsø one of the happiest times in his life and he eagerly returned to his beloved town. He lived in the family of Hamundsen and had many acquaintances there. He became a good friend with Bartold Hagemann, an elder son of Alta mayor and Storting’s³ representative. They remained good friends for the whole life, and the preserved correspondence with Bartold tells a lot about Alexander.

In September 1904, Alexander was accepted into the second class of the Arkhangelsk commercial and maritime school, which was one of the leading educational institutions of that time. Arkhangelsk was an international sea port, which connected Russia with Europe. Dozens of ships from Holland, England, Germany and Norway stood at anchors on the river Northern Dvina. Arkhangelsk served also as an important base for the development of Arctic and the establishment of navigation along the Northern Sea Route. It was quite difficult to study in the Maritime school as demands were very high. The teaching staff consisted mostly of graduates from universities and higher maritime institutions.

Kuchin studied brilliantly. Meanwhile, Russia was overwhelmed by a wave of the strike movement, and the young man did not escape the revolutionary temptation — on October 18, 1905, he marched through Arkhangelsk in a column of demonstrators together with some stu-

³ The Storting is the Norwegian Parliament.

dents, workers and political exiles. The reaction of the school authorities was sharp: all participants of the demonstration were expelled. Having received the documents, Alexander left for Onega and then, using a fake passport, to Vardø, the famous center of hunting and fisheries at that time. He worked part-time at the printing house “Pomor” (Finnmark) which was supported by Russian Social Democrats who published illegal literature there. Later this printing house will publish Kuchin’s small Russian-Norwegian dictionary. Alexander remained there until the resumption of classes at the maritime school in the fall of 1906. In 1909, Alexander graduated from the school with a gold medal, the only one from the course.

One of the privileges of the Arkhangelsk Merchant and maritime school was opportunity to receive a diploma of a navigator of the 2nd category without additional tests in case an adult graduate had reached the age of 21 and sailed for 24 months. But after the graduation from the Merchant and maritime school Alexander decided to study oceanography at the Bergen biological station, where “his diligence, curiosity and inquisitive mind soon attracted the attention of Norwegian scientists” [Proceedings of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North, 1910, p. 72]. Oceanography was just beginning to develop as a science. The biological station in Bergen was one of the leading centers for the study of the sea. It was known not only for research works carried out there, but also due to courses organized on various topics which attended scientists from all over the world.

The variety of Alexander Kuchin’s interests and talents amazed his contemporaries. Pavel Bashmakov, a well-known hydrographer, historian of the North and fellow student of Alexander, wrote: “The road of an ordinary seaman or seafarer that opened before Alexander Stepanovich didn’t tempt him anymore. Now he dreamed of a career as a marine scientist, wanting to devote himself to oceanography... He admired greatly such famous Norwegians as Fridtjof Nansen and Otto Sverdrup” [Bashmakov, 1939, p. 89].

Alexander worked hard under the guidance of Bjørn Helland-Hansen, director of the biological station and the founder of oceanography as a science. Professor clearly singled out the Russian navigator among his other interns. Soon Alexander became one of the best students and was transferred to the position of assistant and began to get salary. Here on the station Kuchin met Fridtjof Nansen, the national hero of Norway,

who was impressed by the diligence and scrupulousness of the young man. In the spring of 1910, on the recommendation of F. Nansen and B. Helland-Hansen, a Russian researcher and navigator was accepted into the Roald Amundsen's expedition.

Alexander had to perform both the duties of an oceanographer and a navigator on the "Fram"⁴. Kuchin was included in the expedition contrary to the resolution of the Storting, which advocated that the named expedition should be exclusively of Norwegian national character and its participants should be only Norwegians. "Such violation of the Storting's wishes by the organizer of the expedition was made due to the exceptional abilities and talent of A. S. Kuchin in the oceanography," — was written in *Morgenbladet* in 1910 (cit. [Simakova, 2015, p. 80]).

Kuchin's work in this expedition was highly appreciated. Alexander was warmly welcomed both in Norway and in Russia. As the only foreign member of the Amundsen expedition, he was awarded a meeting at the Norwegian Geographical Society, where he was presented to the king, Haakon VI, and a prize from the Norwegian government of 3,000 kroner. In Russia the scientific community elected him a corresponding member of the Society for the Northern Study. Soon in one of the Bergen newspapers appeared announcement that Alexander Kuchin was engaged with Aslaug Paulsen, the 18-year-old daughter of the famous literary and theatre critic Andreas Paulsen.

After returning home in 1912, A. Kuchin went on a polar expedition with Vladimir Rusanov on a new ship "Hercules" to the northern polar latitudes. On June 26, 1912, at 9 p. m., "Hercules" departed from the harbor of Alexandrovsk-on-Murman for its last sea voyage. In the autumn of 1912, after exploring the Svalbard archipelago, "Hercules" unexpectedly set off along the Great Sea Route and in 1913 disappeared near the shores of Taimyr [Aliiev, 2016; Gorbatov, 1987; Terent'ev, 2011]. Alexander Kuchin — a talented young man with diverse interests died even before reaching the age of 25 years. An experienced captain, a talented and versatile researcher, an

⁴ From Norwegian *fram* 'forward'. Norwegian wooden sailing-motor schooner, specially built for the needs of polar research, in particular, long-term drift in pack ice. The author of the project was Fridtjof Nansen, the construction was carried out under the supervision of Otto Sverdrup. Three expeditions to the North and South Poles were carried out on the "Fram" in 1893–1912.

outstanding scientist with a wide range of scientific contributions arouses also interest among linguists.

Alexander read a lot including Norwegian literature. He read Norwegian authors in the original (H. Ibsen, K. Hamsun, J. Falkberget, etc.) He translated books also. In his letter from 29 July, 1910 to Bartold Hagemann he wrote: “I looked through Falkberget’s book, but I didn’t start translating. Russian readers are used to the best, so I think they are unlikely to meet the book with enthusiasm” (cit. [Simakova, 2015, p. 82]). So no wonder that in 1907 the “Small Russian-Norwegian dictionary” compiled by Kuchin was published.

The dictionary was very popular and was quickly sold out although it was printed in 2,000 copies. In one of the letters the father wrote to Alexander: “I was at the Shmakovskaya bookstore today. They don’t know how to get your dictionary... I sold also out your dictionary, all the copies, I didn’t even keep it. Shmakovskaya said that they wanted to get 2 or 3 dozens, as many people ask them, but your dictionary had been gone for a long time” [Simakova, 2015, p. 59]. However, the dictionary is of much interest as a monument of the Norwegian language. At the turn of the century, there were heated debates about the ways of language development in the independent Norway after the termination of the Swedish-Norwegian union in 1905 [Berkov, 2011; Berkov, 2012; Kan, 1980]. The dictionary of A. Kuchin was one of the first dictionaries of the Norwegian language, which became the state language at that time.

For almost 400 years Norway was a part of Denmark and all official documentation, legal proceedings were written in Danish. In a number of European countries, the “Reformation contributed to the creation of the norm of the national language (the most important role was played by the translation of the Bible). In Norway, on the contrary, Danish has become established as a written language” [Berkov, 2012, p. 64]. All books were published in Denmark, including the Bible, the psalm book, prayer books, collections of sermons and catechism [Ves-sen, 1949]. It was a written language, which was studied at universities and taught in schools, all scientific and research works were also written in Danish. When Norway became independent in 1814 (remaining, however, in the union with Sweden), the political basis for the dominance of the Danish language in the country was eliminated. But it would take about a century before the Norwegian national language was created.

The national Norwegian language was formed in two different ways. The first one was focused on “norwegianization” of the literary language, bringing the written norm in accordance with the real spoken language of the educated urban population. The second one was to form a literary language on the basis of rural dialects in districts [Berkov, 2011; Berkov, 2012; Kan, 1980]. Alexander Kuchin, not being a linguist, recorded the language used by common people while working in the North of Norway and it is very valuable, as such a democratic version of the language is also of special scientific interest.

The dictionary included almost 4 thousand words and terms most commonly used by fishermen and trawlermen in Northern Norway (particularly in Finnmark and Troms). The first spelling reform was carried out already in 1907. The main point of it was the introduction of voiceless stops (*p, t, k*) instead of voiced (*b, d, g*) after long vowels. But that reform did not affect the dictionary [Berkov, 2011; Berkov, 2012]. We could only guess whether the dictionary was printed before the reform or the compiler decided to release the dictionary in the old orthography as in the remained letters written to brothers Hagemann nothing is said about the dictionary.

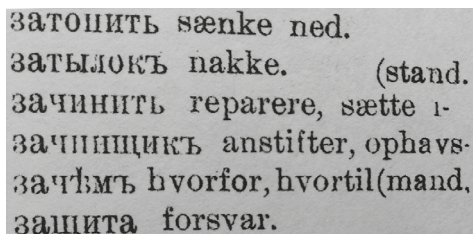
There are only 48 pages and no proper names in it, but at the end of the dictionary short basic information about the phonetics and grammar of the Norwegian language is positioned. It was focused on Russian users and arouses undoubted interest among linguists. It is figured out on the cover page that there are 4,000 words in the dictionary. Frankly speaking it should be noted that there are about 3,000 Russian words and terms, but some of them have two or three (or even four) Norwegian equivalents, for example: *бездѣлица* — *smaating, bagatel*; *вдоволь* — *nok, tilstrækkeligt*; *дробь* — *brudstykke, skaar*; *задатокъ* — *forskud, fæstepenge*; *защищать* — *værge, forsvare*; *извѣстiе* — *beretning, efterretning, meddelse*; *мѹка (муч.)* — *pine, smerte, plage*; *нести* — *bære, bringe, fore*; *отпустить* — *løslade, slippe, ladegaa*; *прямая* — *lige, ret, direkte*; *сохранять* — *bevare, skaane, spare, passe*; *спор* — *krangel, trætte, disput*; *считать* — *tælle, regne; holde for*; *хозяйка* — *værtinde, husfrue, etc.*⁵

It's obvious that there are not so many vocables in the dictionary. It's predictable that under some letters, such as *Ф, Ц, Ш, Ъ, Э* and *Ю* there are a few vocables (16, 16, 15, 5, 7 and 6 correspondingly). As for the

⁵ Spelling and punctuation are given as in the dictionary.

letter *A* there are only 19 vocables under it, two vocables less than under the letter *Я*.

The compiler of the dictionary used the common principle — maximum information at a minimum of space [Berkov, 1996; Berkov, 2011]. That's why we can find such cases when the translation of one word ends in a line with another vocable. For example, on page 11 there are two such cases (see Figure).

ЗАТОПИТЬ sænke ned.
ЗАТЫЛОКЪ nakke. (stand.
ЗАЧИНИТЬ reparere, sætte 1-
ЗАЧИННИКЪ anstifter, ophavs-
ЗАЧЪМЪ hvorfor, hvortil(mand,
ЗАЩИТА forsvar.

An example of the word hyphenation

Source: The small Russian-Norwegian dictionary, 1907 [Kuchin, 1907, p. 11] (photo by the author of the article)

There are some other cases given below:

постановление anordning, af-
постель seng, bolster. (gjørelse
принять modtage. (lige
приравнивать tilpasse, gjøre
скользкий glat. [meget.
сколько hvor mange, hvor
страховое о-во — forsikringssel-
страх — angst, frygt. [skab

The disposition of the words is clearly seen in the photo taken from the dictionary [Kuchin, 1907, p. 11].

Kuchin also spares space by reducing some words, for example: *мостикъ* (парох.) ‘kommandobro’, *набѣло* (пис.) ‘renskrive’, *надѣл* (змл) ‘andel, arvedel’, *указатель* (кн.) ‘veiviser’ or *ярусъ* (промыш.) ‘linje’ etc.

Right after the vocables, the author disposes the Norwegian alphabet and explains how some sounds should be pronounced, precisely only ten of them. It is a difficult task for a person, who did not know linguistics, to explain phonetics, that's why there are some inaccuracies and

errors, for example it is stated that *u* is a little bit softer than the Russian *y* or *y* is softer than the Russian *y*.

The compiler did not specify accents in Norwegian lexemes and did not supply them with grammatical marks. There is only an indication what nouns belong to the masculine, feminine or neuter gender on the last pages of the dictionary devoted to grammar (“НЪсколько о норвежской грамматикъ”) [Kuchin, 1907, p.41–45].

On page 46 there are lists of quantitative and ordinal numerals and names of weeks and months. As for the last two pages A. Kuchin suggests users some sentences and dialogues both in Russian and in Norwegian which are supposed to help common people to communicate with each other.

Когда хотите вы пить кофе? Лучшие получить его въ четыре часа. Где моя комната? Ваша комната во второмъ этажъ. Когда я могу получить ужинъ? Вы можете ѣсть сейчасъ или въ девять часовъ. Ты хочешь пить (жаждешь)? Да, я очень хочу пить, дай мнѣ стаканъ воды... (Naar ønsker De at drikke kaffe? Tak, best at faa den klokken fire. Hvor er mitt værelse? Deres værelse er i anden etage. Naar kan jeg faa kveldsmad? De kan spise straks eller klokken ni. Er du tørst? Ja, jeg er meget tørst; giv mig et glas vand...) [Kuchin, 1907, p. 47].

Куда идете Вы? Я иду въ лавку, чтобы купить кое-что. Хочу я получить одну рубаику и двѣ пары чулокъ. Какой сортъ хотите Вы имѣть, лучший или дешевле? <...> Да, напримѣр, этотъ сортъ стоитъ полторы кроны, а этотъ только одна крона. (Hvor gaar De hen? Jeg gaar paa butikken, at kjøbe noget. Skal jeg faa en skjorte og to par strømper. Hvad sort vil De ha, den bedste eller billigere?... Jo, for eksempel, denne slags koster halvanden krone, og denne bare en krone.) [Kuchin, 1907, p. 48].

As far as we can see from above given sentences, all of them are examples of the most frequently used phrases and sentences. There is also a list of typos on the back cover at the end of the dictionary. However there are some mistakes and inaccuracy in the dictionary mostly concerning punctuation and inconsistency in the design of the dictionary. On page 22 the word *отнустить* is translated as “ladegaa”, though it should be written as “la det gaa”. Or narrative sentence: “Jeg skal faa en skjorte og to par strømper” starts with the verb “skal” instead of a noun. But we should remember that Alexander Kuchin was only eighteen-nineteen years old when he compiled the dictionary and he was a cap-

tain on a fishing vessel in Norway at that time knowing almost nothing about lexicography and linguistics.

Despite some shortcomings the small Russian-Norwegian dictionary of Alexander Kuchin was well compiled and completely fulfilled the functions assigned to it. In general, the compilation of such a dictionary was extremely necessary for people who communicated and worked in the North with Norwegians and it appeared at a proper time. Its compiler himself was an outstanding person, a unique specialist in different spheres, and although Scandinavian philology was not the main business of his life, he made a contribution to this science also.

REFERENCES

- Aliev R. P. *The wrong side of white. The Arctic from Vikings to Papanin*. Moscow: Paulsen Publ., 2016. 408 p. (In Russian)
- Bashmakov P. I. Captain of the expedition vessel "Hercules" A. S. Kuchin. *Sovetskaia Arktika*, 7, 1939. P. 88–94. (In Russian)
- Berkov V. P. *Bilingual lexicography*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1996. 248 p. (In Russian)
- Berkov V. P. *History of the Norwegian Language*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2012. 150 p. (In Russian)
- Berkov V. P. *Works on linguistics*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2011. 150 p. (In Russian)
- Borovoi V. A son of Russia: [A. S. Kuchin]. *Istoricheskie sviazi Russkogo Severa v Norvegii: A collection of articles*. Arkhangel'sk, 1989. P. 119–122. (In Russian)
- Bregman G. A. Captain A. S. Kuchin. *Letopis' Severa*, issue 3. Moscow, 1962. P. 130–147. (In Russian)
- Bulatov V. N. Kuchin Alexander Stepanovich. *Pomorskaia entsiklopediia: v 5 tomakh. Tom 1. Istorii Arkhangel'skogo Severa*. Ed. by N. P. Laverov. Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2001. P. 217–218. (In Russian)
- Gorbatov B. *An ordinary Arctic*. Moscow: Pravda Publ., 1987. 446 p. (In Russian)
- Kan A. S. *The history of Norway*. Moscow: Nauka Publ., 1980. 710 p. (In Russian)
- Kuchin A. *The Small Russian-Norwegian Dictionary*. Vardø: Pomor, 1907. 48 p. (In Russian)
- Niemi E. *Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år*. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1992. 192 p.
- Simakova L. A. *Alexander Kuchin. The only Russian in the Amundsen's expedition*. Moscow: Paulsen Publ., 2015. 318 p. (In Russian)
- Terent'ev S. A. *Arctic and Antarctic*. Moscow: Knizhnyi klub "Knigovek" Publ., 2011. 414 p. (In Russian)
- Vessen E. *Scandinavian Languages*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1949. 166 p. (In Russian)

INTERNET SOURCES

Proceedings of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North, 17, 1910. Available at: <https://ekb.aonb.ru/index.php?id=70&year=1910> (accessed: 19.01.2023). (In Russian)

Ирина Таратонкина

Санкт-Петербургский государственный университет

А. С. КУЧИН И ЕГО «МАЛЫЙ РУССКО-НОРВЕЖСКИЙ СЛОВАРЬ»

Для цитирования: *Taratonkina I. Alexander Kuchin (1888–1913?) and his Small Russian-Norwegian dictionary // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 1. С. 181–192. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.112>*

Статья посвящена А. С. Кучину и его «Малому русско-норвежскому словарю», который был опубликован в 1907 г. издательством «Помор» (Финмаркен) в г. Вардё (Норвегия) и пользовался большой популярностью. Его составитель, Александр Степанович Кучин, человек с уникальной судьбой, известен соотечественникам как единственный русский, участвовавший в открытии Южного полюса в составе экспедиции Руаля Амундсена, а также как первый наш соотечественник, который после открытия Антарктиды в 1820 г. экспедицией Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева высадился на берег южного материка. Одаренный молодой человек, погибший в экспедиции В. А. Русанова в возрасте всего 25 лет, внес большой вклад в науку, исследования и мореплавание. Уроженец с. Кушерека Онежского района Архангельской губернии получил хорошее образование для того времени. Александр Степанович окончил двухклассную приходскую школу в Кушереке, блестяще отучился в Онежском городском училище, год посещал занятия в школе г. Трумсё, единственный из курса окончил Архангельское торгово-мореходное училище с золотой медалью. В оригинале читал Г. Ибсена, К. Гамуна, Ю. Фалкбергер и др. Довелось Александру поработать и на биологической станции в Бергене под руководством Бьёрна Хеллани-Хансена, одного из основателей океанографии как науки; здесь же он встретился с национальным норвежским героем — Фритюфом Нансенем. «Малый русско-норвежский словарь» вышел тиражом 2000 экземпляров и пользовался большой популярностью. В словарь вошло около 4000 русских слов, в нем отсутствуют имена собственные, но в конце включены основные сведения о фонетике и грамматике норвежского языка. Словарь ориентирован на русских пользователей и вызывает несомненный интерес у лингвистов, поскольку появился в 1907 г., спустя два года после разрыва унии со Швецией. А. Кучин, не являясь лингвистом, зафиксировал тот язык, на котором общались рыбаки и промысловики на севере страны (в Финмарке и Трумсё), и такой «демократический» срез языка также вызывает научный интерес. В целом словарь был вызван необходимостью, появился своевременно, добротен составлен и полностью выполнил функции, возложенные на него.

Ключевые слова: норвежский язык, двуязычные словари, русско-норвежские словари, малые словари, Александр Степанович Кучин.

Irina Taratonkina

PhD in Philology, Associate Professor,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: i.taratonkina@spbu.ru

Таратонкина Ирина Павловна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: i.taratonkina@spbu.ru

Received: January 3, 2023
Accepted: January 17, 2023

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73019 от 06 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор *О. С. Ермакова*, канд. филол. наук, доц.
Редактор русского текста *В. С. Щеглова*
Корректоры *И. П. Журова*, *Ю. А. Стрельбицкая*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Дата выхода в свет 29.06.2023. Формат 60 × 84 1/16. Усл. печ. л. 11,2.

Тираж 35 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Издательство Санкт-Петербургского университета

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ

199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.